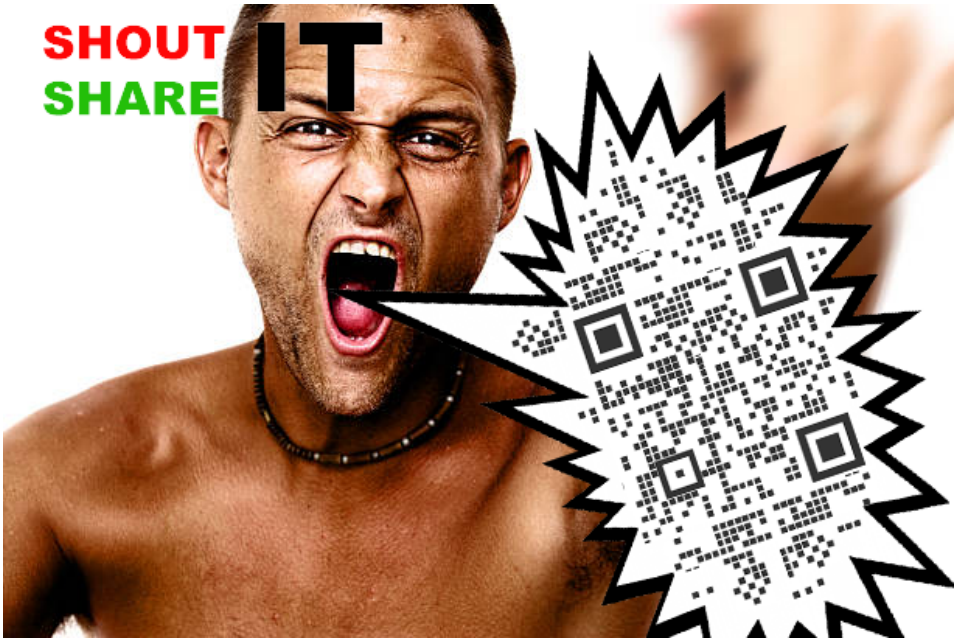
Х.-Э. ГРОСС, К.-П. ВОЛЬФ

ЧЕ: „МОИ МЕЧТЫ НЕ ЗНАЮТ ГРАНИЦ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Партизанский командир, одержавший множество побед, дальновидный государственный деятель, Дон Кихот XX века — таково множество различных мнений об убитом в 1967 г. Эрнесто Че Геваре. Революция на Кубе так же тесно связана с его именем, как и партизанская война в странах Латинской Америки. Но кем же действительно был этот человек, сказавший о самом себе: «Мои мечты не знают границ, пока пуля не прервет их полет»?

Предлагаемая вниманию читателей документальная повесть рассказывает о яркой жизни одного из самых интереснейших политических деятелей нашего времени. Написанная на основе обширного нового фактического материала, она повествует о героической борьбе Че Гевары за дело революции и отметает неверные представления о нем.

Авторы книги — журналисты из ФРГ.

- Хорст-Эккарт Гросс, Клаус-Петер Вольф
  - Пролог
  - Тэтэ
  - По дорогам Латинской Америки
  - «Мы обретем свободу или станем мучениками»
  - Patria o muerte![9]
  - «Мои мечты не знают границ»
  - Смерть в Боливии
  - Жизнь, отданная революции
  - Об авторах
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31

Хорст-Эккарт Гросс, Клаус-Петер Вольф

ЧЕ: «МОИ МЕЧТЫ НЕ ЗНАЮТ ГРАНИЦ»

Пролог

Накануне экзаменов его все сильнее терзали сомнения. Ночи для него в прошедшие недели становились все короче. С яростным упорством вгрызался он в учебный материал, но тому, казалось, конца-края нет. В эти дни на память часто приходили слова профессора Пизани:

— Медицину нельзя изучать эдак между делом.

И вот наконец все позади. Засунув руки в карманы, с потрепанной курткой на плече покидает он стены учебного корпуса. Впереди новый этап жизни. Отныне он врач. Он слонялся по улицам, оглядывался на девушек и прикидывал, как с толком просадить последние песо.

В одном из укромных винных погребков он встретил своего старого приятеля Калику. За время учебы они вместе откупорили не одну бутылку вина. Пропустив несколько стаканчиков красного, они завели речь о своих планах.

Эрнесто, лично я первым делом намерен заколачивать деньгу. И побольше. Обрыдло вечно каждое песо высчитывать. Инженером я смогу заработать кучу денег. В Венесуэле ведется колоссальнейшее строительство. Туда я и подамся.

— Что верно, то верно. Перед глазами сразу встает уйма стройплощадок. Но где там можно что-то еще построить, в этой котловине, — не представляю. Вокруг Каракаса даже склоны все сплошь застроены.

— Эх ты, голова садовая, да мы, инженеры, где хочешь строить можем. А если приспичит, снесем старые хибары и на их месте поставим многоэтажки.

Эрнесто покоробило, что в планах Калики люди не фигурировали вообще. Однако затевать спор не хотелось. Но и делать вид, будто этой проблемы вовсе не существует, было не в его духе.

— А как быть с теми, кто обретается в этих самых хибарах? Они, что ли, пойдут возводить ваши многоэтажки? И жить они там тоже будут?

Калика ушел от ответа.

— Ах, Эрнесто, ты так рассуждаешь, словно деньги тебе даром не нужны. Но я-то прекрасно знаю, как тебе приходилось вкалывать, чтобы хватило на все про все! Ты ведь эти годы за учебу сам платил, а после экзаменов, если не ошибаюсь, ты собирался к Гранадосу. Кстати, разве он не в Каракасе живет?

— Неподалеку от города, на побережье. Он договорился насчет места для меня. Представь: восемьсот долларов в месяц.

Даже не верится, что столько получать буду. Вместе с Альберто я смогу продолжить мои исследования.

— О чем еще мечтать? Ты же сам всегда этого хотел, верно? А с такими средствами тебе и на твое хобби останется — объездишь все древние развалины Латинской Америки. Или ты уже забросил археологию?

Эрнесто энергично замотал головой.

— Нет, наоборот! Древние культуры влекут меня как никогда. Изучая их, можно узнать, что за цивилизация существовала тут, в Латинской Америке, прежде, чем испанцы обратили все в руины.

Он задумчиво повертел в руке стакан с красным вином. Потом вылил в него оставшееся в бутылке и неожиданно выложил только что возникшую идею:

— Слушай, Калика, а давай поедем вместе! Калика пришел в восторг.

— По рукам! А поедем-то как?

— О самолете я даже слышать не хочу. Когда я летел домой из США, заклинило механизм выпуска шасси. Мы делали круг за кругом над аэродромом. У взлетно-посадочной полосы выстроились пожарные машины и «скорые». Наконец это шасси, будь оно неладно, выпрасталось на свет божий. Сам понимаешь, что я пережил. Но противнее всего при этом — ты раб положения. Сделать ничего не можешь — сиди и представляй, что будет. Нет уж. С меня хватит!

— Хорошо! А как же тогда ты это себе мыслишь? Как я понимаю, у тебя уже должен быть готовый план.

Тут Эрнесто оседлал своего любимого конька. Он пошел описывать Калике свои впечатления от Мачу-Пикчу. Руки его вычерчивали в воздухе подобия каменных крепостей и храмов. Ему во что бы то ни стало хотелось вновь вернуться в этот город инков. Он рассчитывал проехать из Буэнос-Айреса до Боливии, оттуда добраться на перекладных до Перу, и далее через Эквадор и Колумбию прямиком в Венесуэлу, к своему другу Гранадосу. Было решено ехать вместе.

Эрнесто грузно поднялся. Допив содержимое стакана, он сказал на прощанье:

— Знаешь, перед отъездом мне предстоит неприятная миссия.

— У тебя опять очередной роман?

— Нет, тут совсем другое. Надо переговорить с профессором Пизани.

— Да, да, именно об этом я и хотел тебя спросить. Он на тебя очень рассчитывает. По-моему, ты с ним в соавторстве даже парочку научных статеек тиснул? Тебя вроде бы к нему в

ассистенты прочат…

— Так оно и есть. Но я не желаю превращаться раньше времени в ржавый металлолом. Столько всего хочется узнать, посмотреть. Когда мы путешествовали с Гранадосом, меня одолевали разные вопросы, которых тьма-тьмущая. Видел бы ты эту нищету, эту несправедливость. Повсюду создаются огромные богатства. А что имеют от этого рабочий люд и крестьяне? Неужели сельское население обречено на вечное прозябание? Неграмотные, лишенные всякого медицинского обеспечения. Вопиющая несправедливость. Вот какие вопросы не дают мне покоя.

— Это уж точно: янки грабят нашу страну.

— Очень верно, Калика. Но что мы можем противопоставить этому? Я еще не нашел ответа. Как бы там ни было, сначала хочу в Венесуэлу. Ну что в самом деле ждет меня, если я приму предложение профессора Пизани? Лет через пять и я, может, стану профессором, потом буду работать в университете, пока мне не стукнет шестьдесят пять. Постой, значит, в 1993 году выйду на пенсию. — Эрнесто сделал протестующий жест. — Ну уж нет, такая жизнь мне и даром не нужна. Столько хочется испытать, изведать. Думаю, через десяток лет вернусь в Аргентину и буду работать врачом.

Он оторвал взгляд от письменного стола и в который раз принялся рассматривать плакат на стене. Висел он там уже долгие годы. Не один слой пыли погасил яркие краски. Однако они все равно казались ему слишком яркими.

Порой у него возникало ощущение, будто лицо на плакате странным образом меняется. Бывали дни, когда оно казалось ему угрюмым, даже ожесточенным. Затем взгляд выражал неприязнь, в нем сквозил вызов. А потом, особенно в то время, когда приходилось перелопачивать массу самых разных материалов, ему чудилось, что на лице у Че играет улыбка. В другие дни его глаза вновь как бы излучали оптимизм. Ну-ка, мир, поглядим, каков ты на поверку!

Он сложил книги в одну стопку. Воспоминания первой жены Че — Ильды, вышедшие в Мексике. Воспоминания его отца. Труды Че по экономике. Боливийский дневник. Речи Фиделя Кастро. Эпизоды революционной войны. Материалы исследований деятельности ЦРУ. Дневник Помбо. Девять томов сочинений, речей, писем самого Че.

За последние годы он перечитал массу литературы о Comandante[1] Эрнесто Че Геваре. Мысленно сложились первые фрагменты. Имена известных людей и географические названия оживали. Но всякий раз, как только он полагал, что приблизился

к Че, отчетливые видения вновь растворялись.

В его представлении образ Че претерпевал странную метаморфозу. То он казался сверх меры рациональным, то вдруг полным противоречивых рефлексий, с неожиданными гранями характера. Внезапно все построения лишались твердости и определенности. Не сразу он догадался, что множественность достоверных разрозненных фактов отнюдь не дает в сумме живого человека. Всю линию судьбы требовалось выстроить так, чтобы она поддавалась прочтению.

Он решил поглубже окунуться в детство и юность Че, понимая, что человек вне детства непознаваем.

Свидетельства, содержащиеся в книгах, были скудны, удручали схематизмом, выставляли ребенка, подростка таким, словно заранее было известно, что станет впоследствии с ним, взрослым. В восьмилетнем уже пытались распознать революционера, государственного деятеля либо сумасброда — в зависимости от политической платформы автора.

Он же тщился собрать камешки мозаики в единое целое, чтобы конкретнее и осязаемее представить личность юного человека. Но получится ли целостная картина, когда будут сведены частные детали, высказывания, воспоминания, легенды, жизненные события и даты, вновь и вновь спрашивал он себя. Теперь каждый новый материал он отбирал с недоверием, прикидывал так и эдак, проверял на убедительность.

Нетронутые заказники мифа — вот через что он пробирался на ощупь. Все, что ему удавалось там добыть, он тщательно подгонял — одно к одному: обрывки биографии, клочки фотопортретов, между которыми пустоты и белые пятна.

Настал черед задавать свои вопросы. Он хотел уяснить, что побудило Эрнесто Гевару выбрать себе в жизни именно такое поприще. Мечты юности необоримо манили его, как неразгаданная загадка.

Тэтэ

Эрнесто играл со своим младшим братом Роберто. На деревянной лошадке он скакал между книжными стеллажами.

— Мне что-то больше не хочется, Роберто. Может, к соседям сходим?

— Да ну, там у них опять какое-то собрание.

— А из-за чего — не знаешь?

— Не-а, какое мне до этого дело.

— Давай все-таки сходим. Иногда там есть на что посмотреть. Помнишь, как блондинистая тетка тому толстячку на полусогнутых выдала, полоумным обозвала?

Роберто прыснул. И с охотой пошел за братом. Еще с улицы было слышно, что страсти разыгрались не на шутку.

— С этим электробойкотом мы пальцем в небо попали! Энергосбытовая компания не снизила расценки.

Роберто и Эрнесто пробрались сквозь битком набитую комнату к отцу. Эрнесто пролез под стульями и ногами сидящих, а Роберто передавали по цепочке над головами. В помещении было накурено, хоть топор вешай.

— Надо искать другие формы протеста. Такая электроплата просто-напросто грабеж.

Не сводя глаз, следил Эрнесто за руками оратора. Тот бурно жестикулировал, не замечая, что столбик пепла на его сигаре стал загибаться. Эрнесто ждал, когда он отвалится. Мужчина был в белых брюках, и пепел оставил бы на них пятно. Возможно, он задел бы и соседку в светлом гофрированном платье, которая ерзала на стуле, пытаясь наконец-то получить слово.

Мужчина с апоплексическим, нервным лицом был настроен воинственно:

— Поразбивать им уличные светильники — и дело с концом!

— Несусветная чушь! — возмутилась его соседка и постучала указательным пальцем по лбу.

В этот момент пепел упал прямо ей на колено. Эрнесто расплылся в улыбке.

— Вот именно! Подбить все уличные фонари, по всему городу! Муниципальные правила гласят, что компания по сбыту электроэнергии в течение суток обязана починить все поврежденные уличные светильники. Иначе она схлопочет штраф. Стало быть, если мы всем миром раскокошим светильники, то…

Громкий смех не дал ему договорить. Никто не воспринял всерьез это предложение. Эрнесто вопросительно глянул на брата. Чтобы оценить обстановку и сговориться, им не

требовалось слов.

Они ушли с собрания. Идея сразу нашла отклик у детей и подростков. Разбившись на группы, ребята двинулись по улицам города, осыпая светильники градом камней.

Полицейские чувствовали себя сконфуженно, поскольку с недавних пор им вменили в обязанность стеречь фонарные столбы и отгонять от них ребятню. По всему городу как грибы плодились ватаги ребят, которые вместо того, чтобы гонять мяч на пустырях, увлеченно собирали камни. Городское электроосвещение почти полностью было выведено из строя. Компания по сбыту электроэнергии вынуждена была уплатить неустойку, но повышенную плату за свет не отменила.

Вскоре Эрнесто и его брату наскучил звон разбитого стекла, и они переключились на другие занятия. Эрнесто с упоением читал толстую книгу из библиотеки отца: «Дон Кихот».

По тому, как мама опустила трубку на рычаг, он тут же смекнул, что звонила его учительница. Лицо мамы сделалось серьезным и немного грустным.

— Эрнесто, подойди-ка сюда. Что стряслось в школе сегодня?

Он остановился на безопасном расстоянии и заканючил:

— Старая корова звонила? Она только и знает, что врезать! А сама дура дурой. Злая и тупая. Ей бы надзирательницей в тюряге работать.

Мама медленно подошла к нему.

— Эрнесто, твоя учительница сказала мне, что ты вел себя в классе непотребно и…

— Старая глупая корова!

— Правда, что учительница чуть не сломала себе руку о кирпич?

— Я ведь… должен был защищаться. Она хотела отлупить меня, вот я и подложил кирпич под брюки.

— Но, Эрнесто, твоя учительница не стала бы тебя наказывать без всякого повода.

— Да оставь меня наконец в покое!

Он развернулся и хотел уйти, но сидевший в соседней комнате отец слышал весь разговор. И, возмущенный, вмешался.

— Ты как с матерью разговариваешь, сопляк! Сейчас ты у меня получишь по первое число!

Между отцом и сыном встала Кармен Ариас. С тех пор как Эрнесто родился, она работала в семье Гевары няней. Она ходила за всеми четырьмя детьми, но Эрнесто с самого начала был ее любимцем. Сколько раз она спасала его от крепкой взбучки.

— Господин Гевара, господин Гевара, не наказывайте бедного Тэтэ!

— Оставьте, вот он и улизнул. Вечно вы его покрываете. Но теперь ему не отвертеться. Это уже переходит всякие границы!

Задыхаясь от ярости, отец погнался за сыном. Через черный ход Эрнесто выскочил в огромный сад, поросший бурьяном. Завидев отца, он перемахнул через ограду и понесся вверх по густо заросшему склону, что примыкал к участку родителей Эрнесто. Отбежав на приличное расстояние, он прокричал:

— Вот он я! Попробуй догони! — и припустил дальше.

Отец кипел от негодования.

Рядом с домом Геваров велись подземные канализационные работы. Все побросали работу, наблюдая за бесплатным представлением. Отец вернулся, задыхаясь; проходя мимо рабочих, он ускорил шаг. Эрнесто следил за ним. Он спрятался за широкую спину самого могучего рабочего.

— Вам где бы ни работать, лишь бы не работать, лентяи! — бросил в сердцах отец.

Эрнесто узнал Захариаса еще издали. Пятнадцатилетний переросток каждый день торговал на улицах Альта-Грасии печеными сладостями, которые делала его мать. Этим он помогал кормить семью.

— Захариас, — подозвал отец Эрнесто. — Много ли наторговал? Твой короб, как я вижу, полным-полнехонек! Даю тебе пять песо — весь он не стоит большего, — только поймай Эрнесто. Он спрятался где-то там, в холмах!

Через час Захариас возвратился усталый и ни с чем. Еще когда он получал свои пять песо, Эрнесто пробрался незамеченным обратно в дом.

Сгустились сумерки. И родителями постепенно овладело беспокойство. Как-никак за домом простирались двести гектаров леса. Заблудиться и потеряться там ничего не стоило.

Не поднимая шума, Эрнесто схватил на кухне кусок хлеба, прокрался к себе в комнату и юркнул под одеяло.

С первого этажа долго еще доносились встревоженные голоса родителей. Потом он заснул.

— Ну мамочка, другим всем ребятам можно, а мы что — хуже! — умолял Эрнесто.

— Может, так оно и есть, но тебе всего одиннадцать, а твоему брату Роберто и того меньше — девять. Не могу же я отпустить вас одних невесть куда.

— Ну мамочка… хотя бы на один месяц.

— Что в этом страшного, — вставил свое слово отец. Эрнесто бросил ему благодарный взгляд.

Не выдержал и Роберто:

— Мама, уж мы дров не наломаем!

— В их возрасте многие дети заняты на сборе винограда. Оно им, глядишь, и на пользу — с настоящей работой познакомятся. Получат по сорок сентаво за день, а уж винограда смогут есть от пуза.

В конце концов отцу удалось убедить маму. Она согласилась.

Эрнесто и Роберто собирались на месяц, но уже через четыре дня грязные с головы до ног и отчаянно голодные возникли на пороге родного дома.

— Что с вами стряслось? — изумился отец. Эрнесто тут же выложил все как на духу:

— Это такой гад оказался! Три дня мы вкалывали как проклятые, но потом у меня случился сильный приступ астмы. Ясно, из-за того, что винограда переел. Я попытался работать, но это было невозможно. Тогда мы пошли к хозяину, сказали, что я больше работать не могу, и попросили нас рассчитать. А он нам только половину дал, сукин сын такой!

— Почему?

— Он взбеленился, что мы контракт не выполнили. Мы ведь подряжались на месяц.

— Ну и что же теперь дальше делать?

— Папа, теперь пойдем со мной — набьем рожу этой скотине!

Возгласы протеста на улицах. Противники Перона объединялись в оппозицию. В университетах одно за другим шли собрания, где обсуждались предстоящие демонстрации и всевозможные акции протеста.

Полиция заняла здание университета. Студентов бросали в застенки без суда и следствия. Эрнесто узнал об этом от своего однокашника Томаса Гранадоса.

— Моего брата взяли и бросили за решетку — ни за что ни про что. Как бы они его там не прибили. Чтоб им пусто было! Надо попытаться достать разрешение на свидание.

— Томас, если разрешат, возьми меня с собой.

— Но ты ведь с ним почти не знаком.

— А хотел бы познакомиться получше. Он определяет состав команды по регби, а я сплю и вижу, чтоб меня в нее взяли.

— Кого, тебя? Ты на полном серьезе веришь, что Альберто возьмет в свою команду тринадцатилетнего? Да ты спятил!

— Сам понимаю: в основной состав я не подхожу. Но от Альберто зависит и кто будет играть за дубль. Тут-то у меня есть шанс.

— Ладно. Попробуем добыть разрешение. Им это удалось. В переполненной тюремной камере при полицейском управлении на нарах они увидели Альберто, сильно осунувшегося, как показалось Эрнесто. Но глаза его сверкали от ярости.

— Нас держат здесь противозаконно. Без судебного решения. Надо, чтоб об этом все узнали. Надо вывести людей на улицы. И потребовать освобождения всех арестованных студентов.

Эрнесто покачал головой.

— Ну и что, Альберто, просто взять и выйти на улицу, чтобы тебя огрели дубинками? Я выйду на улицу, но только если мне дадут пистолет.

Эрнесто сразу примкнул к толпе. Вид у молодых людей был оборванный и возбужденный. Они двигались в сторону жокей-клуба. От своего отца Эрнесто знал: для того чтобы вступить в него, надо иметь не только много денег, но и знатное имя. Отец не раз честил на все корки праздных франтов из этого клуба.

— Долой толстосумов! Долой толстосумов! — скандировали они.

В дверях показались первые члены клуба. Эрнесто почувствовал, что для него настал решающий момент.

Просвистел первый камень. Со звоном рухнуло витринное стекло. Брызги осколков заплясали по мостовой.

Эрнесто присоединился к торжествующему реву остальных. Кто-то зааплодировал.

— Валите отсюда, боровы! Катитесь в Штаты! Пролетело еще несколько камней. Члены клуба выстроились в шеренгу. Эрнесто подумал, что они вот-вот прибегнут к самообороне, так как полиция заставляла себя долго ждать. Он уже почти сорвал голос, но продолжал выкрикивать:

— Топайте сюда, трусы! Или без своих лакеев ничего сами не можете?

Он швырнул камень и угодил в стену дома. Сразу же нагнулся за следующим камнем.

— Быки![2] — гаркнул кто-то.

Так оно и было. Полицейские подобрались с тыла. Эрнесто успел насчитать не менее дюжины только на одном транспортере.

— Делаем ноги! Всем врассыпную! Быки близко!

Напоследок он запустил еще один камень. Он уже не видел, как тот летел. Однако надеялся, что не промазал. И сразу же дал деру.

Он не хотел угодить под дубинки. Он не хотел угодить за решетку. Ему было всего шестнадцать лет. По идее, ему бы сейчас полагалось дома сидеть да уроки учить, а не камни в жокей-клуб кидать.

За ним по пятам гнались двое полицейских. Но он был неплохой спортсмен, и поймать его было делом нелегким. Только бы астма не подгадила, думал он со страхом. Его грудная клетка сжалась. Дышать ритмично. Только ритмично дышать!

Один из полицейских споткнулся и растянулся во весь рост. Другой помог ему встать. А Эрнесто уж и след простыл в полутьме глухих проулков — так он избежал верного ареста.

Потом он сидел у своего друга Альберто. Они пили матэ,[3] и Эрнесто пришлось выслушать немало упреков.

— Чудак человек, я сам не раз в студенческих демонстрациях участвовал и с полицией сталкивался. Но с кем ты сегодня шел на жокей-клуб?

Эрнесто повел плечами, выказывая полное безразличие:

— Почем я знаю.

— И дернула тебя нелегкая с перонистами связаться?

— Просто у меня давно руки чесались съездить этим толстосумам булыжником по кумполу.

Ярость. Скорбь. Слезы. Эрнесто прижал кулаки к глазам. Спазмой свело желудок. Нет, в это невозможно поверить.

Семнадцать дней он продежурил у постели, с бессильным страхом наблюдая ее угасание. И вот его бабушка умерла. Он был не в силах воспрепятствовать этому. Он вонзил себе ногти в ладони. Ему хотелось испытать боль. Физическую боль, которая бы хоть как-то отвлекла, вывела из состояния внутреннего разлада.

Он блуждал по улицам, не ведая, в каком квартале находится. Где-то на углу налетел на прохожих, и те громко бранились ему вслед. В ушах стоял тупой гул, в котором вязли все звуки. Он закашлялся. Этого только недоставало. Жадно хватал ртом воздух. Вздулись вены на шее. Налитое краской лицо, казалось, готово было лопнуть.

Из всех отрывочных мыслей, что проносились в его мозгу, лишь некоторые застревали в сознании, отдаваясь эхом в висках.

Никогда больше не сидеть беспомощно, сложа руки!

Никогда не быть бессильным наблюдателем!

Научиться бороться с любой болезнью!

Учебу на инженера — по боку!

Несколько дней он ни о чем другом не мог думать. А потом принял решение. Он бросил занятия техническими науками, чтобы изучать медицину.

В движениях Чинчины чувствовалась нервозность. Ее щеки горели. С веселым интересом наблюдал Эрнесто за своей взвинченной подругой.

— Что с тобой, Чинчина?

Она откашлялась и опустила голову, словно хотела проверить оборки на подоле своего белоснежного платья. Стараясь не смотреть ему в глаза, через силу выдавила:

— В подобных компаниях ты столько раз затевал скандалы.

Опять-таки, что у тебя за вид? С большим удовольствием я бы в кино с тобой сходила. Но Долорес настаивает, чтоб мы пришли во что бы то ни стало. Не исключено, она даже тайно влюблена в тебя.

Эрнесто звонко расхохотался.

— Это кузина-то? Тебе померещилось?

— А что тут странного? — упрямилась Чинчина. — Ты отпрыск уважаемого семейства. Впереди у тебя блестящая карьера врача. С другой стороны, одеваешься и изъясняешься ты точь-в-точь как уличные сорванцы. А это придает тебе оригинальность, возбуждает интерес.

Эрнесто прекрасно были известны сплетни и предрассудки знатных кругов Кордовы. Ему было на них наплевать. И сегодня он не проявил пиетета к своей репутации. Свои разбитые туфли он даже не почистил. На брючинах, в коленях, вздулись пузыри. Бессменная куртка висела на нем мешком.

Отшучиваясь, он пытался рассеять сомнения Чинчины. Вместе они отправились к Долорес Мойана Мартин. По дороге Чинчина снова умоляла его не заводить никакого скандала.

Он взял стакан с красным вином, отказался от сигареты и огляделся в поисках подходящего партнера для шахматной партии. Он хотел избежать танцев. Всем было известно, что ему слон на ухо наступил, он даже не может отличить танго от вальса.

Дядя Чинчины сразу же привлек его внимание. Этот невысокий толстячок был вызывающе изысканно одет, явно не в меру болтлив; свои словесные излияния он сопровождал забавными паукообразными движениями пальцев. Некоторое время Эрнесто слушал его, потом шепнул Чинчине:

— А это еще что за придурок? Чинчина сразу почуяла недоброе.

— Это мой дальний дядя. Он тут редкий гость. Только не порть вечер. Он как раз завел свою любимую пластинку: Англия.

Эрнесто осушил стакан и прислушался.

— Черчилль в моих глазах — гений. Лишь его дальновидности и решимости мы обязаны тем, что вторая мировая война выиграна. Преклоняюсь перед этим человеком. Вот образец истинного политика. Победа над нацизмом — его прямая заслуга.

Эрнесто громко рассмеялся. Дядя с возмущением посмотрел на него.

— Уж не надо мной ли вы смеетесь, молодой человек?

Эрнесто кивнул. Наступила мертвая тишина. Он решил объясниться:

— Черчилль! Этот английский бульдог! Что значит: «победа — его прямая заслуга»! Все, чего он добивался, — это удержать империю ради королевского дома да кучки денежных мешков.

Дядя подскочил на месте.

— Вы слишком много на себя берете! Кто оскорбляет Черчилля, тот оскорбляет меня! Он не бульдог! И потом, в каком наряде вы позволяете себе являться в приличное общество! У вас нет денег на пристойную одежду или ваши лохмотья следует расценивать как вызов? Вы только посмотрите на свои брюки!

Эрнесто с удивлением взглянул на брюки. Потом с серьезной миной посмотрел на толстого господина и сказал:

— Брюки как брюки! У меня, кроме этих, еще одни есть: только более старые!

На миг дядя потерял дар речи. Чинчина поневоле захихикала над шуткой. Долорес тоже расплылась в улыбке.

— Я не позволю делать из себя посмешище! Я покидаю этот дом! С меня довольно! Не позволю себя больше оскорблять!

Дядя грузно проковылял к дверям.

— Сердечный привет английским бульдогам! — крикнул вдогонку Эрнесто. Между тем присутствующие перестали улыбаться. Эрнесто без труда мог прочесть по их лицам, что снова вел себя не лучшим образом. Все осуждали его.

Эрнесто откинулся на стуле. Он стоял под шахом. Надо было взвесить все возможности. Может, пожертвовать ферзя, чтобы избежать мата?

Он упорно искал вариант спасения «малой кровью»— с наименьшими потерями. Отрешенно потягивая чай-матэ, просчитывал возможные ходы оставшегося коня. С головой уйдя в игру, он даже не замечал происходившего за соседними столиками. Сидел неподвижно, как истукан, прощупывая каждую клеточку шахматного поля в поисках спасительной комбинации. Постепенно, ход за ходом, он рассчитал ее.

В ней был риск — не без этого, зато и новизна, и перспективность.

Неожиданно возник Аугусто, однокурсник.

— Аида, ребята! Проводится короткая демонстрация! Ваше участие необходимо! Его партнер встал.

— В чем дело, Эрнесто? Кончай пялиться на доску. Сказано же — пошли!

Эрнесто не изменил позы. Партия захватила его безраздельно.

— Садись. Лучше доиграем.

— Ты что, Эрнесто?

— Садись!

Он подтягивал гайку на багажнике, когда мимо проходил отец.

— Ну, парень, моторчик у тебя до того оригинален — дальше ехать некуда! Эрнесто отложил гаечный ключ.

— Зря смеешься. Моторы фирмы «Микрон» очень надежные. Пусть он не бог весть какой мощный, зато, надеюсь, не придется ножками всю дорогу сучить, как заводному.

— Ты и впрямь решил двенадцать провинций объездить? Не многовато ли?

— Маршрут уже намечен. Между нами, старик, не расстроюсь, если на каком-нибудь перегоне меня подбросит грузовик. Сколько я знаю, этот номер частенько удается.

— Разумно, сынок. Ну, а каков же твой маршрут?

— Перво-наперво доеду до Кордовы, а оттуда с Томасом и его братом Грегорио — к водопаду Каскада-де-лос-Корильос. Там разобьем палатку и полазаем по окрестным горам. Затем возьмем курс на Сан-Франсиско-дель-Чаньяр, где работает Альберто. Он писал мне, что присоединится к нам на пару дней со своим мопедом. Мы хотим достичь Ойо-де-Агуа, а там начнется мое великое приключение!

— Что еще за приключение?

— Видишь ли, я думаю в одиночку пересечь аргентинскую Сахару. С велосипедом и пол-литровым запасом воды. Хочу потягаться с палящим солнцем и бескрайними необжитыми барханами!

— Типун тебе на язык! Что ты о себе воображаешь? Зачем тебе ехать одному?

— У других больше времени не будет, они вернутся обратно.

— Слушай, Тэтэ. Не нравится мне все это: с пустыней шутки плохи. Запасись водой как следует. И о запчастях позаботься. Салинас-Грандес опасна. Эта солончаковая пустошь тянется на триста километров в длину и сто в ширину. Кругом ни живой души. Не приведи бог заблудиться там!

— Все это я сто раз читал. Вот увидишь, отец, я покорю ее!

Наконец пустыня, о которой рассказывалось столько ужасов, перед ним. Для очистки совести Альберто и Томас еще раз предостерегли его. Они тоже читали об ужасах этой пустыни.

Покрытие из щебенки с каждым километром становилось все хуже, кустарник все скуднее и суше. Растительный мир менялся буквально на глазах. Вскоре он увидел первые кактусы. Метров на шесть вымахали, прикинул он.

Он слез с велосипеда, чтобы занести несколько строк в дневник: «Все, с кем довелось разговаривать, сходились в том, что пересечь Салинас с пятьюстами граммами воды невозможно. Но

текущая в моих жилах славная смесь Ирландии с Испанией намертво уперлась именно в это количество. Пора трогаться!»

Он захлопнул дневник. Приключение началось.

Чем скуднее делалась растительность, тем лучше становилась дорога. Неожиданно появился асфальт. Превосходная трасса. Через каждые два километра стояли лачуги. Сделав тридцать километров, он остановился передохнуть у одной из них. Асфальтовое покрытие все еще не кончилось. Перед входом в лачугу стоял крупный мужчина с пышной бородой и приветливо смотрел на него.

— Нет ли у вас воды — залить флягу? Моя уже сильно нагрелась. Или вам тут самим не хватает?

— Ступайте спокойно к колодцу, юноша. Эрнесто не сомневался, что жалкую толику воды придется вычерпывать с большой глубины. Он нагнулся над колодцем, чтобы прикинуть глубину. «И трех метров не будет», — пробормотал он разочарованно и удивленно. Книга о Салинас-Грандес, видимо, порядком устарела. Отец, Альберто и Томас, скорее всего, читали одну и ту же книгу.

Дальнейшая поездка протекала приятно. Он добрался до Тукумана, затем до Сальты. Поздним вечером, не заезжая в городок, — в пути он уже проделывал это неоднократно — разыскал полицейский участок. И, как обычно в таких случаях, двое дежурных полицейских разрешили ему поставить вблизи палатку. Он совершил еще неспешную прогулку, обдумывая один вопрос, который не давал ему покоя.

Он опустился на землю под деревом и посмотрел на горы. Затем достал дневник и записал:

«В два часа пополудни достиг Сальты и первым делом разыскал в больнице своих друзей. Они были поражены, что мне за одни сутки удалось осилить такое расстояние. Потом возник вопрос. Вопрос, который остался без ответа, ибо носил чисто риторический характер. Что я хочу узнать? В любом случае я не уподобляюсь туристам и лишь посмеиваюсь над достопримечательностями, что расписываются в проспектах. «Эта церковь… Там скончался известный…» Нет, так народ не узнаешь, не обретешь понимания жизни людской. Собственной дороги в жизни так тоже не найдешь. Хваленые достопримечательности — не что иное, как роскошно-показушная оболочка, а душа, характер народа растворены в болящих, в стариках, в путнике, с которым заговариваешь. Но как все это объяснить? Еще неизвестно, будешь ли ты понят. Посему я распрощался с друзьями и принялся колесить по всем городам, вдоль и поперек».

Он закрыл дневник. «Гонка за километражем и впрямь не продвинет меня дальше. Положим, намотать 4500 километров по двенадцати провинциям на обычном велосипеде с моторчиком — это вам не фунт изюма. И все же, что я из этого вынес? Вопрос моих друзей — в самую точку».

Стемнело, и Эрнесто не спеша вернулся к палатке. Перед ней сидели оба полицейских и пили матэ. Он подошел к ним. Подсел рядом.

— Не смогу ли я найти утром грузовик, который захватил бы меня? Здесь довольно крутые подъемы.

— Вряд ли вам повезет. Грузовики тут большая редкость.

И они снова вернулись к излюбленной теме. Они рассказывали друг другу о привидениях, бесчинствующих в этих местах. Особенно много историй они знали про лошаков, в которых вселилась человечья душа. Это якобы легко определялось по поведению животных.

Один из полицейских вновь залил матэ кипятком и принялся потягивать напиток через трубочку с медным мундштуком. После чего степенно продолжил свой рассказ.

— Говорю тебе, compadre,[4] есть только одно средство. Надо лошака порешить. Только тогда душа освободится. Другого пути нет.

Второй полицейский озабоченно закивал и взял сосуд с матэ.

До этого момента Эрнесто лишь молча прислушивался, теперь ему захотелось ненавязчиво включиться в беседу.

— Но что скажет хозяин лошака, если… Он осекся на полуслове. По обескураженному виду полицейских он понял, что задал непонятный и наивный вопрос. Ему даже стало слегка неловко. Один из полицейских заметил:

— Ежели душа человека вселилась в лошака, то кому будет охота держать такую скотину? Выждав паузу, другой продолжил:

— А хоть бы он и не был согласен, разве не следует все равно душу спасти?

После этой тирады и он погрузился в молчание. Разговор не завязался. Какое-то время они еще сидели, храня молчание и глядя в ночь.

Эрнесто понял, что проникнуть во внутренний мир этих людей ему не удалось.

Один из снобов, которых Эрнесто с особым удовольствием задирал в доме Чинчины, чувствовал себя на коне. Держа в руках журнал «Эль Графико», он прочитал Чинчине с улыбочкой:

> «23 февраля 1950 года. Представителям фирмы мопедов «Микрон». Синьоры, посылаю вам на

техническую экспертизу мопед марки «Микрон», на котором я прошел четыре тысячи километров по дорогам двенадцати провинций Аргентины». Все слышали? Ай да наш малокругосветный путешественничек!»

Чинчина выхватила у него журнал и прочитала сама:

«Во время всего пробега мопед вел себя безупречно, и мною не было замечено ни малейшего дефекта. Надеюсь получить его обратно в таком же состоянии. Эрнесто Гевара Серна».

Наш enfant terrible[5] пустился рекламировать мопеды. Смешно! Просто смешно!

Чинчина повернулась к Эрнесто. Она чувствовала себя глубоко уязвленной. К собственному удивлению, она готова была разреветься.

— Зачем тебе понадобилось связываться с этой фирмой? Ради рекламы? Ты же из семьи с такими богатыми традициями и добрым именем! Хочешь, чтоб над нами все потешались?

Он посмотрел на нее с недоумением. Потом, сощурясь в улыбке, объяснил:

— А что мне было делать? Поршни вконец износились. Некоторые части двигателя нуждались в срочной замене. А денег на ремонт у меня не было. Благодаря этому письму они все сделали бесплатно. И я смог ехать дальше.

Карлос, в постоянных хлопотах о том, как бы где подзаработать, показал Эрнесто объявление в газете.

— Глянь-ка, тут собираются толкнуть обувь с аукциона.

— Ну и что? Твоя сносилась?

— Ладно тебе! Они ведь не ставят на распродажу отдельные пары. А только крупные оптовые партии.

— Куда же мне девать прикажешь эти оптовые партии?

— Напряги свои извилины, детка! Мы скинемся и выкупим по дешевке целую гору обуви. А потом загоним ее по двойной цене. Да что я говорю! Втридорога! Ну как тебе идейка?

Эрнесто, у которого всегда с деньгами было туго, сразу ухватился за предложение. Они выложили всю свою наличность и еще заняли, где смогли.

В первую очередь с молотка пошла самая лучшая обувь. Начальная ставка была очень крупной. Им не по карману. Последующие партии обуви, выставлявшиеся на продажу, по своему качеству оставляли желать много лучшего. Но с их средствами и тут делать было нечего. Наконец, под занавес, стали превозносить достоинства изрядной кучи старой, поношенной

обуви. Покупатели обследовали эту обувь и не выразили к ней никакого интереса. Большая часть обуви была непарной.

— Вот он, наш шанс! — обрадовался Карлос. Эрнесто также не возражал против покупки. К вечеру того же дня они превратили дом родителей Эрнесто в обувной магазин. Засучив рукава, приступили к сортировке обуви. Случалось, им попадались такие туфли, что идеально подходили друг к другу. Их было немного, друзья незамедлительно вынесли их на улицу Буэнос-Айреса и быстро распродали.

— А с остальным утильсырьем что делать?

— Давай-ка все же попробуем подобрать пары из мало-мальски подходящих туфель — хотя бы по цвету или размеру. Отдадим их подешевле.

С этим им тоже повезло. Итак, они вернули почти весь вложенный капитал. Однако оставшаяся обувь не подходила друг к другу ни по каким параметрам.

— Прилично мы накололись. Труд адский, да еще в результате на бобах остались.

У Эрнесто на душе было невесело. От продажи обуви он рассчитывал выручить деньги, чтобы оплатить свою дальнейшую учебу. Внезапно его лицо просветлело.

— Карлос, старина, раз уж у нас на руках непарная обувь, то нам светит лишь одна возможность…

— Какая? Говори, не тяни!

— У колодца, против огородов, всегда сидит на солнцепеке один мужик и вырезает свистульки из дерева.

— Ну и что?

— Он — одноногий!

— Точно.

Они сложили всю обувь, которую только смогли унести, и ринулись к колодцу. Одноногий несказанно удивился и обрадовался: обычно ему приходилось покупать целую пару.

— Гениальная идея, ребята. Я ж теперь за полцены себя обуть могу. Без переплаты за ненужный довесок. Давно этим промышляете?

— По правде говоря, только начинаем.

— Если хотите, могу дать адресок дружка моего Гонсалеса. У него тоже одна нога осталась — попал в автомобильную аварию. Он всегда ужасно возмущается, что должен платить за целую пару. Как пить дать, он станет вашим постоянным покупателем. Только живет он в другом квартале.

— Какая проблема! Ноги донесут. Они заспешили к Гонсалесу, а потом еще опросили всех друзей, знакомых и одноклассников — может, кто знает адреса одноногих людей? Им

пришлось выслушать массу насмешек, зато всю обувь сплавили подчистую.

После этой операции Эрнесто стал подумывать о более выгодном финансовом источнике.

В гараже стояла несусветная вонь. Оттуда она распространялась к дому и дальше, к склонам. Отец Эрнесто решил удостовериться, все ли в порядке.

Эрнесто колдовал над двумя небольшими круглыми баллончиками. Он был с головы до пят обсыпан белым порошком и кашлял.

— Что тут творится?

Эрнесто, сияя, вышел из гаража навстречу отцу. Стряхнул с куртки белую пыль. Широким жестом указывая на гараж, сказал:

— На этом месте вырастет моя фабрика, которая будет выпускать средства по борьбе с насекомыми.

— Что? Как ты сказал?

— Видишь ли, отец, тут такое дело. Ты, наверное, знаешь средство «Гамексан». Его министерство сельского хозяйства выпускает. Так вот: мои исследования показали, что оно к тому же замечательное противонасекомное средство! Правда, слишком сильное. Поэтому я смешиваю его с восьмьюдесятью процентами пудры и получаю пропорцию, которая гарантирует максимальный эффект при минимальных затратах на изготовление.

— Но такой резкий запах.

— Допустим. Но тут уж я ничего не могу поделать. Не поможешь ли заправить это средство в баллончики? Для продажи я подобрал стограммовые емкости.

Отец отказался.

— Меня уволь. Я этакой вонищи не вынесу. Найди себе других напарников. Может, товарищей по учебе попросишь?

Отец уже собрался уходить, но вдруг обернулся и спросил:

— Скажи, Эрнесто, честно. Это все временная блажь или ты действительно хочешь открыть дело?

— Ясно — хочу.

— Хм. В таком случае тебе ведь нужен исходный капитал.

— А как же.

— Я бы мог помочь тебе. Не сам, конечно. Но кое-кто из моих друзей был бы наверняка не прочь сделать тебе валютное вливание, если их посвятить в твои планы.

— Папочка, ты ведь не думаешь, что мое молодое многообещающее предприятие даст себя заглотнуть твоим друзьям?

Первое время дела у фабрики по выпуску противонасекомных средств шли совсем неплохо. Средство на самом деле оказалось

эффективным. Слух о нем распространился быстро, и торговля шла бойко. Кое-кто из однокашников взялся было помочь, но все отступали из-за невыносимого зловония. Так что в основном работал он в гараже один, и запах намертво въелся в его одежду. И хотя доходы были приличные, нервы его сдали, и он разом прикрыл свою фабрику.

Он всмотрелся в плакат на стене. Он много читал об особой любви Эрнесто Гевары к приключениям. Но что стояло за этим? Жажда впечатлений, стремление объездить мир, повидать в качестве туриста чужедальние страны, узнать людей?

Отдельно взятое понятие еще не говорило ему, с какой из форм открытости он столкнулся. Была ли это открытость всему новому ради постижения неизвестного? Или речь шла о простом накоплении жизненных впечатлений и погоне за новизной? Он знал, бывают моменты, когда вдруг осознаешь необходимость углубиться за грань очевидного, если хочешь познать самого себя. Надо уметь видеть подспудную связь вещей, дабы уяснить, какие силы движут миром и не дают ему распасться. И первый шаг на пути к этому — готовность понимать и воспринимать других. Не смиряться с, казалось бы, раз и навсегда данным. Открытость. Лишь в этом случае, такой он сделал вывод, можно самому оставить свой след на земле.

По дорогам Латинской Америки

Отправляясь в путешествие по Латинской Америке, Эрнесто и Альберто сунули себе за голенища сапог по револьверу — для защиты от диких животных. Они выехали на мотоцикле, прихватив палатку на случай, если не найдут для ночлега что-нибудь получше.

Через три тысячи километров мотоцикл встал. Им не удалось добраться на нем даже до Сантьяго-де-Чили.

Бросив мотоцикл, они продолжали путь. Палатку и провиант приходилось тащить на себе по узким каменистым тропам. Мокрые от пота рубашки прилипали к телу. Дорога в Вальпараисо казалась Эрнесто бесконечной. Хотя идти надо было под гору, рюкзаки буквально с каждым шагом наливались свинцом. Зато дышалось в горах легче.

Когда они сделали привал, чтобы передохнуть и полюбоваться с высоты зелеными кущами Вальпараисо, Эрнесто со стоном опустился на свой рюкзак. С превеликой радостью он продолжил бы путешествие, но только не пешком. Указывая на гавань Вальпараисо, на суда, стоящие на рейде, он мечтательно изрек:

— Эх, махнуть бы сейчас на корабле к острову Пасхи. Моя голубая мечта!

— Этого только не хватало! Тут не чаешь, как бы ноги вытянуть. Последний марш-бросок меня совсем доконал. Эрнесто не отступал.

— Альберто, ты только вслушайся: остров Пасхи! Там для каждой женщины иметь белого друга — неслыханная честь. Работать там? Тщетная надежда, ибо все делают женщины. Дивное место, изумительный климат, сказочные женщины, божественная пища. Работа в связи с полным отсутствием таковой тоже совершенно изумительная. Одним словом, рай да и только. Почему бы не осесть там на годик-другой? Учеба? Научная работа? Семейные обязанности? Жалованье? Гори все ясным огнем!

— Опять тебя занесло! Давай лучше поспрашиваем в этой дыре, нельзя ли где-нибудь приткнуться? Вряд ли тут дорого запросят.

А я попытаю счастья в порту — может, кто возьмется переправить нас через океан.

Эрнесто зашагал в гавань, Альберто — в богадельню. К вечеру они снова встретились.

Увы, Альберто, мои мечты об острове Пасхи рассеялись как

дым. Весь порт обегал. В ближайшие полгода туда ни одна посудина не идет.

— Стало быть, тебе повезло не больше моего. Я нашел тех врачей, к которым мы собирались. Интерес к нам нулевой. Словно ледяной водой окатили. Даже разговаривать со мной не пожелали. Сплошная невезуха.

На следующий день Альберто обратился еще к нескольким врачам и вновь безрезультатно. Когда он вернулся, Эрнесто сидел перед пансионом, сжавшись в комок. Глухо проговорил:

— Одной старой женщиной занимался, астматичкой. Диву даешься, до чего люди могут озвереть.

Больше он не проронил ни слова — уединился и записал в дневник: «Бедняга вызывала сострадание. В ее комнатенке стоял затхлый запах, перемешанный с пылью немногочисленной мягкой мебели. Кроме приступов астмы, у нее еще выявилось нарушение сердечной деятельности. Сталкиваясь с подобной картиной, врач осознает свое полное бессилие. Он требует изменить образ жизни, положить конец этой несправедливости. Ведь старуха еще месяц назад подавала в трактире, чтобы заработать на пропитание. Она металась между столиками, чтобы выстоять, не спасовать перед жизнью.

Когда попавший в нищету приспосабливается к новым для него жизненным условиям, в нем рождается плохо скрываемая агрессивность по отношению к тем, кто больше не способен содержать себя. В этот момент для него уже не существует отца или матери, брата или сестры — есть лишь отрицательный фактор в борьбе за выживание. Или, иными словами, враждебный объект, противостоящий сообществу здоровых. Такого попрекают болезнью — молча, невысказанно, — словно в ней есть что-то оскорбительное для здоровых: они ведь теперь должны поить-кормить нахлебника.

Именно в последних минутах существования тех, для кого каждый следующий день — предел мечтаний, особенно отчетливо постигается трагедия трудящихся всего мира. В этих затухающих глазах стынет раболепная просьба о прощении, отчаянная мольба о помиловании. Она повисает в пустоте…

До каких пор будет существовать такое положение, основанное на кастовом миропонимании? Я ответить на это не могу, но пришло время, когда властям предержащим следовало бы поменьше средств вкладывать в рекламу своих добродетелей, а побольше — гораздо больше — расходовать на создание лучших социальных условий.

Ну что особенного я могу сделать для больной? Прописал ей диету, каких-то порошков. У меня оставались еще несколько

таблеток драмамина — подарил их ей. Уходил, провожаемый благодарным старушечьим лепетом и равнодушными взглядами близких».

Эрнесто закрыл дневник. Какая мерзость! Должно же когда-нибудь хоть что-то измениться. Дальше так продолжаться не может.

Продвигаясь на север, они завернули по пути на рудники Чукикамата, которые принадлежали американской компании.

— Ты только посмотри, как высохли от голода эти индейцы.

— Вряд ли кто-нибудь из них протянет дольше тридцати. Большинство явно страдают легочными заболеваниями. Скверная пища. Сырость. Каторжный труд в копях.

Они пытались заговаривать с некоторыми индейцами, но те робели и избегали их. Эрнесто ощутил исходящий от них характерный запах листьев коки.

Мужчина, выглядевший отнюдь не так изможденно, как прочие рудокопы, с подозрением следил за двумя чужаками. Потом подошел и спросил, что им угодно.

— Мы врачи-лепрологи из Аргентины. Решили повидать Латинскую Америку.

— К двум образованным сеньорам у меня никаких претензий. Я тут шофер и телохранитель директора. Да еще приглядываю, чтоб эти голодранцы не взбунтовались.

Эрнесто подавил вспышку гнева, сказал:

— Почти все они больны.

— Да, да, полудохлая команда. Мрут как мухи. Все время пополнение требуется. Чего-чего, а этого грязного индейского сброда у нас надолго хватит.

— А вы не боитесь, что этот «сброд» в один прекрасный день мятеж против вас поднимет? — жестко спросил Эрнесто.

Шофер и телохранитель был, по-видимому, слишком глуп, чтобы уловить недоброжелательность в интонации. Скорее всего, ему даже не могло прийти в голову, что двое «образованных сеньоров» могут симпатизировать индейцам.

Он рассмеялся.

— А чего бояться-то. У меня все под рукой, пусть только рыпнутся… Верно, есть там у них в профсоюзе несколько пришибленных. Неймется им. Поклеп хотят навести на наше предприятие, да еще и бастовать пытаются, где только можно. — Он ухмыльнулся. — Но я обо всем прознал. Шеф мне деньжат подкинул. Я закупил винца и кое-что из жратвы, а потом сказал этим жалким свиньям, что я их приглашаю. Ясное дело — профсоюзные губошлепы остались в гордом одиночестве: все рудокопы у меня собрались. Не знали, как благодарить за такую

честь. По крайней мере тут они себе желудки набили задарма. Ха-ха-ха! У профсоюзных-то баламутов ни шиша нет!

Лишь несколько часов спустя, когда стало легче дышать и взошла луна, Эрнесто, возившийся с палаткой, нарушил молчание. Он набрал полные легкие воздуха, огляделся окрест, раскинул руки, словно пытаясь охватить весь небосвод, и выпалил злую тираду:

— Вот они, две стороны одной медали! С одной стороны — красота и богатства страны, с другой — подавление и унижение человека.

> И я взошел по лестнице земли, меж костяками гибнущих лесов к тебе,
> непостижимый Мачу-Пикчу,
> заоблачный, на каменных ступенях,
> последний город тех, кто суть земную не скрыл в своих дремотных одеяньях.
> И там, как две слепящих параллели, мерцают молния и человек.
> Ты — колыбель среди ночного вихря,
> праматерь камня, кондора корона,
> сияющий коралл зари вселенской,
> мотыга, погребенная в песке.[6]

Среди живописных руин Мачу-Пикчу Эрнесто декламировал Гранадосу стихи Пабло Неруды. Он был покорен и потрясен этими местами.

Глубоко вдыхая разреженный воздух, он, казалось, различал древние запахи инков. Закрывая глаза и прислушиваясь, он слышал их возгласы, их пение. Они ушли сюда, чтобы укрыться от испанцев. Это убежище никогда не было раскрыто. Ни один посторонний глаз не мог его увидеть. Опоясанный крутыми ущельями, этот каменный город был защищен самой природой.

— Где-то здесь должен быть зарыт последний крупный клад золота инков! — сказал Эрнесто с закрытыми глазами. Его лицо после выматывающего подъема было усеяно капельками пота. Он чувствовал себя счастливым, будто вернулся на давно покинутую родину.

Он подошел к цветам, чтобы вдохнуть их аромат. Причудливые заросли, пиршество цветов на фоне голых утесов завораживали его. В нем росло ощущение сказки, в которую он сейчас вступает. Казалось, вот-вот выйдет из-за куста инкский воин, держа в руке копье с золотым наконечником, и пригласит его к вождю.

Вместе они могли бы строить планы против испанских завоевателей. В бесконечных переплетениях тайных переходов Мачу-Пикчу он встретит однажды инкскую девушку с нежной золотистой кожей. Она поднесет ему вина и…

— Умираю от жажды, — голос Альберто вывел Эрнесто из мира грез. — Смотри, внизу река. Спорим, что вода в ней холодная и бодрящая? К тому же там наверняка водятся аппетитные рыбки. Не следует ли нам в этой связи…

— Ни за что больше вниз не спущусь! Эрнесто пробежался вверх по каменным ступеням. При этом он так высоко подкидывал ноги, что почти задевал коленями подбородок.

— Уж не вздумал ли ты провести тут тренировку?

Ничего-то ты, Альберто, не понимаешь! Почему каменные ступени здесь такие высокие? По ним ведь нельзя подниматься, как по нормальной лестнице.

Альберто недоуменно пожал плечами.

— Наверняка потому, что инки взбирались по ним бегом, соблюдая равномерный темп. Спорим, если не веришь? Нет, ты проверь это в книгах по археологии. Не может быть, чтобы кто-нибудь не занимался необычной высотой этих ступеней.

— А не задержаться ли нам здесь? — предложил ему друг. — Палатку разобьем.

Эрнесто радостно кивнул. Он распростер руки, будто хотел заключить в объятия весь Мачу-Пикчу, и мечтательно произнес:

— Знаешь, меня буквально окрыляет то, что эта гигантская лестница, этот город возведен среди девственного леса. И сотворили это чудо люди, такие же, как ты и я. Ты только взгляни! Что за жилища и храмы! Придет день, и потомки строителей этого города разорвут цепи векового рабства!

Альберто тоже размечтался.

— А я женюсь на дочери инкского императора. Тебя назначу премьер-министром. Вместе мы устроим социальную революцию!

— Без борьбы этого не осуществишь. Вообрази себе: потомки этих инков соберутся в гигантских чащобах. Они сплотятся, чтобы наконец нанести ответный удар…

— Мы присоединимся к ним!

— Само собой! С огромным войском индейцев мы отвоюем назад Перу. И в Мачу-Пикчу вновь зазвенят голоса людей. Да что там — по всей Перу зазвенят радостные голоса.

Они провели в Мачу-Пикчу несколько дней. Эрнесто горячо интересовался всем, что было связано с культурой инков.

— Кем ты все-таки хочешь стать — врачом или археологом? — подтрунивал над ним Альберто.

— Сперва надо добраться до Куско. Там наверняка есть

библиотека. Хочу прочесть все, что там собрано об инках. К тому же библиотечные бдения самый дешевый способ растраты свободного времени.

Уже долго брели они по проселкам в направлении Тарата. Им было жарко, но из-за холодных ночей приходилось тащить на себе лишнюю одежду.

Остановился первый грузовик. Альберто отбарабанил заготовленную версию: два аргентинских врача, в связи с изучением проказы, важная поездка, помогите добраться.

Не проявив ни малейшего интереса, шофер ткнул пальцем в сторону кузова и лаконично изрек:

— До Тарата пять солей с носа. Альберто вспыхнул:

— Что? За деньги? Мы же вас об одолжении просим. Только и всего!

— Я не знаю, что вы имеете в виду под «одолжением», но до Тарата это стоит пять солей с носа.

Грузовик унесся без них.

— Все твои дурацкие идеи, — ворчал Альберто. — Нет, чтобы остаться в последнем городке и дожидаться оказии! Теперь вот плутай по глухомани. Капитально застряли. Другие водители наверняка в таком же духе выступать будут.

— Вперед, и без нытья. Неужели ты остановишься на полдороге? Мы будем идти дальше, даже если вовсе ни одного грузовика не будет. Приткнемся в какой-нибудь придорожной хибаре. Худо-бедно переночуем.

— Эрнесто, ты твердолоб и своенравен, как старый осел!

И они зашагали дальше. Час за часом. Ни одного грузовика. Ни одного дома на обочине.

— Все, сыт по горло, — с досадой бросил Альберто. — Уже сколько времени плетемся. Баста. Пора и передохнуть. Давай на боковую завалимся, великий стратег, а то в новолунье руку у самых глаз различить невозможно.

Они размотали одеяла, надели все, что было с собой, и попытались уснуть. Не прошло и пяти минут, как Альберто простонал:

— Я уже окоченел.

Ему ответил слабый голос Эрнесто:

— Я тоже. Вот-вот околею. Альберто, пойдем соберем хоть немного дровишек для костра. Проклятая холодрыга!

После долгих поисков в темноте им удалось найти несколько жалких хворостинок, которые почти не давали тепла. И они зашагали дальше. Пробовали даже бежать трусцой. Но в горах, на такой высоте, особенно не побегаешь. И они снова зашагали. Ледяной колючий ветер слепил глаза. От холода не чуяли под

собой ног.

Их хватило еще часа на два. А впереди — целая ночь. Опять короткое совещание. Еще одна попытка заснуть. Через пять минут оба уже снова на ногах.

— Вон фары. Это грузовик!

Грузовик пронесся мимо, даже не притормозив. Надежда затеплилась в них снова, когда они услышали собачий лай в ночи. Не исключено, где-то поблизости жилье. Но их надежды не оправдались. Лишь в шесть часов они вышли к первому дому.

Впоследствии Эрнесто сделал такую запись в дневнике: «Казалось, что никогда в жизни нас не принимали дружелюбнее, хлеб и сыр никогда не были вкуснее, матэ никогда прежде не действовал столь бодряще».

Со сном пришлось повременить. В кои-то веки в дом к простым индейцам заглядывали врач и студент-медик из Аргентины.

— О, про Аргентину мы наслышаны. Сказочная страна, где живет Перон со своей женой Эвитой. У бедных там, говорят, такие же вещи, как у богатых. Там из индейцев не выжимают последние соки, там нашего брата не мытарят, как тут.

Аргентинская действительность была совсем иной. Но Эрнесто не знал, как, какими словами объяснить индейцам, что они выдают желаемое за действительное.

В три часа утра их разбудил полицейский.

— Ваш грузовик сейчас тронется! С трудом сбрасывая сон, выбрались они из перуанских солдатских пледов. Ночь стояла чудесная, но холодная, нестерпимо холодная. Грузовик, натужно пыхтя, одолевал нескончаемые тягуны. Стуча зубами, сидели они в кузове. А перед самым рассветом отслуживший свое двигатель заглох. Забарахлил карбюратор, что на высоте пять тысяч метров было не удивительно. Эрнесто с трудом нашел пару чахлых веточек, чтобы разогреть воду для матэ.

Сделав очередной жадный глоток, он оторвался от матэ и сказал:

— Для индейцев мы такая же диковинка, как и они для нас!

Подошли несколько индейцев. На корявом испанском они спросили о незнакомом им напитке, который пьют из тыквы через узкую трубочку.

Завязавшийся было разговор прервал водитель грузовика:

— Пора трогать. Только до макушки перевала придется вам пешочком прогуляться. Иначе двигатель не выдержит.

По припорошенной снегом трассе они отмерили целых три километра. Эрнесто и Альберто поразила привычка индейцев ходить в такую погоду босиком. Задубелые подошвы их ног

спокойно касались мерзлого грунта, в то время как сами они из-за кусающего мороза еле тащились на одеревенелых конечностях. Не спасали ни шерстяные носки, ни сапоги. На вершине перевала, у обочины, Эрнесто увидел невысокую, неясного происхождения пирамиду, сложенную из разнокалиберных камней, с крестом наверху. Проходя мимо нее, почти все индейцы сплевывали и лишь немногие крестились. Эрнесто хотел дознаться, в чем тут дело. Но с кем бы он ни заговаривал на эту тему, ответа не получал. Один за другим, в полном молчании, индейцы забирались в машину; можно было ехать дальше.

Зарядил редкий дождичек, незаметно перешедший в ливень. Водитель остановил машину и пригласил Эрнесто и Альберто к себе в кабину. Немыслимый комфорт. Там уже находился один индеец. Он был учителем, но из-за политических убеждений остался без работы. Он усиленно занимался изучением обычаев, нравов, истории своего народа. Он-то и объяснил загадочное поведение попутчиков у пирамиды.

— В былые времена индейцы всегда приносили скромную жертву матери-земле в самой высокой точке своих переходов. Это были камни, которые постепенно, слой за слоем, складывались в пирамиды. Испанские монахи решили искоренить этот обычай, что им, впрочем, не удалось. Тогда они надумали использовать пирамиды в своих целях и на каждой укрепили по кресту. Было это несколько веков назад. Сегодня камни заменены листьями коки — их выплевывают как жертвоприношение. По поведению наших спутников можно видеть, какого успеха добились испанские монахи.

Политические взгляды учителя мало интересовали Эрнесто, совсем другое дело — его рассказы об индейцах.

— Раньше аймары были прямодушным, свободолюбивым народом. А сейчас? Они деградировали — из-за цивилизации и особенно из-за метисов. Да, метисы — злейший враг моего народа. Они вымещают свою ущербность на индейцах, потому что сами — ни рыба ни мясо. Вся система воспитания ориентируется на белых, а в результате метисам прививается лишь чувство стыда и озлобленность. Они спят и видят, как бы в один прекрасный день улучшить свою породу за счет капли конкистадорской крови. Каждый ведь понимает: метис получился оттого, что какая-нибудь индеанка была продана вождем, либо же какую-нибудь служанку изнасиловал пьяный белый господин.

Эрнесто хотел еще о многом расспросить темнокожего учителя, но на горизонте показался поселок.

Несколько дней спустя они добрались до лепрозория. Измученные и с отбитыми ягодицами: последние одиннадцать

часов не слезали с лошаков. Дождь хлестал немилосердно, казалось, что разверзлись хляби небесные.

Эрнесто спросил одного из санитаров, нельзя ли остановиться в госпитале, пока не стихнет ливень.

— Это может продолжаться сутками. В госпитале разместить вас я не смогу, но прямо в двух шагах от нас дом плантатора, которого наверняка обрадуют визитеры из Аргентины.

Плантатор действительно был рад. Для нежданных гостей он устроил королевский прием. Вина. Фрукты. Мясо. Свежевыпеченный ароматный хлеб. В их распоряжении была щедрая еда, чистая одежда и сухая постель. На период дождей они устроились как нельзя лучше. Можно было спокойно передохнуть несколько дней, переждать непогоду и собраться с силами для дальнейшего путешествия на Лиму. Пока они пили вино и налегали на закуски, плантатор рассказывал им про свое житье-бытье.

— Выкорчевывать эти дебри — мука-мученическая. Да и накладно. Нужно много рабочих рук и надсмотрщиков. Я изобрел совершенно гениальную методу. Раздаю индейцам земельные участки. Они всей семьей вкалывают, не разгибая спины, и расчищают свои наделы под пахоту. Если они как следует справились с работой, так что можно сажать сахарный тростник или маис, я отбираю у них землю обратно. Кто-то довольствуется и небольшим количеством маиса, но большинство убирается восвояси, стоит лишь появиться надсмотрщику и скорчить зверскую рожу. После чего я посылаю своих людей возделывать освобожденные участки. Благодаря этой афере я каждый год экономлю порядка… сейчас подсчитаю…

Эрнесто уже давно отставил стакан и тарелку отодвинул.

— С индейцами, значит, вот как поступаете, а для нас роскошный стол накрыли? — В голосе Эрнесто проступили плохо скрываемые нотки возмущения.

— Да, но… вы же белые.

— А вы негодяй! Я презираю вас! Вам ровным счетом наплевать на тех несчастных, что подыхают с голода за вашими окнами.

Владелец плантаций подскочил как ошпаренный.

— Поскольку я человек цивилизованный, я не выставлю вас под дождь. Но как только он кончится, вы тут же покинете мою территорию.

— Нет!

— Что значит — нет?

— Я не стану пережидать ливень у вас, — крикнул Эрнесто. — Лучше уж пойду в лес к индейцам.

В Сан-Пабло они вынуждены были задержаться. Постоянные удушающие приступы астмы вынудили Эрнесто ненадолго лечь в местный лазарет, ему давно требовались две-три инъекции адреналина ежедневно. Однако он категорически не хотел прерывать путешествие.

В Сан-Пабло был также большой стационар для прокаженных. Корпус для больных и территорию для медперсонала разделяла речка.

Гевара и Гранадос с места в карьер принялись налаживать контакты с больными. Им это не казалось опасным. Они подвергли себя специальному тесту, который показал, что у обоих выраженный иммунитет против проказы.

Гранадос большую часть времени трудился в лаборатории, а Эрнесто занимался организацией досуга больных: устраивал футбольные турниры и соревнования по плаванию. Он питался вместе с прокаженными. Как мог, старался развеселить, отвлечь от тяжких дум. Однажды он организовал для них охоту на обезьян.

Переходя из лепрозория в зону для здоровых, он вынужден был проходить длительную процедуру дезинфекции.

Ни с кем прежде не доводилось Эрнесто так стремительно завязывать дружбу, как с этими больными. Но настал день прощания.

Луна едва брезжила в непроглядной ночи. Накрапывал дождик. На землю опустился клочковатый туман. На середине речки, разграничивающей миры — больных и здоровых, — показались две лодки. На каждой по дюжине прокаженных с зажженными факелами. Больные в простых словах выражали горечь расставания и благодарность.

Эрнесто почувствовал, как у него к горлу подступил ком. Язык стал непослушным. Он посмотрел на Альберто, тот был также заметно взволнован.

Прокаженные построили для своих друзей плот. На нем можно было продолжить путешествие. Плоту дали имя «Мамбо-Танго», что должно было символизировать перуанско-аргентинскую дружбу. Альберто объяснил далекому от музыки Эрнесто:

— Мамбо — это национальный перуанский танец, а танго — аргентинский.

Эрнесто закивал головой. Это он и сам понимал.

— Совсем говорить не могу. Ты у нас министр иностранных дел. Надо им ответить.

Гранадос поблагодарил за трогательное прощание и сказал, что они еще обязательно увидятся. Отверженные поплыли к

своему берегу — в изоляцию. Налегая на весла, они пели прощальную песню. Печальную, но одновременно исполненную надежды.

Мужчина с обрубками вместо пальцев аккомпанировал на аккордеоне. Пальцы ему заменяли палочки, укрепленные на руках. Во время игры они ритмично постукивали в такт музыке.

Эрнесто не выдержал — отвернулся. Вдобавок ко всему прокаженные нагрузили плот съестными припасами. Печенье, сгущенка, молоко, табак. Даже две живые курицы были на борту.

Из-за крокодилов каждую ночь кто-то должен был нести вахту. Ни с чем не сравнимая атмосфера. Обманчивая тишина Амазонки. Густая стена тропической растительности на отлогих берегах. Беззвучные ныряния крокодилов. Резкие вскрики обезьян. Клекот попугаев. И как проклятье — неотступные мошки. Без москитной сетки о сне не могло быть и речи.

Эрнесто уже начал клевать носом, когда внезапно услышал плеск и хлопанье крыльев. Спросонья ему почудилось, что это цапля. Но нет, это одна из кур, которых они везли, упала в воду. Никогда еще ночь не казалась ему такой черной. Он заколебался. Прыгнуть за ней в воду и спасти ее? Безусловно!

Однако он не сделал этого. Какой-то безотчетный страх удерживал его. Вода и темнота еще с детских лет внушали ему страх. С тех пор ничего не изменилось. Он чувствовал страх нутром. Дело было не столько в крокодилах и змеях. Чернильная гладь самой реки — она-то и наводила страх. Он не тронулся с места и даже друга своего не разбудил.

На утро Альберто ругался, так как решил, что Эрнесто просто-напросто заснул и упустил курицу.

— Не заводись, старичок, вместо курицы мы добудем себе обезьяну, — успокаивал его Эрнесто.

В тот день они запланировали доплыть до Летисии, колумбийского речного порта.

— Нам с тобой это пара пустяков! Я тут видел такой же плот, так его спокойненько вели по течению беременные женщины и дети.

— Твоими бы устами…

Буйная флора, воспоминания о прощании с прокаженными настолько занимали их мысли почти шестьдесят часов, что они не заметили, как проскочили Летисию.

Причалили к бразильскому берегу. К счастью, нашелся человек, вызвавшийся доставить их вверх по течению — в Колумбию.

Добравшись до Колумбии, они умудрились извлечь выгоду из славы Аргентины как футбольной нации. Футбольная команда

Летисии готовилась к играм районного чемпионата.

Эрнесто и Альберто наблюдали двустороннюю тренировочную игру. Недалеко от них стоял начальник местной полиции, страстный болельщик, с группой офицеров.

— Они все еще играют по системе два-три-пять! О персональной опеке они слыхом не слыхивали. По старинке играют. Вчерашний день. Так им чемпионами никогда не стать!

Слова Эрнесто упали на благодатную почву. Это была армейская команда. Эрнесто и Альберто нужно было попасть в Боготу. Военный самолет как нельзя лучше годился для этого.

Начальник полиции шепнул что-то одному из офицеров, указывая в их сторону. Они же продолжали во всеуслышание обсуждать весьма низкий уровень подготовки летисианской футбольной команды.

— Вратарю лучше пойти работать билетером в кино.

— Центр нападения — вареная вошь. К друзьям, приветливо улыбаясь, подошел начальник полиции с офицером.

— Вы аргентинцы?

— Хм…

— Мы восторженные почитатели аргентинского футбола.

— Хм…

— А сами вы не играете?

— Каждый аргентинец играет в футбол! — веско сказал Эрнесто.

— Не окажете ли вы нам честь — не потренируете ли наших парней? Эрнесто и Альберто незаметно подмигнули друг другу: поездка в Боготу была у них, можно сказать, в кармане.

В течение двух дней они проводили интенсивные тренировки. Первая начиналась в пять утра.

Когда же дошло до решающей игры, Эрнесто встал в ворота. Оттуда он зычным голосом подавал команды полевым игрокам, которые неукоснительно выполняли все его указания. Альберто играл в центре нападения.

Тяжелая бескомпромиссная игра закончилась нулевой ничьей. Согласно правилам, все должна была решить серия одиннадцатиметровых штрафных ударов.

Эрнесто энергично потер друг о друга повлажневшие ладони и, приняв вратарскую стойку, все внимание сконцентрировал на мяче Он обязан был парировать все пенальти. Ведь им надо было как можно скорее попасть в Боготу.

Пенальтист команды-соперницы каждый раз делал такой разбег, будто хотел вогнать Эрнесто в сетку вместе с мячом. Но несмотря на это, мазал безбожно. Эрнесто не пришлось отразить ни одного мяча.

Вскоре после этого матча они приземлились на самолете колумбийских ВВС в Боготе.

— Что этому типу нужно?

— Думаю, Эрнесто, ему нужен твой нож.

— Мой нож? А ну-ка убери руки и вообще иди куда подальше…

Солдат в ответ грубо толкнул Эрнесто.

— Сказано тебе, нож давай, не то!..

— Не то — что?

Колумбийский солдат потряс винтовкой перед лицом Эрнесто.

— Ты что же вообразил, раз на тебе погоны, значит, можно мародерствовать направо и налево? Что хочу, то ворочу — так, что ли? — рассвирепел Эрнесто.

— Отдашь нож — ступай на все четыре стороны! Иначе…

Он снова потряс винтовкой. Дуло он наставил на Эрнесто. Ситуация обострилась. Этот кретин полагал, что военное положение дает ему право забирать себе все, что приглянулось.

— Вали отсюда со своей винтовкой. Скройся с глаз моих, не доводи до греха! — прорычал Эрнесто.

Это еще больше раззадорило солдата. Теперь речь шла уже не о маленьком ноже, а о воинской чести. Солдат решил ударить Эрнесто прикладом. Но в тот момент, когда он изо всех сил размахнулся, у него вдруг пресеклось дыхание. Повторный удар сбил его с ног. Придя в себя, он увидел, что лежит на земле. Обезоруженный.

Вскоре после этого Эрнесто и Альберто арестовали. Эрнесто воспринял этот инцидент не слишком серьезно и поинтересовался, не надо ли потренировать команду Боготы. Лишь после визита в тюрьму аргентинского посла им стало ясно, в какой переплет они попали.

— Разоружить солдата в самый разгар военного положения в стране! За одно это вас можно поставить к стенке. Ладно уж. Сия чаша вас минует. Я хлопотал за вас. Надеюсь, мне удастся вызволить вас, но вам тогда следует незамедлительно покинуть Колумбию. Чести солдата нанесено смертельное оскорбление. Он жаждет мести, и его сотоварищи наверняка примут участие в «вендетте». Ваша жизнь в крайней опасности.

Выйдя на волю, Эрнесто и Альберто направили свои стопы в студенческую столовую, чтобы наесться досыта. Там они повстречали кое-кого из своих знакомых.

— Вы еще живы?

— До нас дошел слух, будто вы разоружили солдата!

— Не мы, — заметил Гранадос. — Он. Эрнесто из скромности

промолчал.

— Да вы, никак, большие шутники. Смываться надо — и чем раньше, тем лучше. Его дружки уже рыщут по городу — это по вашу душу. Если они на вас напорются, вам хана.

— Они правы, Эрнесто. Надо быстренько уносить ноги в Венесуэлу.

— Уносить-то я не против. Только где денег возьмем? Сначала подзаработать надо. Хотя бы на пару деньков куда-нибудь пристроиться.

Их знакомые уныло переглянулись.

— На это у вас времени нет. Исчезнуть надо немедленно. Самое лучшее, если мы организуем для вас прямо тут, в столовке, сбор пожертвований.

Несколько студентов дружно взялись за дело и вскоре набрали сумму, необходимую для покупки двух автобусных билетов до Венесуэлы.

Автобус, который должен был доставить их в Венесуэлу, застрял в дороге — он нуждался в ремонте. Друзья в это время разлеглись на теплом песке побережья.

— Напутешествовались мы всласть, Альберто. Самое время оглядеться и решить, где мы теперь осядем. Я был бы совсем не против заполучить свой диплом врача, а там…

— А я думаю бросить якорь тут, в лепрозории Капо-Бланко под Ла-Гуайрой.

— Если ты там что-то для себя найдешь, после выпускных экзаменов и я, пожалуй, сюда вернусь. Устроюсь на работу с тобой по соседству. А не выгорит с местом, можно будет попытать счастья еще где-нибудь.

— Где же?

— Как бы ни сложилось, а меня тянет в Гватемалу и в Мексику, — заявил Эрнесто и мечтательно прикрыл глаза. — Меня интересует культура майя и ацтеков. Обязательно займусь этим всерьез.

— Из тебя, глядишь, еще и археолог получится! А я хочу остаться в Венесуэле и по мере сил облегчать страдания.

— И я хочу того же. Но порой наша профессия врача вызывает у меня сомнения.

Альберто с удивлением посмотрел на него.

— Разве ты не сказал, что хочешь получить диплом?

Эрнесто резко приподнялся.

— Хочу, конечно. И врачевать тоже хочу. Но я считаю, должны произойти кардинальные перемены. То, что делает людей больными, не всегда можно излечить медицинскими средствами.

— Что ты хочешь этим сказать?

Эрнесто сделал неопределенный жест рукой.

— По-моему, богатства этих стран, полезные ископаемые и плодородные земли должны служить всем людям, а не кучке богатых семеек да фирмам США. Они и есть та самая раковая опухоль, что следует удалить хирургическим путем.

Эрнесто тщательно разгладил помятый лист бумаги. За время долгих странствий он сильно пострадал. Почерк дяди можно было разобрать с превеликим трудом.

Пять дней слонялся он с рекомендательным письмом возле аэропорта. Наконец разыскал пилота, которому надлежало это письмо вручить. Старинный дядин приятель.

Пилот прочел письмо и кивнул:

— Не возражаю. Могу захватить тебя с собой в Майами. Везу туда породистых скакунов. А уж из Майами полечу в Буэнос-Айрес.

Эрнесто был на седьмом небе от счастья. Вот она, удобная и скорая оказия, которая позволяла поспеть домой к началу учебных занятий. Однако в пути случилась заминка. Целый месяц пришлось проторчать в Майами, пока устраняли неполадки в самолетном двигателе.

В превосходном настроении, руки в брюки и даже слегка навеселе прохаживался Эрнесто по университетскому коридору. У двери с табличкой он задержал шаг. На него вдруг накатила непонятная слабость. На мгновение он ощутил себя выжатым как лимон. Он потянулся по-кошачьи и набрал полные легкие воздуха. Именно сейчас ему хотелось быть предельно бодрым.

Профессор Сальвадор Пизани, специалист-аллерголог. Человек широкоизвестный. Он много дал Эрнесто. Теперь пришла пора расставания.

Профессор сидел за письменным столом, поглощенный чтением объемистого фолианта. Он тут же встал, чтобы поздравить новоиспеченного доктора.

— Дорогой мой Гевара! Не можешь себе представить, как я рад. За время твоей весьма своеобразной учебы у меня иной раз возникали сомнения относительно ее благополучного исхода. Сколь часто ты блистал отсутствием на лекциях. Очевидно, ты полагал, что сможешь наверстать все самостоятельно. А потом еще почти целый год скитаний. Но я-то знаю тебя. Знаю, какие в тебе заложены способности. Что там ни говори, а меня весьма впечатляет твоя победная серия: четырнадцать капитальных экзаменов за четыре месяца. Типично в твоем стиле. Если уж ты взялся за какое-нибудь дело, вкладываешь в него всего себя без остатка, не так ли?

Профессор пожал ему обе руки.

— Да уж нелегко пришлось, — расплылся в улыбке Эрнесто.

— Что значит «нелегко»? Великолепное достижение — вот как это называется. И дальше, вперед семимильными шагами! Нуте-с, поговорим о моем предложении: вести со мной в качестве ассистента частную практику. Благодаря многолетней работе в лаборатории опыта ты набрался предостаточно. Я был тобой весьма доволен. А исследования, которые ты вел в университете, можешь продолжать. Тут проблем нет. Об этом я позабочусь.

— Мне лестно ваше доверие, профессор. Но я пришел, чтобы попрощаться.

— То есть как?! — обескураженно спросил профессор. — Кто-то сделал тебе более выгодное предложение?

— Нет, — ответил Эрнесто, — хочу снова отправиться в путь — изучать Латинскую Америку. Хочу изъездить наш континент вдоль и поперек, исследовать его. На это у меня уйдет добрый десяток лет.

Профессор недоверчиво воззрился на него.

— Кто ты — врач или бродяга? Или это одна из твоих очередных шуток. В таком случае — не самая удачная!

— Нет, я вполне серьезно. Моему другу Гранадосу я…

— Гранадос! Гранадос! Стоит мне только услышать это имя… Он тебе и так уже достаточно задурил голову. Взять хотя бы это ваше путешествие. На последнем курсе бросить университет на восемь месяцев. Да и потом отметки оставляли желать лучшего. Впрочем, это дело прошлое. Кому интересно, с какими отметками врач закончил учебу? Теперь послушай, что я скажу. Став обеспеченным медиком, ты в своей жизни еще напутешествуешься. Да и на научном поприще тебя ждет немало зарубежных поездок.

— Я буду работать вместе с Гранадосом в лепрозориях и там же проводить исследования, — упрямо стоял на своем Эрнесто.

— Очередная блажь! — загорячился Пизани. — Тебе же отлично известно, что там за условия. Ты ведь бывал в этих богом забытых лечебницах. Впрочем, какие уж там лечебницы. Жалкие лачуги, убого оборудованные.

В его голосе появился металл.

— Там нельзя заниматься научной работой. А здесь? Мы опубликовали в соавторстве несколько статей. Многообещающее начало. Только работай. И пользы от этого будет несравненно больше, нежели от самоотверженного ухода за горсткой прокаженных где-то у черта на рогах. Разве последняя поездка не обошлась тебе дорого? Дошло до разрыва с сеньоритой Феррейра. Все полагали, что вы вскоре поженитесь. Все завидовали тебе. Такая женщина. Красива, умна, богата. Принадлежит к одному из

самых родовитых семейств. Твоя поездка перечеркнула все. А теперь ты хочешь поставить на карту свою карьеру врача и ученого?

Эрнесто не давал себя переубедить. Пизани сделал последнюю попытку.

— Эрнесто, обмозгуй все еще разок на досуге. Мое предложение остается в силе. Эрнесто мотнул головой.

Решение мое твердо. Лет через десять, надеюсь, смогу воспользоваться вашим предложением!

«Мы обретем свободу или станем мучениками»

Давящая духота нависла над Гуаякилем. По берегам Гуаяс растекался, плавясь, солнечный диск. Вскоре после выпускных экзаменов Эрнесто снова отправился в путь. По дороге из Боливии в Эквадор к нему присоединились молодой адвокат Эрнесто Рохо и Калика.

В Гуаякиле они познакомились с тремя аргентинскими парнями, которые тоже хотели попасть в Колумбию. Но одного желания оказалось мало. Чтобы получить визу в Колумбию, нужно было предъявить авиабилеты до Боготы. А денег на них не хватало. Они снимали на всех одну комнатенку с единственной кроватью. Кто приходил первым, тот и спал на ней. Остальные размещались на полу.

Сидя в ресторанчике городского Союза рабочих, они обсуждали сложившуюся ситуацию.

У Рохо было рекомендательное письмо к одному адвокату. Он получил его от лидера чилийских социалистов Сальвадора Альенде.

Рохо считал, что надо разыскать адвоката и без обиняков попросить его о помощи. Эрнесто был того же мнения. Четверо остальных неопределенно пожимали плечами. Кому охота помогать таким голодранцам, как они?

Двери Союза рабочих были открыты настежь, и в зал изредка залетали легкие порывы ветра. Приятели сидели, потягивая охлажденное пиво, и прикидывали, нельзя ли позволить себе хоть одну порцию свиных ребрышек на гриле.

Свиные ребрышки стоили тут недорого. Пиво тоже. Это их сюда и привлекло. Но они были почти на мели.

— Вперед, Рохо, попытка не пытка, — подбадривал приятеля Эрнесто. — Двинули к юристу!

Рохо встал. Договорились, что товарищи дождутся их тут.

Адвокат неожиданно для них обрадовался. Рекомендательное письмо, подобно волшебной палочке, сделало их союзниками. Он помог им. Можно было ехать дальше.

Выйдя из адвокатской конторы, они на радостях затеяли шутливую потасовку, дурачились напропалую. Невзирая на жару, возвращались, весело пританцовывая. Еще издали Эрнесто прокричал:

— Полный порядок! Шесть оплаченных билетов на банановую шхуну. Шесть! Попрошу быстренько пивка для меня! Да чтоб со

льда!

— Ты так и ходил к законнику? — спросил кто-то из аргентинцев, указывая на траурную каемку под ногтями.

— Я ведь не свататься ходил, — рассмеялся от души Эрнесто. Он заказал себе две порции свиных ребрышек на гриле и ел их руками. Потом смачно облизал жирные пальцы и отхлебнул пиво из кружки Калики.

— Ну дела! Ты что — сам себе заказать не можешь?

— Нет.

— Почему же?

— Все деньги кончились.

Рохо угостил каждого кружкой пива: надо было обмыть бесплатные билеты.

— Гевара, дружище, давай махнем вместе в Гватемалу. Что ты, ради всех святых, забыл в этой Венесуэле? Там же только деньги заколачивать можно!

Эрнесто, мгновенно посерьезнев, ответил:

— Хочу разыскать там моего друга Гранадоса, думаю устроиться лечащим врачом в лепрозорий. А заодно и исследованиями заняться…

Все загалдели, перебивая друг друга.

— Вот тебе раз! Тебя еще и на исследования потянуло. Сам же недавно говорил, что хочешь изучать древние развалины майя. В Гватемале сейчас можно увидеть и кое-что поинтереснее. Там происходит настоящая революция. Аграрная реформа. Кампания по ликвидации неграмотности. Воистину там что-то сдвинулось с мертвой точки. Янки теряют свою власть и влияние. Айда со мной. Хотя бы на пару месяцев. А потом дуй к своему Гранадосу и исследуй себе сколько душе угодно.

— Держи, Эрнесто! Еще по одной. Твое здоровье!

— Честно говоря, мне очень хотелось бы в Гватемалу. И настоящую революцию своими глазами увидеть — тоже страшно хочется. Но я ведь уже пообещал Гранадосу…

— Ха-ха, обручен ты с ним что ли? Они кутили до тех пор, пока не спал зной и тени не стали длиннее.

— Прошу внимания, — голос Эрнесто перекрыл общий гам. — Настоящую революцию прозевать стыдно. Гранадосу придется подождать. Даешь Гватемалу!

Друзья восторженно подхватили:

— Даешь Гватемалу! Да здравствует президент Арбенс!

— Как врач я смогу послужить делу революции.

— Святое дело.

— За это обязательно надо выпить. Деньги у кого-нибудь остались?

— Могу свои часы заложить.

— Стало быть, еще шесть пива!

Застолье продолжалось до тех пор, пока сам трактирщик не забастовал. Они побрели в свое убогое жилище. Переступив порог каморки, кто-то из друзей с ходу поинтересовался:

— А как на ночь устроимся? Пришли-то мы вместе? Кому же сегодня кровать достанется?

— Собачья конура, а не комната. Глаза бы мои на нее не глядели!

— А мне до лампочки, где дрыхнуть. Эрнесто уловил по ситуации, что у него есть шанс хоть раз выспаться в единственной постели. В небольшой отгороженной клетушке было нестерпимо жарко. Он не был брезглив. Но при одной лишь мысли о маленьких ползучих тварях, которых привлечет запах пропотевшей кожи, вожделенный сон оборачивался пыткой.

— А спорим, — сказал он, — спорим, что мои трусы до того засалены, что могут стоять, куда я их поставлю.

— Ха-ха, да ты сам с трудом на ногах стоишь.

— А вот трусы мои смогут. Железно.

— Хотелось бы лично убедиться. Эрнесто уже раздевался. Рывком стащил штаны и бросил их в угол. Затем снял трусы и провозгласил:

— Мои трусы! Они настолько задубели от пройденных километров, что смогут стоять колом в любом месте.

Он, как фокусник, продемонстрировал всем деталь своего туалета, поставил ее на пол, и она действительно застыла как вкопанная. Пока все утирали слезы от смеха, он нырнул в кровать, завернулся в простыню и пророчески изрек:

— Со временем я научу их еще и ходить.

Во время разговора их руки как бы случайно сближались, касаясь друг друга, и снова расходились. Прикосновения делались все чаще, интервалы между ними — все реже. Это происходило как бы ненароком. Словно руки существовали сами по себе, а прихотливая игра пальцев возникала помимо их воли. Сами они говорили о совершенно других вещах и смотрели друг на друга подчеркнуто серьезно.

— Нет, боливийская революция меня разочаровала. Вообрази, мне там индейцы встретились, так они попросили, чтобы им нарезали землю. А чиновники в ответ на это стали обсыпать их каким-то белым порошком. Наподобие ДДТ. Я думал — кончусь на месте. Спросил этих типов, что все это значит. Один из чинуш объяснил, что, мол, иначе индейцы занесут вредных насекомых в их бюро. Даже не представляешь, как я рассвирепел. С такой революцией мне не по пути. Там, где орудуют такие подонки,

там…

Ильда перебила его.

— Но, Эрнесто. Нельзя же судить обо всей революции по отдельно выхваченным эпизодам. Ставить на ней крест лишь потому, что какой-то остолоп не сумел ничего понять. На мой взгляд, несравненно страшнее то, что они не покончили с зависимостью от американских монополий. Они добывают сырье, а потом сами же вынуждены закупать готовую продукцию. Опять-таки куда денешься, когда США — их крупнейший закупщик олова. Эрнесто насупил брови.

— Тогда пусть они продают свое олово СССР, чтобы разорвать мертвую хватку американских концернов.

Неожиданно она рассмеялась.

— Ты что? Разве я какую-нибудь глупость сморозил?

— Нет, Эрнесто. Ну, конечно, нет. Просто всякий раз, как я вспоминаю нашу первую встречу, меня разбирает смех.

— Ну-ка, ну-ка! Мне запомнилось только, что я себя в тот день паршиво чувствовал. Ждал приступа астмы.

— Так оно и было. Очевидно, поэтому ты и сидел, как напыщенный породистый индюк! Я решила, что ты самовлюбленный тип. Грудь колесом выпятил. Так и сидел все время. Да еще молчал. Лишь изредка вставлял «да» или «нет». Этак лаконично. Будто одолжение делал. Ох, как я на тебя тогда разозлилась. Мне ведь и в голову не могло прийти, что на самом деле ты просто пытался совладать с астмой. К тому же я, когда тебя увидела, сразу подумала: «Этот фрукт слишком хорош собою, чтобы еще и умным быть».

Эрнесто расхохотался.

— Только потом, при нашей следующей встрече, когда ты заговорил о своих политических взглядах, я к тебе прониклась симпатией, отменила свой приговор.

Эрнесто явно понравились эти слова, и он взял руки Ильды в свои. Она же как ни в чем не бывало продолжила:

— Что меня сразу подкупило, так это твое отношение к профессии врача. Как ты это замечательно сказал. Будучи врачом, не собираюсь состоять на службе у какого бы то ни было привилегированного класса. Не желаю заниматься больными, которые слишком много о себе понимают, равно как и теми, чьи болезни проистекают от неумеренности и тунеядства.

— Если тебе это интересно, Ильда, могу показать первые страницы моей статьи. Я там как раз рассматриваю положение врача в Латинской Америке. С этой целью объездил, как ты знаешь, немало стран. Пишу о слабой государственной помощи, стараюсь показать картину здравоохранения, которое повсюду

находится пока еще в плачевном состоянии.

Несколько дней Эрнесто не появлялся у Ильды.

«Заметила ли она вообще мое отсутствие?»— думал он, набирая номер Института развития народного хозяйства Гватемалы.

— Соедините меня, пожалуйста, с сеньоритой Гадеа, отдел экономических исследований.

— Гадеа? С кем я говорю?

— Ильда, это я, Эрнесто. Не мог к тебе ни зайти, ни позвонить: астма не отпускала. А хотелось бы повидаться.

— С радостью, Эрнесто. Я уж и не знала, что думать: словно в воду канул. Сразу после работы зайду к тебе.

— Очень мило с твоей стороны, Ильда. До скорого.

Положив трубку, он подумал, что, судя по всему, не так уж он и безразличен Ильде.

Когда Ильда появилась в дверях пансиона, на Пятой улице столицы Гватемалы, где он снимал комнату, Эрнесто опять почувствовал приближение приступа. Здороваясь с Ильдой, он ощутил, что давление в легких снова увеличилось. Жадно ловил ртом воздух. Невольно подумалось: астматические приступы по сути не что иное, как проблема выдохнуть из легких набранный и переработанный воздух. Внезапно возник страх перед удушьем. Лицо его побагровело, на лбу выступила испарина.

— Эрнесто, ты должен немедленно лечь! — Ильда следила за ним с нескрываемой тревогой.

— Как славно, что ты пришла, — выдохнул он с трудом. — Я сейчас. Сделаю укол и вернусь.

— Я помогу тебе подняться по лестнице. Ильда хотела взять его под руку. Эрнесто отстранил ее. Медленно, очень медленно он поплелся наверх: «Не хочу, чтоб меня жалели! Не хочу!» Эта мысль стучала в висках, подгоняла по лестнице.

Без остановки, ступень за ступенью. Вот и комната. Едва переступив порог, он рухнул на кровать. Но не лег, а прислонился спиной к стене.

— Может, приляжешь? — спросила она.

— Нет, хуже будет. Дай, пожалуйста, шприц. Он на столе. И резиновый жгут. И окно, окно, пожалуйста, открой.

Когда он перевязывал руку, дышать было совсем невмоготу. Он ввел иглу в левое предплечье.

— Черт, вена!

Он скрипнул зубами, еще раз попытался попасть в вену. С третьего захода это удалось.

— Пожалуйста, затяни жгут потуже. Сердце бешено колотилось. Эрнесто вдруг охватил панический страх. Надо было

во что бы то ни стало взять себя в руки.

Адреналин медленно перетекал из шприца в вену. Процедура занимала две минуты. Лекарство следовало вводить очень медленно. Время как будто остановилось. Последним усилием он выдернул иглу из вены. Пустой шприц выпал из рук.

Его дыхание постепенно пришло в норму. Ильда заговорила с ним.

— Что я могу сделать для тебя, Эрнесто?

— Ничего. Сейчас все будет хорошо. Адреналин действует быстро.

Он читал книгу. Весь внимание. Только губы шевелились, будто он говорил сам с собой. Время от времени откладывал книгу в сторону и что-то записывал. Он не заметил, как пришла Ильда.

— Что поделываешь, Эрнесто? Он радостно вскочил и обнял ее.

— Перевожу книгу Гаральда Уайта на испанский.

— Гаральд Уайт? Кто он такой?

— Он написал книгу о марксизме. Это хороший гринго.[7] Ему опостылел капитализм. Он хочет, чтобы жизнь была совершенно иной. Это меня и привлекло. Кроме того, надеюсь подзаработать пару песо.

Смотри-ка, ты еще и переводчик? Эрнесто сделал протестующий жест. Ильда рассказала, что ей удалось разузнать о Хосе Посадасе. Он руководил лагерем для трудновоспитуемых детей и подростков.

— Он собрал там либо тех, кто удрал из дома, либо живущих воровством. Словом, вконец ожесточившихся. Считает, что это не вина их, а беда. Они встали на неверный путь по вине общества, которое создает для них столь жалкие условия. Будь общественные условия иными, говорит он, эти ребята могли бы вырасти полноценными людьми.

— Что верно, то верно, — подхватил Эрнесто, — и я считаю: эти дети — жертвы голода. Неграмотности. И полнейшего безразличия со стороны общества. Отсюда прямая дорожка к уголовщине. И тем самым страна лишается полезных, здоровых сил. Эксплуатация губит на корню человеческое богатство Латинской Америки. А ведь все могло быть совершенно по-другому!

— Хосе Посадас ищет выход из этого отчаянного положения. В Сан-Хосе-де-Пиньюла возник настоящий детский городок. Они там хотят…

— Детский город?

— Именно. Притом расположен он в очаровательной

местности. Среди высочайших пиний и чудесной природы.

— Съездим туда, Ильда. Хочется побольше узнать об этом эксперименте. И с Хосе Посадасом познакомиться. Если эти дети избавлены от необходимости бороться за существование, не может ли там вырасти новый человек?

В пансионе «Сервантес» частыми гостями были друзья Эрнесто и Ильды. Мнение Ильды здесь очень ценили. Она работала в подразделении министерства и, как правило, была информирована лучше всех. Заглядывали сюда также кубинцы и кое-кто из студентов.

А не была ли ошибкой экспроприация земель у Зеленого чудовища?[8] Янки усмотрят в этом вызов и попытаются свергнуть правительство.

Сказавший это студент удостоился лишь усмешки Ильды.

— С тех пор как у нас прогрессивное правительство, «Юнайтед фрут» тридцать четыре раза замышляла путчи. Все они были своевременно раскрыты и подавлены в зародыше.

— Это говорит не только в пользу аппарата безопасности, — вступил в спор Эрнесто, — отраднее всего, на мой взгляд, что целые отряды пролетариев и крестьян взялись за оружие, чтобы дать отпор путчистам. Надо быть предельно бдительными. Газеты США осыпают бранью Гватемалу. «Коммунистический форпост в Латинской Америке!» «Рука Москвы!» Подобные измышления распространяются не без злого умысла!

— Хотя все это полный бред! В Гватемале нет даже советского посольства. А проводимые тут реформы носят капиталистический характер. Частные предприятия укрепляют свои позиции. Арбенс пытается лишь воспрепятствовать тому, чтобы янки прибрали к рукам наши земельные богатства и рабочую силу.

— Налицо стремление провести аграрную реформу, — заметил один из студентов. — Закон вышел, по которому отныне всякий труд должен быть оплачен. Этого американские концерны не переживут. Им же еще и налоги платить придется. А они отродясь налогов не платили! Да тут еще у «Юнайтед фрут» 170 тысяч гектаров земли отбирают.

Ильда тряхнула челкой.

— Они за это получили компенсацию. Им выплачена сумма, которую они сами сочли эквивалентной.

— Ну это как дважды два! — не выдержал Эрнесто. — Цена для них явно занижена. Когда они узнали, что придется платить налоги, то нарочно оценили свои угодья так дешево. Именно для того, чтобы от налогов отвертеться.

Студент стоял на своем:

— Армас уже собрал наемников в Гондурасе. Говорят, он

каждый месяц получает от правительства США 150 тысяч долларов на содержание войска и оружие. Он поставлен, чтобы свергнуть правительство Арбенса.

— Много ли гватемальцев под его началом? — поинтересовался Эрнесто.

— По слухам, так совсем немного! Большинство из других стран. Чаще всего из США. У них даже самолеты есть и летчики. А Гватемала собственных ВВС не имеет. Они развернули настоящую травлю из-за того, что компартия на легальном положении, да еще в выборах участвовала.

— Но у нее всего-то четыре места в Национальном конгрессе.

— Ну и что. Арбенс сотрудничает с ними. После споров Эрнесто и Ильда вышли прогуляться. Они остановились, прижавшись друг к другу.

Эрнесто после дебатов был возбужден. Ласковый вечерний воздух действовал на него умиротворяюще. Они простояли некоторое время в полном молчании. Эрнесто чувствовал, что сложившаяся политическая ситуация лично для него чревата опасностью. Тем приятнее было ощущать сейчас близость и тепло Ильды.

Дверь стремительно распахнулась, и в комнату, едва не растянувшись на полу, ввалился кубинец Нико. Он был в ярости.

— Сволочи! Сволочи! Банды Армаса вторглись в Гватемалу с территории Гондураса. Теперь начнется. Янки спустили с цепи своих сторожевых псов.

— Только без паники! — спокойно сказала Ильда. — Армия наверняка их остановит.

— Какое там остановит! Арбенс приказал в бой не вступать.

Нико в отчаянии мял огромными ручищами свою шляпу. Эрнесто бросился к радиоприемнику.

— Они уже начали расстреливать депутатов и профсоюзников. Любопытно, что первым делом они захватили район, принадлежавший «Юнайтед фру т».

— Почему Арбенс не бросает в бой армию? — спросила недоуменно Ильда.

— Потому что он трус! — воскликнул Нико.

— Не в этом дело. — Эрнесто протестующе поднял руку. — Он знает, что Гондурас лишь ждет повода доказать Штатам свою верноподданность. Бои в приграничной зоне они тут же объявят агрессией, после чего введут войска в Гватемалу. Правительство Гондураса действует исключительно по указке концернов США.

— Ты считаешь, что Арбенс уступит наемникам Армаса небольшую приграничную полоску? — спросила Ильда.

— Да, я допускаю такой вариант. Но мы должны сделать все

от нас зависящее, чтобы наемники не прошли дальше.

Нико все еще не мог успокоиться и совладать со своим голосом. Он громко кричал:

— Зачем «Фрут» понадобились головорезы Армаса, когда враг уже давно внутри страны?! Перифуа, посол США, специалист по переворотам и установлению диктатур! У него — прямая радиосвязь с Армасом. Его стараниями Армас заполучил средства для своего налета. А теперь он обрабатывает духовенство. Архиепископ Росель Ареллано давно с ним в одной упряжке.

Ильда нервно дернула Эрнесто за рукав.

— Что же теперь нам делать? Что?

— Вступим в ополчение и будем бороться. Что же еще?

Огонь разрастался стремительно. Языки пламени взвивались высоко к небу. Соломенные крыши и горящие балки с грохотом рушились на проезжую часть. Люди делали все, чтобы погасить огонь. Едва удавалось ликвидировать один очаг пожара, как огонь занимался двумя-тремя домами дальше. Военные самолеты Армаса бомбили столицу. В Пуэрто-Барриос они потопили английский сухогруз. Бомбардировке прежде всего подверглись важнейшие транспортные артерии. Самолеты интервентов орудовали практически беспрепятственно.

Эрнесто помогал доставлять боеприпасы к зенитным орудиям. Волок на себе тяжеленные ящики по охваченным пожаром улицам. От воя падающих бомб к горлу подступала тошнота.

— Эрнесто! Там не пройдешь! Давай в обход! — крикнул ему кто-то.

У него рябило в глазах, и он не смог разглядеть, кто ему кричал, но безошибочно различил кубинский акцент.

Один офицер чуть не сбил его с ног. Эрнесто, заметив, что у того высокое воинское звание, схватил офицера за обшлаг мундира и прокричал в лицо:

— Требую, чтобы меня отправили на фронт! Требую оружия! Хочу биться с подручными «Юнайтед фрут»!

Офицер бросил на него недоумевающий взгляд, оттолкнул в сторону и помчался дальше.

— Вы совершаете ошибку! — крикнул ему вдогонку Эрнесто. — Народ надо вооружать! Народ!

Случайно выглянув в окно, Эрнесто увидел Ильду, входящую в дом. Он удивился: сегодня она возвращалась из министерства раньше обычного.

— Все из рук вон плохо! Армия отказывается сражаться против наемников. Ее высшие чины требуют от Арбенса отставки, запрета компартии и устранения из профсоюзов всех его

активистов.

— Арбенс не столь глуп, чтобы принять эти условия.

— Офицеры обещают в случае его согласия продолжить борьбу с наемниками Армаса и сохранить официальный политический курс правительства. За их спиной стоит церковь.

Эрнесто так саданул кулаком об стол, что пустая чашка опрокинулась, но не упала.

— Это все козни посла янки, — закипал Эрнесто. — Весь этот путч он превосходно организовал. Арбенс не сумел вовремя вооружить добровольческие формирования. Теперь он игрушка в руках армии. А там заправляют вояки, преданные США. Для них интересы госдепартамента значат больше, чем собственное правительство. Через Перифуа они в открытую сотрудничают с Армасом.

Арбенс отказался от поста президента. Власть взяла в свои руки военная хунта. Первым делом была запрещена коммунистическая партия, и по всей стране начались массовые аресты и расстрелы.

Эрнесто сидел, положив ноги на стол, что ему было совершенно несвойственно. Руки скрещены на груди, вид строптивый. Нико нервно вышагивал по комнате. Ильда тщетно пыталась унять дрожь в пальцах.

Неожиданно Эрнесто очень спокойно и хладнокровно произнес:

— Перифуа свою миссию выполнил. Мечте народов Латинской Америки пришел конец.

— Ну почему же, — в который раз вопрошал Нико, — ну почему Арбенс подал в отставку? Ведь население было на его стороне. Почему он не сопротивлялся?

— Я думаю, он действительно полагал, что все упирается в запрет компартии, — предположила Ильда. — Политическую роль и истинный масштаб антикоммунизма он не уяснил себе до конца.

— Кроме того, он недооценил роль армии и католической церкви…

В дверь пансиона «Сервантес» постучали. Все переглянулись с плохо скрытой тревогой. Кто бы это мог быть? Неужели пришли за ними, узнав, что они боролись против Армаса? Или они попали под подозрение как иностранцы?

Эрнесто направился к двери.

Перед ним стоял аргентинский посол.

— Я ищу господина Эрнесто Гевару.

— Это я.

Посол прошел внутрь и настоял, чтобы дверь за ним заперли

на ключ. Впечатление было такое, будто он чего-то опасался. Его недоверчивый взгляд задержался на Ильде и Нико.

— Это мои друзья, — объявил Эрнесто. Посол помялся в нерешительности. Затем сказал:

— У меня для вас важное сообщение. Я располагаю информацией, согласно которой жизнь ваша в опасности. Разведывательная служба США занесла вас в черный список как коммуниста, подлежащего расстрелу сразу после свержения Арбенса.

Сообщение посла ошарашило Эрнесто. Он подумал: «Этим-то голубчикам я чем насолил?» Но внешне он старался держаться невозмутимо.

— Признателен вам за то, что предупредили.

— Советую немедленно перебраться в посольство. Я позабочусь, чтобы вы смогли вернуться в Аргентину за казенный счет.

— Готов явиться в посольство, если я там буду в безопасности. Но я не вполне уверен, что мне хочется обратно в Аргентину.

Посольство было уже наводнено людьми, искавшими там прибежища: кубинцы, гватемальцы, аргентинцы. Их разделили на две группы: демократов и коммунистов. Эрнесто, не раздумывая, отправился к коммунистам. Там был и Нико.

— Куда теперь подашься, Эрнесто? — спросил он.

— В ближайшую страну, где я мало-мальски застрахован от ЦРУ. В Мексику.

В Мехико он устроился на работу в больнице. Он не имел в виду осесть тут окончательно — всего лишь разбил бивуак в ожидании Ильды, которая еще томилась в гватемальской тюрьме.

Он снял скромную квартирку для себе с Ильдой и большую часть времени проводил в библиотеке. Запоем читал Неруду, Марти, Ленина, Хемингуэя и Карла Маркса.

Какова же была его радость, когда в больнице он случайно столкнулся с Нико. Они обнялись. До поздней ночи проговорили на кухне у Эрнесто.

Нико был счастлив, что встретил в Мехико кубинцев, своих старых товарищей по борьбе. Он предложил познакомить Эрнесто с ними.

— Ты обязательно должен познакомиться с Раулем Кастро. Мировой парень. Его нельзя не любить. Сидел на Кубе в каталажке — за участие в нападении на казарму Монкада. После помилования пришлось сматывать удочки. Они хотели пришить ему нападение на кинотеатр.

Эрнесто механически поглощал завтрак. Наконец он

отодвинул тарелку в сторону и хотел уже встать, но Ильда удержала его за рукав.

— Поешь, Эрнесто. У тебя в запасе еще столько времени.

Эрнесто отрешенно покачал головой.

— Пойду взгляну на бабушку Марию. Может, смогу ей чем-то помочь…

— Она же ведь не одна в больнице!

— Но она ждет меня.

Ильда бесцельно водила ножом по тарелке, не отрывая глаз от стола.

Эрнесто шагнул к ней, обнял и улыбнулся мягкой обезоруживающей улыбкой.

— Да ты никак ревнуешь меня, Ильда? Она кивнула, но тут же поправилась:

— Но ведь так оно и есть. Со всех сторон — бабушка Мария! Утром ты раньше времени уходишь из дома — к ней спешишь. Придя с работы, только о ее самочувствии и говоришь. Да еще среди ночи вскакиваешь, чтобы опять сбегать посмотреть на нее. Не кажется ли тебе, что это несколько чересчур? Волей-неволей всякое терпение лопается.

— Но, Ильда, она же очень бедная старая женщина. Кроме дочки и трех внуков, у нее никого нет. Всю жизнь только на себя и могла рассчитывать. Брала у людей стирку, чтобы концы с концами сводить. Горькая жизнь. Беспросветная нищета и голод — ничего другого она в своей жизни не видела. Само воплощение тяжких последствий эксплуатации и унижения. Она вынесла все страдания, которые выпадают на долю ее народа. Хотя бы перед смертью она должна почувствовать наше сострадание. Вот почему я хочу быть рядом с ней.

Ильда, словно изваяние, застыла на стуле. Помолчав, она испытующе взглянула на Эрнесто и сказала:

— Эрнесто, я думаю, что на самом деле ты бросил все свои силы на эту Марию, так как ощущаешь некую пустоту, неудовлетворенность. Ты очень много вынес из своих поездок, не говоря уж о гватемальском опыте. Вижу, что последнее время ты постоянно роешься в книгах Маркса и Ленина. Но ты игнорируешь одно очень важное обстоятельство: твоим познаниям не дано вылиться в нечто практическое. Ты не знаешь, куда их применить. И чтобы не метаться, как тигр в клетке, ты придумываешь себе панацею — уход за больными.

Эрнесто с удивлением перехватил ее взгляд. Иногда ему казалось, что она видит его насквозь. Поражала ее способность устраивать ему очную ставку с самим собой, называя вещи своими именами — ясно и недвусмысленно. Он не нашелся сразу,

что ответить, и потому лишь кивнул.

— Возможно, ты и права. Я бы и рад отдавать все свои силы и опыт врача революции. Но где она, революция?

Он ушел, так и не окончив завтрак. А когда вернулся, на нем лица не было. Ильда решила, что бабушка Мария умерла.

— Пока жива, — сказал Эрнесто, — но вряд ли переживет эту ночь. Шансов почти никаких. Я вернусь в больницу, чтобы быть у ее постели, когда она будет отходить.

— Хорошо. Поступай, как знаешь. Только ведь нельзя одним святым духом питаться. Тебе самому есть и спать нужно.

— Возьму с собой немного фруктов. Бабушка Мария скончалась в ту же ночь. Он сидел подле нее и чувства свои выразил в стихотворении, которое кончалось такими строками:

Мир праху твоему, старая Мария,
мир праху твоему, старый боец,
внуки твои встретят новую зарю,
КЛЯНУСЬ!

Между Раулем Кастро и Эрнесто быстро завязалась дружба. Оба они были в Мехико не у себя дома, оба испытали горечь поражения. Обоим были ненавистны гринго и тираны Латинской Америки. Оба мечтали очистить континент от хищнической эксплуатации концернов США. Они встречались регулярно, раз в неделю.

Ильда Гадеа тоже прониклась симпатией к новому другу Эрнесто. Частенько их споры затягивались до самого утра.

Рауль был непоколебимо убежден в возможности революции на Кубе.

Невзирая на то, что штурм казармы Монкада сорвался, а его организаторы длительное время провели в тюрьме, Рауль не уставал повторять:

— После штурма мы многому научились. Прежних ошибок уже не повторим. Но мы сделаем еще одну попытку, поскольку наша борьба важна не только для Кубы, но для всей Латинской Америки.

Всякий раз, когда Рауль говорил об интернационалистском характере революции, Эрнесто очень оживлялся: «Освобождение всей Латинской Америки… Подать пример… Не повторять ошибок, сделанных в Гватемале, Боливии, Мексике… Революция должна себя защищать…» Рауль соглашался.

— Кто однажды поднял оружие против империализма, тот уже не имеет права выпускать его из рук. Иначе империализм выроет ему могилу.

Общение с кубинцами оставило глубокий след в душе Эрнесто. Этот совсем еще молодой Рауль был исполнен железной решимости. Кубинцы из его окружения производили впечатление людей, у которых достаточно героизма в крови, чтобы воплотить свои мечты в действительность.

Вскоре Эрнесто узнал от Рауля, что в Мехико прибыл и его брат Фидель. С Фиделем Эрнесто впервые встретился в доме Марии Антонии. Она была кубинка, сторонница «Движения 26 июля». Ее просторная квартира по улице Эмпаран, 49, очень быстро превратилась в базовый лагерь, до отказа забитый ящиками с оружием, литературой и бутылками с горючим. Среди всего этого хаоса спали на матрасах мужчины. Эрнесто хватило беглого взгляда, чтобы понять: для кубинцев это лишь транзитный пункт. Никто не собирался долго тут оставаться. Всеми своими помыслами они были устремлены к их великому грядущему дню.

Первое, что поражало в Фиделе, были его глаза. Казалось, они непрерывно вбирают все происходящее вокруг. Активно участвуют в разговоре.

— Рад видеть вас на свободе! Фидель пожал ему руку и ответил:

— Батиста совершил смертельную ошибку, освободив меня. Он чувствует себя в безопасности. Он доволен, что продемонстрировал всем, какой он якобы великодушный. Объявил амнистию, которой добивались широкие круги населения. Этот недоумок полагал, что из-за рубежа мы ему не сумеем прижать хвост. Ему следовало бы убить нас! Мы обретем свободу или станем мучениками!

Они проговорили всю ночь.

Фидель подробно рассказывал о месяцах, проведенных в застенке.

— Мы не теряли времени даром — занимались самообразованием. Тюрьму превратили в школу кадров. Мы даже «Капитал» Карла Маркса читали и обсуждали.

— Кто-то пронес книгу в тюрьму?

— Нет, мы попросту заказали ее, а охранникам наплели, будто собираемся стать полезными членами общества и заняться бизнесом. Они уши и развесили. Решили, что «Капитал»— это нечто вроде учебного пособия для банковских служащих или бизнесменов.

Эрнесто нашел историю презабавной и хохотал от души. Этот Фидель нравился ему. Фидель обладал не только мужеством и решительностью, но любил шутку, розыгрыш. Имя Фиделя попало в газетные заголовки еще в его отроческие годы, когда он подбил

сельскохозяйственных рабочих на забастовку против своего собственного отца.

Он был одним из лидеров левого крыла Партии кубинского народа и там выступал за последовательную борьбу с диктатором Батистой. Чтобы подхлестнуть эту борьбу, он вместе со своими сподвижниками штурмовал в июле 1953 года казарму Монкада в Сантьяго-де-Куба. Это выступление должно было стать началом восстания, но их подстерегла неудача. Однако его политический авторитет ничуть не пострадал. Даже наоборот — еще более укрепился.

Все это Эрнесто было известно по рассказам Рауля и других кубинцев. Но общение с самим Фиделем произвело на него значительно более сильное впечатление. Этот человек не сомневался, что ему удастся сформировать отряд, с которым он отправится на Кубу. Там они дадут бой тирану и изгонят его навсегда. Оптимизм Фиделя заразил и Эрнесто. Хотя эта затея казалась неосуществимой. Абсолютно безнадежной. Но в устах Фиделя все звучало так, будто победа — дело решенное. Да, с таким человеком не страшно идти в огонь и в воду.

Успех еще не казался ему реальным, но что-то в нем изменилось. Он был готов сражаться за свободу Латинской Америки в любой точке континента.

В тот вечер они сделали себе подарок — отправились в ресторан. В конце концов, не каждый день человек решает вступить в брак. Эрнесто обгладывал косточку. Он любил это занятие. Ильда заказала еще один графин красного вина.

Когда с мясом было покончено, Эрнесто сказал: — Честно говоря, я надеялся, что Фидель будет у нас свидетелем, но, увы, ничего не получится.

— Как же так? — огорчилась Ильда.

— Он говорит, его бумаги не совсем в порядке. — Эрнесто лукаво подмигнул Ильде. — Но он очень хочет присутствовать на бракосочетании. Правда, неофициально. Ищейки Мексики Кубы и США ходят за ним по пятам. Он должен быть дьявольски осторожен. Рауль Кастро считает, что он сможет выполнить эту миссию Хесус Монтане тоже будет на сто процентов.

В глазах Ильды он прочитал радость, но и легкую грусть.

— Знаешь, Эрнесто, порой я побаиваюсь нашего брака. Как ни крути, а я на десять лет старше тебя. Бывают моменты, когда я сама себе кажусь твоей матерью…

Эрнесто взял ее руки в свои.

— Знаешь, Ильда, бывают моменты, когда мне кажется, что даже у меня может возникнуть потребность в матери.

Фидель пришел в гости к Эрнесто и Ильде. С Ильдой у него

был полный контакт. Они беседовали о пуэрто-риканской культуре и фольклоре. Вскоре Фидель переключился на свою любимую тему: кубинская революция.

— Положим, так все и есть, — сказала Ильда, — но почему вы тогда здесь, а не на Кубе.

— Хороший вопрос. Видите ли, после того, как Батиста выпустил нас из тюрьмы, он стал на каждом углу трубить, какой он, дескать, добрый, выжимая из амнистии максимальный политический капитал. Одновременно он спустил на нас свою охранку. Так, моему брату Раулю собирались пришить взрыв кинотеатра. Вот почему он первым очутился здесь, в Мексике. Я опубликовал несколько статей в газете «Ла Калье». Политических, разумеется. Видимо, они имели успех, так как за короткое время тираж подскочил на двадцать тысяч экземпляров. Батиста закрыл газету. Я обратился к другим средствам информации. Однако специальным указом всем газетам, радио- и телевизионным станциям было запрещено распространять мои сочинения. Других противников режима, стоящих в твердой оппозиции, постигла та же участь. Как мне было действовать в таких условиях? И что это, спрашивается, за страна? Надо же бороться с этим, а не ждать у моря погоды!

— В одиночку против целого государства? — скептически спросила Ильда.

— Хосе Марти как-то сказал, что дело вовсе не в том, сколько у тебя в руках оружия, а важно, сколько звезд с неба ты хочешь схватить! На том стою! Время бесплодной и бесконечной болтовни прошло, пора действовать. Может, вы думаете, что я безнадежный фантазер? Сели на кораблик с кучкой сорвиголов и — даешь революцию? Нет! Мы боремся не вместо народа, а вместе с народом. В этом наша сила. Еще до моего отъезда с Кубы мы основали «Движение 26 июля». Это не просто иная вывеска для моих друзей, с которыми я штурмовал казарму Монкада. О, нет! Во-первых, нас и тогда уже было несколько тысяч, а с тех пор стало больше. Позже к нам присоединились другие организации. А в лице Армандо Харта, Франка Паиса, Фаустино Переса и их сторонников мы обрели настоящих революционеров. Так мы набирали силу. Мы примкнули к Партии кубинского народа. Фидель задумался и после короткой паузы продолжил:

— Думаете, преувеличиваю? На их последнем партийном съезде Фаустино в самом начале зачитал мое послание, где вооруженная борьба обозначена как единственное революционное средство, годное для устранения диктатуры. Пятьсот делегатов, съехавшихся со всех концов Кубы, аплодировали стоя. Послание было принято единогласно. Руководству партии ничего не

оставалось, как, скрипя зубами, одобрить его. Столь велика ненависть к Батисте, столь энергично ведется поиск путей, которые вывели бы страну из этого состояния. Партийная верхушка после съезда многие месяцы палец о палец не ударила, чтобы провести в жизнь принятое решение, но, с другой стороны, готовность бороться с Батистой за это время проявилась с еще большей отчетливостью. А это основное. Теперь надо, опираясь на этот фундамент, наметить четкие перспективы. Тогда и на успех рассчитывать можно!

— Предположим, одна партия имеется. Довольно ли этого?

— Дело не в одной партии, а в том, насколько мы, революционеры, сумеем проникнуться чаяниями и мечтами народа, насколько наши поступки будут согласованы с ними, — подчеркнул Фидель.

Свои высказывания он сопровождал скупыми жестами.

— На Кубе семьсот тысяч безработных, пятьсот тысяч батраков прозябают в жалких лачугах. У четырехсот тысяч рабочих и служащих срезали заработную плату. Школьное образование? У нас сорок процентов неграмотных. Здравоохранение, как и школа, существует лишь для тех, кому это по карману. Такова наша действительность. На примере Гватемалы и Перу вы, Ильда, должны знать, что это действительность всей Латинской Америки. Если сумеешь завоевать доверие народа, докажешь, что готов отдать всего себя ради борьбы, народ пойдет за тобой — ив настоящий бой тоже. У нашего народа богатые традиции вооруженной борьбы. Если какое-то дело или цель кажутся ему справедливыми, он сражается за них с оружием в руках.

— Но эта поддержка не дается за здорово живешь, — бросил реплику Эрнесто.

— Нет, безусловно, нет, — ответил ему Фидель. — Потому-то нам и нужна крепкая организация. Потому-то мы так ратуем за сплочение всех сил, которые борются или готовы вступить в борьбу против диктатуры.

Ильда все еще не меняла своей скептической интонации.

— Разве нельзя вести борьбу против диктатуры политическими средствами? Вооруженная борьба — неужели это неизбежность?

— Ну, разумеется, мы ведем и политическую борьбу против Батисты. Без борьбы политической и речи не может быть о борьбе вооруженной. Мы не хотим путча. Но вместе с народом, взяв в руки оружие, мы поведем бой с диктатурой. Тут огромная разница. Это раз. Теперь, что касается вопроса — необходима ли вооруженная борьба. К этому ведь сводится ваше замечание,

Ильда?

— Именно.

— Я только что живописал, каково мне приходилось перед отъездом в Мексику. Но это — участь всех, кто не на словах, а на деле борется с Батистой. Как можно в таких условиях ограничиваться борьбой лишь политическими средствами, да и как она, собственно, должна в таком случае вестись? Видите ли, на Кубе немало тех, кого хлебом не корми, дай только поговорить о возврате к демократии путем всеобщих выборов. Представим, что эти выборы состоялись бы. Какие это были бы выборы? Батиста держал бы все нити в своих руках. Все вылилось бы в беспрецедентный фарс. Есть лишь одно приемлемое решение: выборы без Батисты. И без его аппарата подавления. Чем не альтернатива? Но кто же поверит, что Батиста добровольно бросит гигантскую кормушку, каковой он сделал для себя Кубу? Кто поверит в то, что он спровадит на пенсию всех своих приспешников, этих убийц и душегубов, этих садистов-насильников, составляющих его гвардию? Это все беспочвенные фантазии, наивные представления, которые не выдерживают проверки реальностью. Значит, надо бороться. Справедливости не добьешься мольбами и заклинаниями. Народ должен добыть ее сам — в борьбе!

— Но скольких жертв будет стоить такая борьба?

— Ильда, поймите меня верно: ни меня, ни кого-либо из моих товарищей не обуяла кровожадность, мы не ищем драки ради драки. Я ненавижу насилие, но, так как в отношении кубинского народа длительное время применялось тотальное насилие, я выбираю борьбу.

— Не окончится ли эта революция под градом пуль батистовских солдат?

Ильда задала этот вопрос Фиделю, но Эрнесто почувствовал, что он адресован и ему.

— Пока существует бесправие, всегда найдутся люди, готовые бороться с ним. Нашим предкам пришлось вынести на своих плечах три затяжные, весьма кровопролитные войны против испанцев, прежде чем они наконец победили. А победили они, потому что сражались за достойную цель, за свободу. Хосе Марти пал в бою, но независимость была отвоевана. Эту борьбу суждено продолжить нам!

Ильда выжидательно смотрела на Фиделя.

— Ильда, — продолжил он свою мысль, — эти слова могут показаться довольно жестокими. Но если вы меня спросите, почему я веду борьбу, я отвечу: потому что не могу равнодушно наблюдать, как бродит неприкаянно маленький ребенок с

опухшим от голода животом; потому что у меня душа болит при виде нищего; потому что я не могу выносить нечеловеческие условия, в которых вынужден жить человек в моей стране.

— Может, такая судьба уготована Латинской Америке? — в вопросе Ильды чувствовался подвох.

— Подобный фатализм широко распространен, — ответил Фидель, грустно улыбаясь одними глазами. — Но это еще не значит, что так оно и есть на самом деле. Мы победим, затем первым делом после победы проведем аграрную реформу и отдадим землю тем, кто ее обрабатывает. Все упраздненные права трудящихся снова обретут силу, плюс к тому будет введена страховка по безработице. Мы снизим квартплату; ведь это же черт знает что: рабочий вынужден от двадцати до тридцати процентов своих доходов возвращать в виде квартплаты. Далее, мы национализируем энергоснабжение, а также телефонные и газовые компании и приступим к индустриализации. Закону будут возвращены его подлинное содержание и действенность. За это вместе с нами пойдет в бой весь кубинский народ. Если мы погибнем в этой борьбе, наше оружие подхватят другие и продолжат ее. Ведь и мы сами продолжаем освободительную борьбу, которую вел Хосе Марти.

Марти сформулировал основные теоретические принципы. Он и никто иной углубил идею Симона Боливара о том, что Латинская Америка суть единая нация. Во-вторых, он указал, что освободительная борьба на Кубе является составной частью освободительной борьбы народов Латинской Америки. И в-третьих, он привлек внимание к опасности, исходящей от США, так как именно США угрожают свободе всех стран Латинской Америки. В духе его заветов мы и ведем нашу борьбу.

Когда Фидель ушел, Эрнесто и Ильда еще долго сидели вместе.

Эрнесто молча кивнул и кончиками пальцев нежно провел по ее лицу.

— Правда, я могу поставить себя на твое место. Но мне все равно трудно это понять. Мы думали поехать в Индию. Вернее, мне очень хотелось в Индию. Ты хотел поехать со мной в Китай. Мы собирались путешествовать по Африке и Европе. Сейчас наши финансовые дела не блестящи, но мы хотели сообща их поправить. Тебе вполне по плечу претендовать на должность профессора. Ты бы ее получил, и мы тогда смогли бы осуществить все эти поездки.

Он ничего не ответил.

— Эрнесто, ты оставляешь беременную женщину. Я ведь останусь одна с ребенком. С нашим ребенком.

— Знаю, Ильда. Поверь, это решение далось мне нелегко. Очень нелегко. Но я не могу иначе.

Ильда встала, повернувшись к нему спиной. Она застыла у окна, за которым уже начинало светать.

Она приложила ладони к округлившемуся животу. Ребенок не шевелился. Подошел Эрнесто. Обнял ее.

— Прошу, пойми меня, если можешь. Я теперь не вправе делать вид, будто ничего в жизни не понял. Я хорошо изучил этот континент. Постиг его немыслимую красоту и отталкивающую, чудовищную эксплуатацию, с которой обязан свести счеты. Неужели ты хочешь, чтобы я занимался самообманом?

Эрнесто сиял.

— Ильда, у меня сюрприз для тебя! Он подвел Ильду, которая была уже на сносях, к стулу, как и все вокруг, заваленному книгами. Эрнесто переложил их на стол. Советские романы, книги по экономике, труды по медицине.

— Присядь, Ильда. Я купил пластинку. Твоего любимого Бетховена. «Девятая».

Она откинулась на спинку и сплела руки на животе.

— Эрнесто, он шевелится. Послушай. Его ладони не ощутили ни малейших толчков: опоздал. До сих пор ему ни разу не удавалось ощутить движения своего первенца.

Он неустанно готовился с отрядом Кастро к партизанской войне. Кроме того, играл в футбол и баскетбол, занимался экономикой. Отряд Фиделя готовился к предстоящим боям на Кубе, совершая походы к Попокатепетлю и упражняясь в скалолазании. Он сознавал, что уделяет недостаточно внимания Ильде. Но целиком был поглощен экспедицией на Кубу.

— Поставь же наконец пластинку! — нетерпеливо сказала Ильда.

Эрнесто подошел к проигрывателю. Он так доставал пластинку из конверта, словно совершал священнодействие. Осторожно поставил иглу. Комнату наполнили громкие звуки джаза. Эрнесто расплылся в улыбке, начал прищелкивать в такт музыке пальцами и даже пытался делать па ногами.

Ильда в недоумении смотрела на него.

— В чем дело? Тебе не нравится музыка? По-моему, этот Бетховен — высший класс.

— По-моему, тоже. Но не будешь ли ты так добр и не присоединишь ли проигрыватель к усилителю, а то мы пока слушаем радио!

Должен был подойти их новый товарищ. Генерал Байо проводил как раз занятие по теории. Новичок молча подсел к группе и стал внимательно слушать объяснения.

Эрнесто еще раз растолковал все сказанное генералом. Байо говорил на профессиональном языке военных, который мало кто понимал. Эрнесто переводил его теоретизирования на язык общедоступный. Приглядевшись к новичку, от неожиданности осекся. Он знал его! Но откуда?

Новоприбывший тоже смотрел на него во все глаза. Однако, не перебивая, дослушал все выкладки до конца. Как только занятие окончилось, они бросились друг к другу.

— Не ты ли Эрнесто Гевара?

— Точно, а твое имя Селайя!

— Точно. Давно ли присоединился к «Движению 26 июля»?

— Да вскоре после того, как приехал в Мехико.

К ним подошел генерал Байо:

— Что, старые знакомцы по былым сражениям?

— Это, пожалуй, сильно сказано, — засмеялся Эрнесто. — Мы познакомились в доме его отца. Там встречались революционеры со всей Латинской Америки. Я у них тоже останавливался по приезде в Мексику. Со мной было еще несколько гватемальцев, и мы ночи напролет обсуждали трагические события в Гватемале.

Байо задумчиво поскреб подбородок.

— Стало быть, ты аргентинец, а ты мексиканец. Как прекрасно, что вы оба тем не менее хотите участвовать в освобождении Кубы.

— Мы — латиноамериканцы, — заявил Эрнесто. — Куба сейчас то место, где сложились наилучшие предпосылки для революции. После поражения в Гватемале пора уже совершиться чему-то новому. Я же готов воевать против тирании в любой стране Латинской Америки. Почему бы и не на Кубе?

Patria o muerte! [9]

Была бурная ночь. Даже большим кораблям водоизмещением в несколько тысяч тонн был запрещен выход в море. Над водой нависла густая пелена дождя.

Восемьдесят два человека с тяжелым грузом на плечах спокойным шагом шли к порту Туспан. Это была небольшая рыбацкая гавань. Здесь на якоре стояла «Гранма». Белая роскошная яхта могла вместить максимум шестнадцать человек. В управлении порта «Гранму» зарегистрировали как судно, время от времени используемое для рыбной ловли. Ее совсем недавно выкрасили в ослепительно белый цвет.

Люди почти не разговаривали. Они насквозь промокли. Эрнесто пытался сдержать кашель. С трудом они погрузили ящики с патронами и оружием на борт. Свет никто не включал.

«Пойдет ли все как надо? — спрашивал он себя. — Столько людей на таком маленьком корабле. Да еще все эти ящики с патронами и оружием. Для продуктов практически не осталось места. Из кают мы не можем выходить, пока не окажемся в открытом море. Нас никто не должен видеть, ибо портовые власти вряд ли поверят, что восемьдесят два человека отправились на этом суденышке на рыбную ловлю».

Он взгромоздил ящик на борт и вытер рукавом мокрое лицо. «Забыл! — с ужасом вспомнил он. — Теперь моя астма задаст мне жару. Забыл ингалятор. Сколько раз Ильда мне напоминала о нем. Но ведь надо было еще уладить столько важных дел».

— У нас больше нет времени. Остальные продукты мы все равно не сможем разместить. Пора!

Эти слова Фиделя подстегнули людей, и они начали поспешно забираться на судно. Началась толкотня и возня. Входившие последними притиснули первых к борту. Те не могли громко выражать свое недовольство, поскольку надо было соблюдать абсолютную тишину.

Сможет ли перегруженное судно вообще отойти от причала? Прибудет ли оно в срок? Маленький, жилистый Альмейда нервно суетился, пересчитывая бойцов, чтобы никого в суматохе не забыть. Рауль Кастро подтащил ящик с патронами и пробормотал слова Фиделя: «Мы обретем свободу или станем мучениками. Верно!»

— Осторожно, ящики! — Пирамида из ящиков рухнула, кто-то прислонился к ней.

— Тихо теперь!

Первые одиннадцать миль яхта плыла, не зажигая огней и

почти бесшумно. В каюте царило приподнято-торжественное настроение. Бойцы сидели с напряженными лицами, плотно притиснувшись друг к другу посреди нагромождения грузов. Все они что-то оставили на родине — жен, детей, работу. Им предстояла борьба, исход которой мог быть только один: победа или смерть. На Кубе их сразу же начнут травить как диких зверей. Они обязаны выжить и разбить войска Батисты. Из уст Фиделя это звучало так просто и естественно. Но только немногие из них имели боевой опыт.

Эрнесто чувствовал, как бьется его сердце. А может, это только шум неутихающего дождя? Может быть, их уже обнаружило судно мексиканской береговой охраны? Возможно, еще у выхода из порта оно откроет по ним огонь? Их корабль был слишком перегружен, чтобы быстро скрыться.

Но судя по всему, они пока шли намеченным курсом. Затем они миновали полуостров Юкатан. Теперь морские валы швыряли их яхту взад и вперед. Волны, достигавшие четырехметровой высоты, угрожали увлечь в пучину глубоко осевшее в воде судно. С тяжелым грохотом, подобно камням, обрушивались они на борта «Гранмы».

Она была настолько перегружена, что Эрнесто с трудом пробрался из одного конца каюты в другой. Из-за дикой качки людей то и дело швыряло друг на друга, одного уже начало тошнить.

— Друзья, мне плохо!

— Ведро! Ведро!

— Где же лекарство от морской болезни?

— Точно, мне оно тоже не помешает.

— Мне тоже!

— Эрнесто! Ты же наш врач. Где противорвотные таблетки?

Эрнесто пожал плечами. Неужели лекарства он тоже забыл?

— Но здесь же ничего не найдешь. Абсолютно ничего. Ты только погляди на этот кавардак!

Несколько парней начали как безумные искать лекарства от морской болезни. Они распарывали мешки и вскрывали ящики.

Вдруг несколько кубинцев начали громко кричать:

— ¡Viva Cuba![10]

— Куба будет свободной!

— Свобода или смерть!

Затем они громко запели кубинский национальный гимн, а потом гимн «Движения 26 июля».

Мы вышли из трехмильной зоны. Мексика позади! Мы идем на Кубу!

Несколько бойцов украдкой вытерли слезы. Другие хлопали в

ладоши. Все пели. Это была прямо-таки вспышка бурного веселья. Еще никогда они не чувствовали себя столь уверенными. Все будет в порядке!

Скрючившись, люди неподвижно лежали на полу. Они были вымазаны в собственной блевотине. Невыносимая вонь. Бледные лица. Спертый воздух. Кто-то засунул голову в ведро, вышла только желчь. Продуктов было крайне мало, и выдавались они по строжайшей норме. Только пятеро бойцов не страдали от морской болезни. Эрнесто, сгорбившись, сидел на ящике с патронами. Его к тому же мучила астма.

Все уже были на пределе. Ко всему прочему, яхта начала заполняться водой. По-видимому, она получила пробоину. Уровень воды на судне медленно, но неуклонно поднимался.

— Я бы охотно сражался в партизанском отряде в горах. Организовал бы нелегальные выступления в городах. Но я не могу и не хочу становиться пиратом! — стонущим голосом произнес мексиканец Селайя, сидевший рядом с Эрнесто.

Тем временем немногие выдерживавшие качку бойцы выбросили за борт все лишнее, чтобы уменьшить балласт. Они опасались, что в противном случае судно пойдет ко дну.

— Мы потонем, если не найдем пробоины. Проклятье, где-то она должна быть!

Эрнесто с трудом поплелся к туалету. Тело его было покрыто грязью, и потому ему хотелось хоть как-то вымыться. Он осторожно перешагнул через несколько спящих бойцов. Поскользнулся и еле-еле успел ухватиться за одного из соратников. Он не успел дойти до туалета, как его опять вырвало. Он чувствовал себя глубоко несчастным, но через несколько секунд с ликующим криком он пронесся по кораблю. Он обнаружил «пробоину»! Сперва он даже не поверил своим глазам. Кто-то забыл закрыть кран. А они уже собирались выбросить за борт оружие и патроны. Он заорал во все горло: «Наша пробоина — это незакрытый водопроводный кран! Водопроводный кран! Не нужно ничего больше выбрасывать! У нас нет пробоины!»

Бойцы с напряженными лицами толпились вокруг радиоприемника. Известия с Кубы. Франк Паис поднял восстание. В Сантьяго-де-Куба повстанцы обстреляли и захватили полицейское управление.

— Ура! Да здравствует Куба! Да здравствует революция!

Бойцы радовались: значит, на Кубе действительно существует активное сопротивление. Есть стойкие мужчины и женщины. Народ поднялся на борьбу.

— Позовите Фиделя! Сообщите ему! Он будет очень рад.

Эрнесто, также сидевший среди бойцов, не разделял их

восторгов. Он входил в состав главного штаба и больше других был осведомлен о стратегии повстанцев.

Фидель ничуть не обрадовался. Он помрачнел, яростно ударил кулаком по стене и выругался. Таким его Эрнесто еще не видел. Обычно Фидель прекрасно владел собой.

— Но, Фидель! Что такое? — спрашивали его со всех сторон.

— Особо не радуйтесь восстанию. Оно началось преждевременно. С Франком Паисом было обговорено, что восстание начнется, когда «Гранма» придет на Кубу. Это облегчило бы нашу задачу и отвлекло бы внимание армии Батисты. Франк Паис и его храбрецы выступили в назначенный срок. А мы не успели. «Гранма» должна была прийти на Кубу сегодня, 30 ноября 1956 года, началась бы великая революция. Но мы просчитались. Мы не учли, что перегруженное судно не сможет быстро плыть при такой жуткой погоде. Кроме того, мы временно сбились с курса. Мы совершили просчеты, которые ставят под угрозу всю нашу экспедицию.

Грусть и уныние охватили революционеров. Фидель счел нужным произнести речь, а затем отвечал на возникавшие вопросы. Эрнесто, к своему глубокому сожалению, не мог участвовать в беседе до конца. Его опять начало тошнить.

Была теплая ночь. Бойцы в отчаянии пытались увидеть маяк на мысе Крус. На яхте почти не осталось питьевой воды. Запас горючего подходил к концу, и без того крошечный паек пришлось еще уменьшить. Эрнесто видел, насколько бойцы ослабли за время плавания. На их лицах лежал отпечаток перенесенных испытаний. До начала борьбы с Батистой им надо бы подольше отдохнуть. Может быть, удастся, разбившись на маленькие группы, укрыться в крестьянских хижинах… Нормальная еда, вода и твердая почва под ногами — вот чего им так не хватало.

Шторм играл с маленьким перегруженным судном в какую-то зловещую игру. Вахтенные, высматривавшие на горизонте луч света, с трудом держались на ногах. Волны хлестали по их лицам.

Роке, бывший лейтенант военно-морского флота, поднялся на верхнюю палубу и начал искать глазами маяк на мысе Крус. Поскользнувшись на мокрой палубе, он не удержал равновесия и упал в море.

— Человек за бортом! Роке упал в море! Сплошная облачность сильно затрудняла поиски.

— Как можно найти человека, если даже луны не видно? — крикнул Селайя.

Но несмотря на сильные волны и трудные условия, Фидель и Эрнесто настояли на том, чтобы «Гранма» сделала несколько кругов. Включили прожектор. Безрезультатно.

Кое-кто уже начал ворчать, что нечего тратить столько времени на бессмысленные поиски. Роке, дескать, давно утонул, и нет никаких шансов его найти.

— Лучше продолжим наше плавание на Кубу. Мы же хотим достичь побережья ночью, чтобы высадка проходила в темноте!

Эрнесто хотел уже вмешаться, но тут его астма вновь дала о себе знать. Влажный воздух его доконал. И все же он попытался высказаться. Нельзя же просто так бросить Роке. «Гранма» кружила почти целый час. Фидель и Эрнесто посовещались с несколькими матросами. «Из-за волн и ветра нас все время сносит. Кружить дальше бессмысленно. Если мы хотим найти Роке, нам нужно отплыть назад», — решил Фидель.

Пока «Гранма» меняла курс, Эрнесто размышлял о поведении Фиделя. Тот уже один раз чуть было не сорвал экспедицию, потому что не хотел бросить компаньеро[11] в беде. Тогда речь шла об Эрнесто. Это произошло в Мексике. Эрнесто вместе с Фиделем и другими товарищами сидел в тюрьме. Он был иностранцем, который нелегально проживал в стране и которого обвиняли во множестве тяжких преступлений. Он прятал оружие, готовил мятеж, зарабатывал деньги незаконным путем. В конце концов на свободе оказались все, кроме Эрнесто и Каликсто Гарсии. Тогда Эрнесто сказал Фиделю:

— Ты только теряешь время, занимаясь моим освобождением. Ты должен освободить Кубу. Забудьте про меня и займитесь организацией экспедиции. Служба безопасности ходит за вами по пятам. Я не хочу вставать на пути революции. Не тратьте бессмысленно деньги на мое освобождение. Может быть, ты сумеешь добиться, чтобы меня выслали в другую страну.

Резким движением руки Фидель прервал Эрнесто. Суровым, не терпящим возражений тоном он сказал:

— Я тебя не брошу!

А теперь он не хотел бросать в беде Роке, хотя долгие поиски могли поставить под угрозу всю операцию. Тут кто-то крикнул с капитанского мостика:

— Я слышу голос! Это он! Мы идем прямо на него.

На секунду на «Гранме» воцарилось полное молчание. Несколько революционеров закрыли глаза от счастья, раздался радостный крик. Все начали обниматься. Роке на крепком канате подняли на борт.

— Вы чуть не раздавили меня! — смеясь сказал обессиленный Роке. Бойцы кинулись его обнимать.

— Ну, а теперь полный вперед на Кубу! Покончим скорее с морской жизнью!

— Правильно. Вперед на Кубу!

— Батиста, мы идем!

Был уже день, когда «Гранма» подошла к Лос-Колорадос.

— Мы, правда, попали не совсем туда, куда хотели, но все же это побережье Кубы, — отрапортовал один из бойцов.

Вскоре Эрнесто услышал предостерегающие крики. Недалеко от них прошел корабль береговой охраны, а затем транспортное судно, груженное песком.

— Они, несомненно, сообщат о нас властям. Немедленно выгружаемся! Нам срочно нужно на берег. Рене, ты разведаешь местность.

Первая группа в алюминиевой шлюпке отплыла от яхты. Но кто-то забыл заткнуть днище, и она тут же затонула. Экипаж оказался в воде.

Теперь им всем пришлось добираться до берега по одному, цепляясь за длинный канат. Оружие они держали над головой. Эрнесто спрыгнул в воду. Сердце билось как бешеное. Он был измучен, болен и голоден. Ногам пришлось привыкать к твердой земле, и тут его проняла дрожь… Да, это был воистину исторический момент. Повстанческий отряд высадился на Кубе.

Бойцы совсем не походили на блистательных героев. Очень мало кто из них в последние дни и недели брился. Одежда их пообтрепалась, если не сказать больше. Некоторые с трудом сдерживали слезы, у других слипались глаза от усталости. Эрнесто посмотрел на Селайю. Тот едва дышал, но, удивительное дело, выглядел при этом взволнованным и счастливым.

Каждый шаг давался с трудом. Ноги увязали в земле. Болотистая почва засасывала бойцов. Некоторые уже потеряли свои сапоги. С собой они могли взять только самое необходимое. В болотистой местности они изведали муку, о которой в плавании и не думали. Это — комары. Огромный рой напал на измученных повстанцев и превратил их жизнь в ад. «Дальше! Дальше! Нам нужно отойти от побережья и выбраться из болота!»— понимали все.

Вот уже несколько часов повстанцы пробирались сквозь трясину. Сразу выяснилось, как важна в этой борьбе хорошая обувь. Тут появились самолеты. Бойцы кинулись в мангровые заросли. Здесь их с воздуха не заметят.

Некоторые бойцы не могли уже больше идти: на ногах вздулись жуткие волдыри. Кое-кто упал в обморок. Эрнесто и Фаустино делали все возможное, чтобы оказать хоть какую-то медицинскую помощь.

Подобно шествию призраков, двигающихся почти автоматически, шли они вперед. Их колонна сильно растянулась. Далеко не все могли выдержать такой темп.

Еще через несколько часов, показавшихся вечностью, они дошли до маленького селения. В то время как бойцы бросились на землю, чтобы хоть немного отдохнуть, Фидель вступил в переговоры с крестьянами. Те согласились приготовить для повстанцев пищу. Вскоре в воздухе вкусно запахло. Эрнесто и Фаустино вновь начали осматривать стертые до крови ноги своих товарищей.

Эрнесто жадно принюхивался к запаху еды. Она придаст им новые силы. Сколько же они всего перенесли! Семь дней плавания на «Гранме» по Карибскому морю. Нехватка продуктов. Судно в жутком состоянии. Почти все бойцы болели морской болезнью. А теперь этот тяжелейший переход через солончаковые болота. Кроме того, они потеряли много оружия. Остались только несколько винтовок и ящиков промокших патронных лент.

Бойцы уже собрались приниматься за еду. Кое у кого даже сохранился сухой табак. Фидель разъяснял крестьянам сущность земельной реформы.

Эрнесто наложил последнюю повязку и хотел пойти поесть.

— В укрытие! Самолеты!

Совершенно неожиданно вынырнули самолеты батистовских ВВС и обрушили бомбы на их лагерь.

Повстанцы в лихорадочной спешке собрались и двинулись дальше. Эрнесто пригнувшись бежал через заросли. Бомба упала почти в двадцати метрах от него. К счастью, она не взорвалась. Эрнесто хотел добежать до ящика с лекарствами. Он непременно должен взять его с собой. Он же врач в этой группе. А что такое врач без лекарств? И тут у него опять начался приступ астмы. Но Эрнесто все равно продолжал бежать.

После трех дней перехода мало кто мог идти дальше. У многих заболели и опухли ноги, каждый шаг превращался в адскую муку. Некоторые, стремясь утолить голод, рубили сахарный тростник, растущий на обочине. Остатки они легкомысленно выбрасывали по дороге. Тем самым неопытные бойцы предоставили батистовским солдатам возможность обнаружить их следы.

Все чаще кто-нибудь из повстанцев просил устроить длительный привал. Эрнесто отдал свою винтовку. Он был настолько разбит, что решил: от хорошего оружия в его руках проку не будет. Взамен ему дали винтовку похуже.

Повстанцы разбили лагерь в редком лесочке, на окраине плантации сахарного тростника, неподалеку от густой чащи. Большинство бойцов сразу же заснули. Было еще очень рано. Переход длился всю ночь, и теперь необходимо было отдохнуть.

Эрнесто перевязывал ноги Умберто Ламоте, лицо которого

выражало страх и ужас. Он производил впечатление вконец изможденного человека. Эрнесто попытался хоть как-то утешить его, но так и не удалось придать ему мужества. Ко всему прочему Умберто теперь пришлось еще нести свои сапоги. Он не мог их больше надеть. С перевязанными ногами он заковылял обратно на свой пост.

Эрнесто лег, прислонившись к стволу дерева, и решил тоже отдохнуть. К нему подошел Монтане. Они разделили между собой последний паек. Полкуска копченой колбасы и две луковицы.

Эрнесто жевал медленно, стараясь насытиться. Ему хотелось хоть как-то отвлечься. Он должен думать о чем-то другом, о чем-то вдохновляющем.

— Расскажи мне о своих детях, Монтане.

— Да, давайте поговорим о наших детях. Это только на пользу.

Грохнул выстрел. Они недоверчиво поглядели друг на друга. Вслед за этим на революционеров обрушился настоящий свинцовый дождь.

Фидель попытался собрать людей в зарослях сахарного тростника. Но нападение произошло слишком неожиданно.

Какой-то парень бросил свой ящик с патронами и кинулся бежать.

— Стой! — закричал Эрнесто. — Возьми ящик!

— Сейчас не до них! — заорал другой с искаженным от страха лицом и помчался прочь, прямо под пули солдат Батисты.

Эрнесто попытался оттащить ящик. Для этого он даже опустился на колени. Ничего не вышло. Рюкзак с лекарствами да еще и ящик с патронами — слишком тяжело. Он должен добраться по тропе до зарослей сахарного тростника. Фаустино залег там и не переставая стрелял. Сколько еще он сможет прикрывать их отход?

Эрнесто отшвырнул рюкзак с лекарствами. Он схватил ящик с патронами и побежал. Мелькнула мысль, что решение это было принципиальным: «Теперь ты не врач, а солдат. Ты выбрал ящик с патронами».

Эрнесто ранило, прежде чем он успел добежать до Фаустино. Он почувствовал удар в грудь и острую боль в горле. Рядом с ним рухнул Арбентоса. Из его носа и рта хлынула кровь.

— Эти свиньи убили меня! — закричал он и начал бешено строчить из автомата, пока у него не кончилась обойма. Эрнесто с трудом дополз до Фаустино. Тот все еще стрелял.

— Фаустино! В меня попала пуля. Я ранен. Фаустино даже глазом не повел. Он прицелился в батистовца и дал очередь.

— Дьявольщина! Они попали в меня! Не переставая стрелять,

Фаустино мельком взглянул на Эрнесто.

— Успокойся. Ничего страшного. Давай стреляй!

Эрнесто казалось, что он сейчас умрет. Но что-то непонятное заставило его действовать. Закрыв глаза, он зарядил винтовку и выстрелил туда, куда стрелял Фаустино.

Теперь, распластавшись на земле и чувствуя теплоту собственной крови, он был уверен, что для него все кончено. Никогда больше не увидит он Ильду и Ильдиту. Не суждено ему дожить до победы революции. Конец.

Стремительным потоком пронеслись воспоминания. Старый рассказ Джека Лондона: человек, обреченный на гибель от холода во льдах Аляски, решает встретить смерть достойно — с высоко поднятой головой. Прислонившись к дереву, Эрнесто услышал, как кто-то закричал совсем рядом: «Надо сдаваться! Сдаваться!»

— Никто здесь не будет сдаваться. Ясно? Никто! — прогремел над зарослями сахарного тростника голос Камило Сьенфуэгоса.

Самолеты, летящие на бреющем полете, обрушили на плантацию пулеметный огонь.

Альмейда, собрав вокруг себя группу бойцов, решил вывести их под защиту леса. Он бросился к Эрнесто.

— Давай, парень, в лес! Там мы в безопасности. В лесу мы сможем держать оборону!

— Я ранен, Альмейда, мне скоро конец. Я не дойду.

— Чушь! Ты дойдешь! Надо только захотеть. Давай! Пошли!

Упрямый Альмейда как бы вдохнул в Эрнесто жизнь. Тот понял, что до конца еще далеко. Его просто ранили в шею. Однако его ждала неминуемая гибель, попади он только в руки батистовской солдатни. Значит, он должен уходить. Альмейда буквально поволок его. Эрнесто видел только свои ноги. Изо всех сил он пытался хоть как-то шевелить ими. Его самого поразило, какие же силы таились в нем. Теперь надо откинуть голову назад. Солнце над ним казалось немыслимо огромным.

Ну еще немного! Сейчас дойдем. Вон лес!

Хуан Альмейда и Рамиро Вальдес занялись ловлей крабов, которые водились здесь в изобилии.

— Варить их нельзя, — заявил Альмейда, — мы не должны разводить здесь костер. Но ничего, их можно есть и так.

Он вскрыл панцирь и начал жадно поедать мякоть.

В желудке у Эрнесто все перевернулось. Скорей всего, его сразу же вырвало бы, будь там хоть что-нибудь. Но ему казалось, что там зияет огромная дыра.

Альмейда решил подбодрить товарищей. Он закатил глаза от удовольствия.

— После революции мы откроем фирменный ресторан, где

крабов будут подавать только в сыром виде.

Эрнесто преодолел отвращение и вскрыл панцирь. Закрыв глаза, он набил рот мякотью: «Гм, не так уж плохо».

Покончив с одним крабом, он сразу же принялся за второго.

Пока их было только пятеро. Остальных они потеряли. Те или погибли, или попали в плен. Их маленький отряд поклялся сражаться до последнего.

От крабов всем страшно захотелось пить, но утолить жажду было нечем. Небольшого количества воды во фляге хватило бы разве что на одного человека.

И тут Эрнесто вспомнил, что когда-то читал некую научно-популярную работу.

— Если не ошибаюсь, там было написано, что питьевую воду на одну треть можно разбавить морской водой. Получится хорошая вода для питья. Таким путем мы можем увеличить количество питьевой воды.

— Я еще с ума не сошел! — возмущенно крикнул Альмейда. — Ты что, хочешь испортить остаток воды?

— Но тогда ее было бы у нас на целую треть больше. Досталось бы каждому. А может быть, хватило бы на весь день.

Остальные поддержали его. Чао, правда, весьма скептически смотрел, как Эрнесто готовил смесь, но другого выбора у них не было. Кроме того, Эрнесто был врачом. Кому, как не ему, разбираться в этом.

Первым попробовал Рейнальдо Бенитес. Лицо его сразу же покраснело.

— Отвратительная, совершенно негодная для питья соленая бурда! — завопил он.

Ночь. Ярко светила луна. Эрнесто и Альмейда шли во главе отряда. В эту ясную ночь они увидели хижину на берегу моря.

— Ее, конечно, построил рыбак, чтобы защититься от ветра, — прошептал Альмейда.

— В ней спят люди. Трое или четверо, если глаза меня не обманывают, у них есть оружие.

— Пошли, подберемся поближе. Пригнувшись и держа винтовки наизготове, Эрнесто и Альмейда подкрались к хижине.

— Я все вижу. Вон кто-то прислонил винтовку к стене. Там батистовцы. Надо уходить.

— Нет, мы возьмем их в плен. Нам очень пригодится их оружие и провиант. Кроме того, они могут сообщить нам, кто еще из наших уцелел.

— А как мы возьмем их в плен?

— Очень просто. Я сейчас пойду туда и призову их сдаться.

Альмейда сорвался с места. Эрнесто за ним. Он забыл про

голод. Не хотел больше пить. Не чувствовал боли от раны. В этот раз инициатива была в их руках. В этот раз они атаковали солдат, а не те их. В этот раз враг потерпит поражение.

И вдруг Альмейда расхохотался.

— Камило! Панчо! Пабло!

Это были три их соратника с «Гранмы». Теперь их стало восемь.

Люди Камило угостили вновь прибывших сахарным тростником.

— Эта сладкая сочная штука ненадолго утоляет голод.

— Да, — засмеялся Камило. — А почему вы не едите крабов?

— От них страшно хочется пить.

— Но ведь здесь везде есть вода.

— Да, но соленая.

— Нет, я имею в виду воду в ямах и лужах. Мы хлебали ее при помощи трубочки, которую смастерили из ампулы для таблеток.

Через несколько дней группа наткнулась на Фиделя Кастро и тринадцать остальных бойцов с «Гранмы», почти безоружных и раздетых. Все остальные участники экспедиции погибли или попали в плен. И все же Фидель убежденно и страстно призвал немедленно приступить к формированию Повстанческой армии. Он уже установил первые контакты с крестьянами.

— Мы совершили много ошибок и жестоко поплатились за это. Но Повстанческий отряд пока еще существует. Мы будем сражаться. Победа возможна. Мы обоснуемся здесь, в Сьерре. Надо раздобыть оружие, запастись продуктами и начать обучать новобранцев.

Эрнесто облегченно вздохнул. Этот самый Фидель уже давно стал для него добрым другом и соратником. Он верил в его талант. Фидель сможет убедить крестьян. С таким главнокомандующим численность Повстанческой армии быстро возрастет.

Наблюдение за казармой велось с раннего утра. Вечером повстанцы переправились через реку Ла-Плату. На мелководье переправа не была трудной. Разве что яркий свет луны мог их выдать.

Бойцы молча сложили на обочине двадцать три годных к бою винтовки и автомата.

— Патронов у нас мало, — сказал Че вполголоса, — но в любом случае мы должны захватить казарму. Иначе мы расстреляем все наши патроны и будем практически беззащитны.

Камило Сьенфуэгос кивнул. У него самого была полуавтоматическая винтовка. Всего в наличии имелось пять

винтовок такого типа, но патронов хватало только для одной.

На кровле казармы отражался свет луны.

— Там всего пятнадцать, ну, максимум, двадцать солдат. Но зато у них сильная огневая мощь. Кроме того, они лучше защищены. Главное, чтобы мы застигли их врасплох и воспользовались паникой. У меня еще есть динамитная шашка ударного действия. Но может быть, она намокла. Тогда я не знаю, будет ли от нее прок! — прошептал Рауль Кастро.

Фидель приказал, чтобы никто не стрелял, пока он сам не откроет огонь. С этой целью он нес на себе ручной пулемет «томпсон».

Тут их тихий разговор прервало чье-то пение. Мимо революционеров на муле проехал Чико Осорио. Он был совершенно пьян. Эрнесто тверже сжал винтовку. Он очень много слышал о нем. Тот слыл одним из самых жестоких надсмотрщиков в округе. Сколько же у него на совести человеческих жизней? Сколько слез? Сколько крови? Крестьяне говорили о нем так, как будто это был сам дьявол. Террором и насилием берег он добро семейства Лавити. Эрнесто мог бы без труда покончить с этим бессовестным кровопийцей, но в казарме могли услышать выстрел. Тогда вся операция оказалась бы под угрозой срыва. Кроме того, Фидель требовал, чтобы никто без приказа не стрелял. Фидель ткнул Санчеса в бок.

— Останови его и спроси пароль! Санчес в ответ ухмыльнулся. Вот он, простейший выход из положения. Он выскочил на дорогу.

— Сельская гвардия! Пароль!

К величайшему удивлению, Чико ответил:

— Комар.

Теперь настал черед Фиделя. Эрнесто восхищенно смотрел, как Фидель демонстрирует свои блестящие актерские способности.

— Твое имя?

— Чико Осорио.

— Слушай, Чико. Я полковник армии. Прибыл сюда, чтобы выяснить, почему мятежников до сих пор не ликвидировали. Это же позор для нашей страны, что пара вооруженных идиотов-крестьян имеет наглость поднимать бунт.

Чико Осорио кивнул.

— Верно. Свинство чистейшей воды. Солдатам лишь бы жрать да спать. Самое время навести порядок.

Внезапно Чико, несмотря на свое опьянение, слегка насторожился. Вероятнее всего, его поразило небритое лицо Фиделя и вообще весь его дикий вид.

Фидель мгновенно успокоил его.

— Солдаты здесь ни черта не делают, и мне пришлось самому выяснять, что творится в лесах. Поэтому-то я и не брит.

В остекленевших глазах Чико выразилось удовлетворение. И тут его понесло.

— Мятежников под корень! Дела здесь все хуже и хуже. Крестьяне вконец обнаглели. Солдаты ни на что не пригодны. Крестьяне мелют языком, а те их не трогают. Приходится это делать мне. Как раз по дороге сюда я крепко дал одному болвану за то, что тот хамил и грубо отзывался об армии.

— Как звать этого субъекта? — рявкнул возмущенно Фидель.

— Рамирес.

— Ну, я научу его хорошим манерам. Где он проживает?

— Третий барак на обочине. У него вся семейка такая.

— А есть еще здесь сочувствующие мятежникам?

Чико охотно ответил. Он назвал имена людей и показал, где они живут.

Фиделю удалось выудить из него примерно двадцать имен. Таким образом революционеры получили четкое представление о ситуации в округе. Они узнали, как зовут тех, кто им сочувствует, и их адреса.

Чико выболтал также имена нескольких лиц, считавшихся особенно преданными режиму. Теперь они знали, к кому им лучше не обращаться.

Эрнесто думал, что сейчас-то Чико и конец. Но Фидель решил довести игру до конца.

— А что бы ты сделал с Фиделем Кастро, окажись он в твоих руках?

Чико оживленно замахал руками.

— Я бы просто кастрировал эту скотину. Я бы заставил его жрать собственное дерьмо и содрал бы с живого кожу.

Фидель улыбнулся и кивнул.

— Правильно. Я так и думал. Чико вошел в раж.

— Недавно мы убили здесь несколько этих сукиных сынов. Я самолично прикончил двоих. Камило наклонился к Че и прошептал:

— Вот теперь этот пес сам приговорил себя к смерти!

Но Фидель не спешил привести приговор в исполнение. Этот субъект еще мог пригодиться.

— Послушай, готов ли ты помочь мне проверить бдительность солдат?

— Конечно. Это такая честь для меня.

— Хорошо. Тогда ты незаметно проведешь нас мимо часовых, чтобы я мог застать всех солдат врасплох. Вот тогда-то будет

видно, как плохо они выполняют свой долг. В конце концов, на них также могли напасть отряды Кастро.

Чико засмеялся:

— На это паршивый козел не отважится.

— Нужно, чтобы все выглядело естественно. Мы тебя свяжем. Сделаем вид, что взяли тебя в плен. Солдаты здорово испугаются.

Чико все больше и больше нравился этот замысел. Он был просто вне себя от радости.

Пока его связывали, у Че зародилось сомнение: «Все идет очень гладко. А что, если он разгадает наш трюк? Вдруг он ведет нас на смерть?»

— До того, как мы выступим, компаньеро Луис Креспо проверит, сказал ли он правду. Нельзя полагаться на слова пьяного кровососа.

— У них только один часовой! — заорал Чико. — Вот какие они разгильдяи. Да они глаза вытаращат от изумления. Часовой сидит в доме надсмотрщика. Его звать Онорио. Это мой старый приятель. Сколько мулаток мы с ним…

— Где расположен дом?

— А вон сзади.

— А где еще выставлены посты?

— Нигде. Больше нигде. Здесь же все тихо. Да у этого Кастро пороху не хватит напасть со своими голодранцами на казарму.

Луис Креспо отправился на разведку. Революционеры с нетерпением выжидали. Че чувствовал, как страстно они рвутся в бой. Они хотели доказать, что могут разгромить армию Батисты. Кроме того, они стремились с помощью успешной операции продемонстрировать, что они живы и ведут активные действия. Правительственные радиостанции уже сообщили о полном разгроме повстанцев. Ходили слухи, что Кастро убит.

Вернулся Луис Креспо.

— Он не солгал. Между двумя домиками я видел огонек сигары часового. Больше постов нет.

Фидель велел бойцам рассредоточиться.

— Камило, Каликсто, Хулито Диас и Бенитес! Поскольку у вас полуавтоматические винтовки, поручаю вам окружить дом с пальмами. Рауль и Альмейда атакуют слева. Санчес, Луис Креспо, Гарсия, Фахардо и Че ударят вместе со мной по центру. Попробуем вынудить их быстро капитулировать, чтобы уменьшить расход патронов. Вперед, компаньерос!

Бойцы расположились в сорока метрах от казармы. Без двадцати три Фидель начал бой, дав две очереди из своего пулемета. Сразу же заговорили все остальные винтовки.

Че призвал солдат в казарме немедленно сдаться. В ответ —

оружейный огонь.

— Ну, как хотите, — крикнул Че и посмотрел на Луиса Креспо. Тот уже держал наготове свои бразильские гранаты. Че сделал то же самое. Они поняли друг друга без слов. Затем они метнули бомбы.

Велико же было разочарование Че, когда гранаты не взорвались. Рауль Кастро тут же швырнул свою динамитную шашку. Никакого эффекта!

— Надо пробраться поближе к домам и поджечь их! — заорал Че изо всех сил.

Он рванулся, но Санчес опередил его. Бойцы не сводили с него глаз. Они прикрывали Санчеса прицельным огнем. Но ему так и не удалось поджечь один из домов.

Следующим побежал Камило Сьенфуэгос. Он также сумел добежать до домов, но поджечь их не смог.

Затем ринулись Че и Луис Креспо.

— Мы это сделаем, Че! — завопил Луис. — В сарае, правда, только кокосовые орехи, но горят они, как солома.

Через несколько минут вспыхнуло сильное пламя. Началась паника. Один бегущий солдат налетел на Луиса Креспо. Тот обезоружил его и открыл огонь по дому, в котором находилось большинство батистовцев.

Вскоре послышались первые крики: «Сдаемся!» Какой-то сержант попытался улизнуть. Камило в ярости расстрелял по нему весь свой запас патронов. Солдаты сдавались один за другим. Бой закончился.

— Мы победили! Победили! Да здравствует революция!

— Никого из наших даже не задело! — сообщил Че, который как врач должен был сразу же позаботиться о раненых. Он оказал помощь пятерым получившим ранения вражеским солдатам. Батистовцы потеряли двух человек убитыми.

Фидель пересчитал трофеи. Затем повстанцы подожгли развалины казармы.

— У нас теперь патронов на несколько тысяч выстрелов. Есть горючее. Продукты. Одежда.

— Я также захватил трофеи! — засмеялся довольно Че.

Он с гордостью продемонстрировал каску капрала батистовской армии.

Фидель подошел к Че и поглядел, как тот перевязывал раненых.

— Послушай, Че. Пленных солдат мы оставим здесь вместе с ранеными. Пусть позаботятся о них, пока не придет помощь. Оставь им лекарства в нужном количестве.

— Но… то немногое, что у нас есть, нужно нам самим. У нас

нет запасов.

— Все равно. Наше поведение должно в корне отличаться от поведения батистовцев. Раненых врагов мы не убиваем. Более того, мы оказываем им помощь.

— Мы взяли много трофеев?

— У нас теперь оружия больше, чем людей. Восемь «спрингфилдов»[12] и один пулемет «томпсон».

— Так и должно быть. Пускай противник снабжает нас оружием и боеприпасами. Он будет нашим основным поставщиком.

— Именно так. Конечно, делать это он будет вопреки своей воле, а иной раз и норов проявит. Помочь тебе?

— Да. Передай мне бинт. Он лежит вон там.

— Вы убьете нас? — со страхом спросил раненый солдат.

Нет, мы хотим свергнуть диктатуру Батисты. Мы не убийцы, а борцы за свободу. Пленных мы не трогаем.

Фидель оказался прав. Один солдат из числа тех, кого они оставили на свободе, присоединился впоследствии к отряду Фиделя Кастро.

Во время дальнейшего перехода Эрнесто и еще несколько компаньерос отстали от остальных. Теперь они пытались их найти. Пригнувшись, он пробирался сквозь заросли. Внезапно раздался выстрел. Пуля попала в дерево, растущее буквально в нескольких шагах от него. Он мгновенно упал на землю и быстро огляделся в кустарнике.

Там что-то шевелилось. Он прицелился. И в этот момент он узнал своего «врага». Это был Камило. Тут грянул второй выстрел. Эрнесто обвязал дуло винтовки белой тряпкой и поднял ее над головой.

Камило радостно выскочил из укрытия, держа винтовку наизготове. У него вытянулось лицо от изумления, когда он узнал старого приятеля:

— Я видел только твою каску, Че. Думал, это солдат Батисты.

Эрнесто снял каску и осмотрел ее:

— Из-за этого трофея я чуть было не погиб. Слава богу, ты промазал. Камило кивнул.

— Гм, такого со мной давно не случалось!

Один из революционеров должен был попасть в город. Нужно наладить связь с «Движением 26 июля». Кроме того, нужно запастись продуктами и медикаментами.

Эрнесто воспользовался случаем и послал весточку родителям. В городе письмо просто опускают в почтовый ящик. Но ему следует все же быть очень осторожным. Почтальона могут задержать. Возможно, вся почта, поступающая из прифронтовой

зоны, тщательно контролируется. Он не должен давать властям никакой зацепки или даже намека.

А ему так хотелось рассказать о многом. О том, как его ранили, например. Но тогда мать будет очень сильно волноваться. О тяжком поражении под Алегрия-де-Пио, но тогда враг может сделать соответствующие выводы. Не хотелось упоминать также о кровоточащих ногах и приступах астмы. Так может быть, поведать о стойкости своих соратников и пробудившейся в них вере в победу.

Он написал: «Сперва я думал, что ничего не выйдет и наступает полный развал. Но шеф сумел стабилизировать, а потом даже исправить ситуацию. Теперь мне даже кажется, что через несколько месяцев он предоставит мне отпуск, если, конечно, дела пойдут на лад и все можно будет оплатить. С каждым днем я все лучше и лучше ориентируюсь и собираюсь с помощью шефа сделать карьеру. Он очень неплохой человек».

Эрнесто даже не помнил, от кого это пошло. Во всяком случае, к нему все чаще обращались не по имени. Ему дали прозвище, которое пришлось ему по вкусу. Они называли его Че.

Он знал, что в Венесуэле и Колумбии аргентинцев часто именуют «Че». Это обращение там очень популярно. Эрнесто сам подчас использовал его вместо обращения. Ему казалось, что слово заимствовано у индейцев. Но его истинного происхождения он не знал.

Насколько он помнил, ему постоянно давали какие-то прозвища. Родители называли его нежно Тэтэ. Одноклассники звали его Chancho (Свинья), потому что чавкал за едой. Позднее из-за коротко остриженных волос его прозвали «лысым». Но прозвище Че нравилось ему больше всех. Со временем он стал предпочитать его своему настоящему имени и подписывал им свои первые письменные сообщения.

Все чаще и чаще его охватывало чувство, что конец его близок. Средств от астмы у него не было. Постоянные приступы страшно изнуряли его. Повстанцы продвигались крайне медленно. Местность так и кишела армейскими заставами, и кашель мог их выдать. Но сдержать его он был не в силах. От жуткого кашля он чуть не падал. От прилива крови к голове казалось, что череп вот-вот лопнет.

В Сьерре наступил сезон дождей. Влажный климат его окончательно доконал. Не спасал даже полиэтиленовый навес над гамаком. Каждую ночь он промокал до костей. Из-за него партизаны уже собирались ночевать в крестьянских хижинах.

Че это совсем не устраивало. Правда, большинство крестьян сочувствовало им, но солдаты часто устраивали в их домах

облавы в поисках повстанцев.

Ноги увязали в мягкой болотистой почве. Каждый шаг требовал такого напряжения, что мог начаться приступ астмы.

Вблизи маленького крестьянского домика, расположенного на плантации кофе, они сделали привал, чтобы собраться с силами. Он попытался отвлечься. Решил прочесть про себя стихи Неруды. Вслух он не мог это сделать, поскольку неравномерное дыхание при чтении могло бы вызвать новый приступ.

> Жизнь не погибла, мой безгрешный брат.
> Но дикой розой в чаще
> Пурпуровая капля затерялась,
> И навсегда потух земной светильник…[13]

Дальше он забыл текст. Он собирался уже поискать в рюкзаке сборник его стихов. Он не расставался с «Всеобщей песней».[14] Но тут он почувствовал, как сужаются его дыхательные пути. Чертова астма! Из-за него группа застряла в этом опасном районе. Надо бы попросить их оставить его. Пусть не беспокоятся за его участь. Они же ждут пополнения. Франк Паис сформировал в Сантьяго отряд. Он уже направился в Сьерру. В его составе около пятнадцати бойцов. Вполне достаточно, чтобы изгнать батистовцев из Сьерры. А тут эта астма!

Фидель постоянно слушал по транзистору новости. Министр обороны орал: «Интервью, якобы полученное американским журналистом Мэтьюзом у Фиделя Кастро, — это наглая ложь. Это фальшивка. Фидель Кастро и его бандиты полностью блокированы. И никому не удастся прорвать кольцо блокады. Мэтьюз не мог попасть к нему. Мы бы сразу узнали об этом. Я требую от Мэтьюза опубликовать снимки Фиделя Кастро и этого аргентинского агента Гевары, которые он якобы сделал».

Фидель засмеялся.

— Послушай, Че! Послушай, как он хвастается. Теперь Мэтьюз опубликует фотографии, и режим опять сядет в лужу. Выше голову, старина! Слону опять здорово досталось от мухи.

— Дай мне сигару!

— Что?

— Дай мне сигару, Фидель. Или достань из рюкзака мою трубку.

— Но у тебя ведь только что кончился приступ?

— Вкус табака благотворно действует на меня. Дым не дает астме разыграться.

Фидель, весело подтрунивая над компаньеро, принес ему сигару.

Привал продолжался два дня. На третий день крестьянин, доставлявший им продукты, не пришел в лагерь.

Фидель стоял рядом с Че. У него сразу же зародились подозрения: «Возможно, батистовцы схватили его. Под пытками он все расскажет. Нам надо уходить».

Санчес со своего наблюдательного поста сообщил о приближении большого отряда солдат. Они уже заняли горную вершину.

— Быстрее! Нам нужно добраться до подножия горы. Здесь мы для них идеальная мишень.

Бойцы побежали.

Вновь начался приступ астмы. Че стоял скрючившись, опираясь на винтовку. Вот уже гранатометы и пулеметы обрушили огонь на то место, где они только что стояли лагерем. Батистовцы были прекрасно осведомлены о местонахождении повстанцев.

Че попытался сделать пару шагов. Он тут же мешком свалился на землю. Крестьянин Креспо рывком поднял его.

— Пошли!

Че попробовал это сделать, опираясь на Креспо и винтовку. Но ему приходилось останавливаться у каждого дерева, чтобы перевести дыхание. Колени его не слушались, они все время резко подгибались.

Другие уже добежали до подножия холма и готовились перебраться на другую сторону.

Кроме своей поклажи, Креспо тащил еще рюкзак Че.

— Давай я понесу тебя!

— Ты не сможешь. Погляди только на горный склон.

— Я помогу тебе идти!

Гранаты рвались все ближе. Они втянули головы, чтобы остаться незамеченными.

— Оставь меня! Со мной все кончено. Беги к другим. Один ты еще успеешь. Я прикрою тебя из винтовки.

— Нет! Ты пойдешь со мной.

— Если…

Кашель не дал ему договорить. Креспо протащил его еще пару метров. Дождь лил как из ведра. Вода непрерывным потоком обрушивалась на землю.

— Я больше не могу! Уйди от меня наконец! — заорал Че.

Но Креспо, проклиная все на свете, волок его дальше. На мокрой земле они поскользнулись и упали. Креспо завопил:

— Ты, чертов аргентинец, пойдешь как миленький! Или я буду гнать тебя ударами приклада.

Он угрожающе вскинул винтовку.

Че кое-как дотащился до ближайшего дерева. Вода текла по его лицу. Он рукавом вытер лоб и глаза.

— Ладно, Креспо. Пошли! Я обопрусь на тебя.

Фидель и Че собрали вокруг себя командиров. Они хотели в пределах возможного ознакомить их с планом атаки.

— В течение ближайших сорока восьми часов мы дадим бой врагу. Но пока мы не сообщаем вам ни направления атаки, ни ее цели. Мы должны защитить себя от предателей. Пусть бойцы в полном снаряжении ждут сигнала к выступлению.

Слова Фиделя пробудили надежду в командирах Повстанческой армии. Они хотели наступать. Постоянные переходы изнуряли бойцов. Они рвались в бой.

Когда все ушли, Че сказал Фиделю:

— Мы слишком долго сдерживали бойцов. Почему мы не напали на грузовики на шоссе? Нам бы досталась легкая добыча. Ребята жаждут боя. Почему ты их удерживаешь?

— Я все думаю об Эль-Уверо. Если мы захватим казарму, то вся страна узнает, какой силой обладают теперь революционеры. А нападни мы на парочку армейских грузовиков, они представят это как несчастный случай. Мы должны сконцентрировать все наши усилия на Эль-Уверо. Взятие казармы даст нам в руки колоссальный козырь.

Че закурил сигару.

— Ты думаешь, народ поймет тогда, что мы можем победить?

— Именно.

Ночной переход продолжался уже больше восьми часов. У большинства бойцов еще не зажили раны. С обувью дела обстояли из рук вон плохо. Че считал, что в освобожденных районах необходимо не только открывать школы и устраивать склады оружия, но прежде всего следует организовать обувную мастерскую. Он уже хотел обсудить эту проблему, но тут еще раз пришел строжайший приказ щадить жилые дома и вести огонь только по казарме.

Альмейде поручалось захватить пост на северной стороне. Рауль должен был вести фронтальную атаку. Че действовал между ними. В обязанности Переса и его людей входило отрезать ближайшие дороги, чтобы не дать возможность перебросить подкрепление.

Задумано это все было как неожиданная ночная атака. Но переход слишком затянулся. Уже забрезжил рассвет, когда Фидель начал бой. Рядом с ним Че внезапно увидел кепи Камило. Тот сражался на другом боевом участке, но Че все равно радовался, что где-то рядом есть старый друг.

Из казармы на бойцов обрушился мощный огонь. Осторожно

пробираясь вперед, Че очутился метрах в шестидесяти от передового поста. Дальше пришлось продвигаться по открытой местности. И тут он услышал чьи-то стоны. Че бросился в траву. По-видимому, где-то рядом лежал раненый вражеский солдат. Первой мыслью было завладеть его оружием.

— Сдавайся! — крикнул он. — Тогда тебе ничего не будет.

В ответ — тишина. Может быть, враг что-то задумал. Может, он залег в траве и коварно поджидает его.

Че пополз дальше и наткнулся на раненого. Это был вовсе не батистовец — это был компаньеро Леаль. Пуля пробила ему голову. Че тут же осмотрел рану. На несколько секунд он даже забыл про пальбу кругом. Сейчас он врач. Под пулями он продолжал делать свое дело так, как будто был неуязвим.

Пуля прошла в районе темени. Че обшарил все карманы в поисках перевязочных средств. Он нашел только обрывок бумаги. Леаль лежал без сознания. У него уже отнялись руки и ноги. Не зная, что делать, Че приложил бумагу к ране. И тут прямо над его головой просвистело несколько пуль. Врач сразу же вновь стал солдатом и открыл яростный ответный огонь.

Суеверный Мендоса в открытую ринулся в атаку. Он верил, что святой покровитель защитит его, и считал себя в полной безопасности. Автоматная очередь буквально прошила его. Альмейду ранило в левую руку и ногу.

Че понимал, что теперь возможна только открытая атака. Уже совсем рассвело. Укрыться им было негде, а враг не жалел патронов. Отряд Альмейды захватил передовой пост. Теперь путь к казарме был свободен. Гильермо Гарсия неистово строчил из своего пулемета, сея панику в рядах солдат. В конце концов концентрированный огонь повстанцев вынудил их капитулировать.

Разыскивая в казарме военного врача, Че наткнулся на трех убитых попугаев. Только теперь до его сознания дошло, какой град огня обрушили они на казарму.

Че намеревался отдать раненых компаньерос на попечение военному врачу.

— Сколько тебе лет? — спросил тот, дрожа от страха.

— Зачем тебе это?

— Когда ты получил диплом?

— Довольно давно.

— Знаешь, парень, займись-ка всем этим сам. У меня слишком мало опыта. Да и руки уж больно дрожат.

Че тут же вытер руки, чтобы позаботиться о раненых.

Он потребовал, чтобы врач помог ему, но тот в страхе позабыл все основы медицины.

Двоих раненых им пришлось оставить. Че взял с врача честное слово, что им обеспечат надлежащий уход и не убьют. Речь шла о Леале и Сильеросе. Масео, раненного в плечо, Манальса с простреленными легкими, Альмейду, у которого пули засели в ноге и руке, и других раненых Че должен был доставить в ближний лагерь.

На его долю выпало сообщить Сильеросу, что они вынуждены их оставить. Сильерос только улыбнулся. Че понял, что тот хотел этим сказать. Эта мягкая, печальная усмешка, казалось, говорила: «Со мной все кончено. Счастливо, компаньерос!»

Тем временем Леаль пришел в себя и начал умолять Че убить его. Он не хотел попадать в руки батистовцев.

— Врач дал мне честное слово. Кроме того, у нас много пленных солдат Батисты. Вас никто не тронет.

Че и сам не знал, говорил ли он эти слова, чтобы утешить Леаля, или же он сам верил в это. Во всяком случае, в нем теплилась какая-то надежда.

Ночь Че провел с ранеными. Несмотря на раны, все были радостно возбуждены. Они непрерывно курили и уплетали трофейное мясо и хлеб. Спать почти никто не хотел. Все принялись описывать свои подвиги, и бой постепенно превратился в какую-то сказочную битву. Че от души веселился, отмечая количество врагов, которых каждый боец истребил, согласно своим рассказам. Он с удивлением услышал, что кое-кто умудрился убить больше батистовцев, чем их было на самом деле.

Че любил слушать, как поэт Каликсто Моралес спорит с поэтом Крусито.

Каликсто Моралес еще на «Гранме» получил прозвище Соловей Полей. Он страшно гордился этим и называл себя только так.

Крусито, типичный деревенский поэт-самородок, писал весьма несовершенные вирши. На все, что говорил ему Моралес, он пытался ответить в рифму. И называл он его вовсе не Соловьем Полей, для него он был Кукушкой из Сьерры.

Они хотели вместе создать поэму о революции. Крусито продекламировал Че новые десятистишия, написанные им об отплытии «Гранмы». Они шли, расслабившись, по каменистой дороге. Вот уже несколько дней им не встречались солдаты. Дорога была довольно узкой. Все же они шли бок о бок. Над горами раскинулось безоблачное небо. Че и Крусито ели фрукты и пребывали в состоянии блаженства.

— Жаль только, что у нас так мало бумаги. Как было бы здорово, если бы каждый боец мог нести в рюкзаке твои стихи!

— Было бы здорово, если бы я просто имел бумагу, чтобы их

записать.

— Так что же, твои стихи, считай, для нас потеряны, если ты их не запишешь?

— Ну, нет. Ничего не потеряно. Я их сразу же учу наизусть. А после революции я их перенесу на бумагу.

— Давай, читай их дальше, — нетерпеливо сказал Че, — а я потом почитаю тебе Неруду.

Несколько командиров Повстанческой армии сидели вместе с Фиделем и Че в крестьянской хижине.

— Без нашего храброго Франка Паиса, организовавшего снабжение продуктами из города и поддерживающего важные контакты с городскими революционерами, борьба была бы невозможна.

— Надо в письме поблагодарить его и пожелать счастья.

Тут же кто-то принес листок бумаги. Его разделили на два столбца. В одном должны были стоять подписи революционеров, в другом их звания.

Несколько соратников Фиделя не смогли подписаться из-за своей неграмотности. Когда настал черед Че, Фидель твердо сказал ему:

— Укажи звание команданте.

Вот так Эрнесто Че Гевара получил это звание и был назначен командиром второй колонны. Он страшно гордился этим и горел желанием доказать, что справится с этой задачей.

— Близится годовщина 26 июля. Так пусть же этот день станет страшным днем для армии Батисты. Мы отпразднуем эту годовщину, напав на его войска.

Пока Селия вручала Че маленькую звездочку — отличительный знак команданте, — он сказал:

— Самый жестокий из всех батистовских офицеров Санчес Москера имеет наглость вторгаться в Сьерру со своей солдатней. Он считается одним из самых кровожадных командиров Батисты. Он безжалостно грабит крестьян и оставляет повсюду свои кровавые следы. Я попробую здорово потрепать его солдат. Может быть, мы сможем положить конец его бесчинствам.

Фидель кивнул.

— Предоставляем тебе полную свободу действий. Мы хотим достойно встретить годовщину.

До своего лагеря Че добирался на муле. Ноги его волочились по земле. Он измученно опирался на винтовку с оптическим прицелом. Глаза глубоко запали. Солнце палило прямо в лицо. Он был весь увешан патронными лентами. Трофеи. Они захватили их у батистовских солдат. На шее у него еще болталась фотокамера.

Едва поздоровавшись с журналистом Масетти, он сразу же

пригласил его в дом.

— Поговорим после. Я устал и хочу есть. Давай присоединяйся! У нас есть вареные бананы и бобы.

Масетти сел напротив. Че поставил винтовку рядом с сиденьем. Только патронные ленты он кинул на стул, стоявший в паре метров от него.

Че потер виски и откинул голову назад. Как бы самому себе он сказал:

— Здесь мы сражаемся с Санчесом Маскерой. Это самый кровожадный офицер Батисты. Он постоянно совершает налеты на Сьерру и проводит чудовищные карательные акции против населения. Мы много раз чуть было не зажимали его в кольцо. Но эта скотина постоянно ускользала от нас.

Крестьянин принес еду. Он явно гордился тем, что знаменитый Че остановился в его доме. Че молча поглощал скудную пищу, казавшуюся, однако, праздничным обедом. Он вспоминал последние форсированные переходы, когда они вообще ничего не ели.

Он не испытывал ни малейшего желания вести беседу с этим аргентинским журналистом, но он знал, какой огромный пропагандистский эффект могут дать подобные публикации. Вопросы он уже знал заранее. Все журналисты первым делом с ужасом высказывали предположение, что борьба здесь идет за «победу коммунизма».

Проглотив последний кусок, он закурил трубку и устало вытянул ноги. Как же они болели! На секунду ему пришла мысль просто скинуть сапоги.

Масетти откусил кончик сигары. Че с наслаждением выпустил первые облака дыма в потолок и сказал ободряюще:

— Начинайте!

Масетти был стреляный воробей. Ему пришлось вынести много испытаний, прежде чем он попал в лагерь Че.

— Зачем ты пришел сюда? Че твердо ответил:

— Существует только одна возможность освободить Америку от диктаторов. Их нужно свергнуть. Следует любым путем к этому стремиться. И лучше всего это делать в открытую.

— А ты не боишься, что твое участие в этих боях может быть истолковано как вмешательство во внутренние дела чужой страны?

Че ухмыльнулся. Эти сомнения он уже преодолел.

— Своей родиной я считаю не только Аргентину, но и всю Латинскую Америку.

Он вгляделся в напряженное лицо Масетти и убежденно продолжал:

— У меня есть такой прославленный предтеча, как Хосе Марти. Именно на его родине я выступаю приверженцем его идей. Я не могу рассматривать это как вмешательство, когда я рискую всем, и даже жизнью, во имя справедливого дела. Я помогаю народу свергнуть тирана. Иностранная держава оказывает этому тирану помощь, предоставляя в его распоряжение оружие и самолеты, деньги и инструкторов. Ни одна страна не обвинила еще США во вмешательстве во внутренние дела Кубы. Ни одна страна не обвинила янки в том, что они помогают Батисте истреблять свой народ. Но зато очень многие занялись моей особой. Я иностранец, который вмешивается во внутренние дела и кровью своей помогает восставшим.

Че решительно взглянул на Масетти. Он говорил, тщательно подбирая слова и одновременно твердо и искренне. Он сражался на стороне плохо вооруженных, кое-как обученных бойцов против врага, обладавшего огромным превосходством в силе и технике. Его противники были гораздо лучше вооружены и обучены. В любой момент они могли уничтожить повстанцев.

Однако он говорил о своих врагах так, как будто победа над ними — это всего лишь вопрос времени. Черный берет он сдвинул на затылок. На лбу обозначилась загорелая полоса. Его волосы были сальными.

— Разве можно называть эту революцию коммунистической?

Че посмотрел Масетти прямо в глаза. Тому пришлось выдержать его взгляд.

— Эта революция, бесспорно, носит национальный характер. Точнее говоря, это латиноамериканская революция. И совершенно очевидно, что она направлена против господства янки. На меня все время навешивают ярлык коммуниста. Не было журналиста, побывавшего в Сьерре, который не занимался бы выяснением моих взглядов и моим сотрудничеством с гватемальскими коммунистами. Они все считали, что я член коммунистической партии, лишь на том основании, что я решительно выступал в поддержку полковника Хакобо Арбенса.

— Но ты же входил в состав правительства!

— Ничего подобного. Но когда США организовали интервенцию, я попытался вместе с группой молодежи дать отпор этой авантюре «Юнайтед фрут». В Гватемале надо было сделать все для защиты революции. Но этого не произошло. Я принимал участие в организации сопротивления. Когда же ставленники американского империализма начали хватать и казнить всех, кто представлял хоть какую-то опасность для интересов «Юнайтед фрут», я эмигрировал в Мексику. В стране ацтеков я вновь встретился с участниками «Движения 26 июля». Познакомился я с

ними еще в Гватемале. Я очень сдружился с Фиделем Кастро и его братом Раулем. К моменту нашего знакомства план высадки на Кубу был уже готов. Я говорил с Фиделем всю ночь напролет. Наутро я уже стал врачом его будущей экспедиции. После всего того, что я узнал в моих скитаниях по странам Латинской Америки, и после пережитого в Гватемале кошмара меня не нужно было долго уговаривать встать в ряды борцов против любой тирании. Но Фидель поразил меня своей незаурядностью. Он мог разрешить самые немыслимые проблемы. Он непоколебимо верил в то, что высадится на Кубе. Там он начнет борьбу и победоносно завершит ее. В этом у него не было ни малейшего сомнения. Он прямо-таки заразил меня своим оптимизмом. Нужно что-то делать. Перестать хныкать и заняться чем-либо конкретным. Фидель хотел начать борьбу, чтобы вновь вдохнуть в свой народ надежду. Он сказал: «В 1956 году мы обретем свободу или станем мучениками!» Он хотел еще до конца года высадиться на Кубе во главе революционной армии.

Тут они прервали свой разговор, потому что революционная радиостанция «Radio Rebelde» начала передавать новости. Че слушал очень внимательно. Только после окончания передачи он вновь посмотрел на Масетти. Тот сказал:

— Здесь, в Ла-Меса, я уже многое повидал. Много новых небольших мастерских. Как мне сказали, это твоя заслуга. Я видел полевой госпиталь, маленькую пекарню, мастерскую по изготовлению бомб, сапожную мастерскую и мастерскую по переработке кожи. Но почему же они так разбросаны по местности?

— Чтобы тебе сразу же было ясно: мы создаем собственную инфраструктуру. В освобожденных районах сразу же начинается строительство школ, больниц и т. д. Но они должны быть расположены далеко друг от друга, иначе они станут отличной мишенью для бомбардировщиков Батисты. Они постоянно совершают воздушные налеты на освобожденные районы, но мы умеем защищаться.

— В мастерской для изготовления бомб я даже видел фауст-патроны. Мне сказали, что это твоих рук дело. Это правда?

— Естественно, в мою компетенцию входит строительство мастерских и изготовление вооружения.

Че отвечал как-то невпопад. Что-то все время смущало его. Он никак не мог сосредоточиться. На какое-то мгновение он просто задумался, Масетти не решился мешать ему. Тут Че внезапно вскочил и включил радио на полную мощь. Какие-то неясные шумы. Он внимательно вслушался в них. Покрутил ручку настройки. Кто-то из бойцов принес фрукты.

— Тихо! — рявкнул на него Че. Через несколько секунд радио передало печальную новость. Всеобщая забастовка сорвалась. Теперь Че просто не обращал никакого внимания на Масетти, как будто тот вообще никогда не брал у него интервью. Его занимали другие проблемы. Он тут же сорвался с места и исчез из дома. Только под вечер им удалось вновь встретиться в спокойной обстановке.

— Почему же крестьяне оказывают такую поддержку революции и Фиделю Кастро?

Они на себе испытали террор помещиков и батистовской солдатни. Крестьяне первыми получили выгоду от революции, потому что мы начали проведение аграрной реформы.

— Каким образом? Вы же еще воюете.

— Уже теперь шестьдесят тысяч человек получили землю. Мы передаем крестьянам большие угодья.

Какая система положена в основу вашей реформы?

Никакой застывшей схемы. В основу положена антибюрократическая система. Мы установили, сколько земли требуется, чтобы прокормить одну семью, в которой двое, четверо или больше детей. Таким образом у нас оказались исходные данные. Минимальное количество земли полагается любому крестьянину. Необходимое количество мы распределяем среди крестьян, а затем решаем вместе с ними, что лучше всего сеять на этой земле, выделяем им посевной материал и предоставляем технику.

— Неужели это все было запланировано еще до отплытия «Гранмы».

— О многом из того, что мы сейчас делаем, мы и не мечтали до прибытия «Гранмы». Только в ходе самой революции мы стали сегодняшними революционерами. Мы пришли, что бы изгнать тирана. Но мы узнали, что больше всех в освобождении нуждаются именно крестьяне. Мы не хотим громких речей, а желаем оказать им действительную, эффективную помощь, которая изменит и улучшит их жизнь. Каждый квадратный метр земли, который крестьяне сами обрабатывают, принадлежит не нам, а им. Поэтому мы не колеблясь создаем для них лучшую жизнь. Для них революция победила уже сегодня.

В дом буквально ворвался вооруженный боец. Он что-то прошептал Че на ухо. Че кивнул и взвалил на спину несколько патронных лент.

— К сожалению, мне пора. Революция не ждет.

Че присел на траву. Партизаны забили корову. С вожделением обгладывая кость, он предвкушал, как после еды закурит трубку.

Молодая кубинка Алеида Марч, его связная, ела рядом с ним и рассказывала о настроении в городе. В полувоенной форме Повстанческой армии, уставшая и запыленная, она тем не менее была очень красива. Че говорили, что она отлично стреляет.

Че уже собирался расспросить Алеиду об ее снайперском искусстве, но тут «Radio Rebelde» начало передавать последние известия. «Широкое наступление войск Батисты против нашей Повстанческой армии завершилось вчера позорным провалом. Батиста послал против нас двенадцать тысяч солдат, вооруженных самым современным оружием и имеющих в своем распоряжении танки типа «шерман». Кроме того, бомбардировщики вновь использовали вчера напалмовые бомбы. Но мы захватили их передатчик. Поскольку коды тоже оказались у нас, Фидель Кастро сумел передать солдатам Батисты фальшивые приказы. Поэтому они вчера подвергли бомбардировке собственные позиции и сбросили над контролируемыми нами районами оружие и продовольствие».

Че и Алеида почти одновременно звонко рассмеялись. Дальше они слышали только отдельные слова. «Генеральное наступление отбито. Войска Батисты понесли тяжелейшие потери. Убито около тысячи солдат. Сломан костяк армии».

— Они подвергли бомбардировке собственные позиции. Ох, и хитрец же этот Фидель. Своих самолетов у нас нет, так он использует авиацию противника.

Алеида должна была уже уходить на выполнение нового задания. Она простилась с Че. При этом она стояла, а он продолжал сидеть. Они протянули друг другу руки и взглянули в глаза. Че чуть дольше задержал ее руку и пожал ее сердечнее, чем обычно. Глаза Алеиды на какую-то долю секунды расширились. Как будто искра пробежала между ними.

Ночная тьма была почти непроницаема. Свет фар приближающегося джипа высветил какое-то шествие призраков. Люди с всклокоченными волосами до плеч и густыми нечесаными бородами. Изможденные до предела, они несли оружие так, что казалось, оно давно уже стало частью их самих. В изодранных одеждах и прохудившихся сапогах они сидели вдоль дороги и неторопливо беседовали о своих подвигах и грядущих боях. Только что прошел дождь, и грязь доходила до щиколотки. Тогда они срубили несколько деревьев, чтобы не сидеть на мокром.

Вновь прибывшие подошли к группе и спросили Че Гевару. Они прибыли с донесениями из города. Это были компаньерос Сьерра и Диего.

Че стоял у костра. Он носил длинный черный плащ и рубашку с открытым воротом. На груди скрещивались патронные

ленты. Он опирался на винтовку. За поясом торчал трофейный револьвер. Патронов всего на четыре выстрела. Затем оружие можно было выбрасывать. Но эти четыре выстрела могли оказаться решающими.

Местный крестьянин подарил повстанцам свои сигары-самокрутки. Теперь они с гордостью попыхивали ими. Че просто не вынимал сигару изо рта. В эту ночь тлеющий огонек постоянно освещал его лицо.

В лагерь прибыли Сьерра и Диего. Они пришли предложить партизанам еще более широкую помощь. Доставить им одежду, боеприпасы, деньги.

Че помахал им. Отблеск костра, возле которого он стоял, и усы, свисающие вокруг рта, делали его издали похожим на восточного человека. Блики огня плясали на его лице.

— Он похож на Чингисхана, — прошептал Сьерра своему приятелю. Тот кивнул:

— Действительно похож.

Че слышал их слова. Он только усмехнулся, молча подал им руки и предложил сигару. Сам он, правда, сильно кашлял, затягиваясь, но это его совершенно не трогало.

— Во мне все отсырело, — сказал он больше самому себе.

Стоявшие рядом Сьерра и Диего закурили сигары. Во время бесконечных непрерывных переходов не было даже случая скинуть с себя все это тряпье.

Че вплотную приблизился к Сьерре и сказал:

— Так ты, парень, не согласен с аграрной реформой?

Сьерра оцепенел. Он не мог и слова вымолвить. Наконец он начал возражать:

— Нет. Конечно, я за аграрную реформу. Помещиков следует обложить таким высоким налогом, чтобы мы могли на их же деньги выкупить у них землю. Затем мы продадим землю крестьянам по ее реальной стоимости. Крестьяне получат также различного рода кредиты, чтобы они могли спокойно работать.

На шее Че напряглись жилы. Он так и впился глазами в лицо Сьерры.

— Чушь! Как только тебе это в голову пришло? Это же реакционный тезис. От людей, обрабатывающих землю, нельзя брать деньги за это.

Че выпустил клуб дыма в лицо Сьерры. Он чуть было не коснулся его сигары своей.

Тот так и взъярился:

— Ты что, хочешь все раздарить крестьянам? Чтобы они запустили землю и привели ее в негодность, как в Мексике? Человек должен чувствовать, что без труда он ничего не получит!

Че вскинул руки, как бы прося у неба прощения за свои слова.

— Проклятье! Да вы только послушайте его!

Задул холодный ветер. Сьерра потер руки, а Че запахнул плащ.

Сьерра еще раз попытался обосновать свою позицию.

— Че, я вполне понимаю тебя, но нельзя же действовать так открыто. Ты что думаешь, американцы сложа руки будут смотреть, как мы здесь столь явно двигаем революцию вперед?

Че в ярости швырнул сигару на землю. Она упала в грязь и, зашипев, потухла.

— Ах, так? Ты, оказывается, один из тех, кто считает, что революцию можно делать, прячась за спиной американцев. С самого начала мы должны превратить революцию в борьбу с империализмом не на жизнь, а на смерть.

Ветер задул сильнее, и Сьерра уже собирался прилечь, но Че схватил его за руку и сказал:

— Стоп! Это надо обсудить.

Их спор продолжался уже несколько часов. Постепенно Че заметно оживился. Он точно и конкретно рассказал о надеждах и чаяниях крестьян-бедняков. Кроме часовых, все бойцы спали крепким сном. От лютого холода — предвестника наступающего утра у Сьерры зуб на зуб не попадал. Че предложил ему еще сигару. Тот покачал головой.

— Спасибо. Нет. Я ее в зубах не удержу. Ну и холод! У меня руки окоченели.

— Хорошо. Пойдем спать.

Они легли, когда от земли уже клубилась первая утренняя дымка.

Че начал дремать, когда внезапно грохнул выстрел. Он тут же откатился в сторону, схватил винтовку и вскочил, готовый к бою. Но вскоре все разъяснилось: кто-то случайно выстрелил из дробовика. Несколько человек получили легкие ранения. Но у повстанцев теперь имелись врачи и медикаменты. Че мог не беспокоиться. Он вновь прилег.

На следующий день Че объяснил Сьерре и Диего, что они должны продолжать оказывать помощь повстанцам. Прежде всего следует достичь политического единства. Слишком много различных группировок работают без единого руководства, иной раз даже друг против друга.

— Кроме того, нам нужно много боеприпасов. Мы уже переломили хребет батистовской армии. Но при этом мы израсходовали дьявольское количество патронов. Трофеи тоже иссякают. Нам нужны оружие и деньги. Организуйте экспроприацию банка в Санкти-Спиритус.

В Сьерре, казалось, все восстало при мысли, что повстанцы займутся грабежом банка.

— Но, Че! На это мы не можем пойти. Это только отпугнет наших союзников, которые сами держат деньги в банке. Нам вовсе не нужно его грабить. Мы собрали уже пятьдесят тысяч песо для Повстанческой армии. Еще никогда у революции не было столько денег!

— Бредни! Почему ни один крестьянин не выступил против положения о том, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает? Почему против него выступали только помещики? Борющийся народ поддержит идею экспроприации банка, потому что ни у кого из них нет там даже сентаво. Конечно, спекулянты предлагают нам деньги. Это доходы от эксплуатации. Этими жалкими подачками они хотят заслужить нашу признательность. Они знают, что революция победит. Смешно! Просто-напросто смешно. Но пощады им не будет. Заберите из банка все деньги. Богатеи и так внесут свою лепту.

— Но, Че…

— Я, как революционер, беру на себя всю ответственность. Я готов по требованию Национального руководства Движения дать отчет о моих действиях перед любым революционным трибуналом. Я отчитаюсь за каждый полученный нами сентаво. Теперь идите! Все уже обговорено. Организовывайте экспроприацию!

Сьерра и Диего недоуменно посмотрели друг на друга и двинулись в путь.

Марио Эскалон Вердесия, крестьянин из провинции Ориенте, прошел с колонной Че весь путь. Некоторое время он шел рядом с Че. Команданте был задумчив, даже мрачен.

— Что случилось, команданте? Почему ты невесел? Ты посмотри только, после всех испытаний и боев мы подходим наконец к Санта-Кларе.

Че посмотрел на своего старого боевого товарища, несколько смущенно похлопал по своим патронным лентам и сказал:

— Фидель приказал нам взять Санта-Клару, и мы это сделаем. Но бой будет тяжелым. Люди устали, и их обувь совсем развалилась. Они стерли ноги до крови. Вооружены мы плохо. У нас всего в строю триста бойцов.

— Но мы закалены в боях. Мы выдержали тяжелейшее боевое крещение и до конца преданы делу революции.

— Гм, я это знаю. Моральный дух бойцов — вот наша истинная сила. Но в Санта-Кларе сосредоточено три тысячи батистовских солдат. Они хорошо вооружены и не измотаны длинными переходами. У них достаточно провианта. Есть

казармы, танки, самолеты, танкетки и бесконечно много припасов.

Че вновь зажег окурок сигары.

— Что мы можем сделать с их танками? Этот вопрос все время мучил меня. Похоже, что я теперь кое-что придумал. Вся проблема в том, что танк нужно остановить для того, чтобы мы могли уничтожить его.

— Мы можем вновь устроить ловушки для танков. У нас это здорово получалось.

— Правильно, Марио. Но на улицах Санта-Клары с этим ничего не выйдет. Он задумчиво вытер лоб.

— Нам нужны пальмы. Мы сделаем из них заграждение, и стволы будут крутиться под гусеницами танков, если те попробуют прорваться сквозь них.

— Точно, команданте, именно так и произойдет. А тогда: бух! Пока наши пальмы будут вращаться, мы закидаем их нашими гранатами.

Теперь настал черед смеяться Че. Не вынимая изо рта сигары, он похлопал Марио по плечу. Вот такими и должны быть повстанцы. Полными боевого задора и радости жизни.

Они шли между бесконечных плантаций сахарного тростника. Пальм почти не было видно.

— После революции нам надо будет посадить много деревьев, — сказал Че. — На этом острове они вырубили все под корень. Что для янки пальмы? Для них важен только сахар, и остров должен был подчиниться их желанию.

На дороге показался крестьянин. С трудом сдерживая радость, он кинулся навстречу колонне и захлопал в ладоши.

— Добро пожаловать! Вы остановитесь у меня. Я знаю, вы голодны и хотите пить. У меня есть корова. Я могу забить ее для вас. Это такая честь для меня!

Он чуть не плакал от радости. Его худая фигура была закутана в какие-то лохмотья.

Че пожал ему руку и поблагодарил за предложение.

— Так ты действительно тот самый знаменитый Че? Че кивнул.

— Меня зовут Че Гевара.

— Как я только дожил до этого момента. Они издевались надо мной. Били. Морили голодом. Отняли у меня детей. А я не мог даже слова сказать. Я для них только скот. Рабочий скот. Прогоните их к дьяволу! Выгоните их с острова. Вы можете это сделать. Они боятся вас. Эти палачи и убийцы дрожат от страха, когда слышат имя Че. Я старый, больной, измученный человек. Сражаться я уже не могу. Но вы сделаете это за меня. Я только

могу приютить вас и накормить.

Че согласился, но сказал:

— Не вздумай забить свою корову. Она тебе еще пригодится. Нам вполне хватит черных бобов и вареных бананов.

Крестьянин, обрадованный такой честью, бросился в свою хижину. Они с женой тут же начали готовиться. Вытащили все запасы. «Пусть ничего не останется. После прихода Повстанческой армии мы оказались на освобожденной территории, а революционеры никому не дадут умереть с голоду», — объясняла крестьянка Че. Не нужно больше делать припасы. Она с удовольствием приготовила вареные бананы и черные бобы для бойцов, которые были голодны и не знали, когда им в следующий раз предложат еду.

По всей территории была выставлена охрана. Часовые стояли во всех местах, имевших хоть какое-либо стратегическое значение. Только Эль Вакерито со своими «презирающими смерть» двинулся дальше. Он командовал авангардом. Лучшие бойцы считали большой честью для себя, если их принимали в этот отряд.

Маленький Эль Вакерито решил воспользоваться ситуацией и разведать местность.

— Ты так и рвешься в бой, старый разбойник, — подтрунивал над ним Че. Эль Вакерито кивнул, смеясь:

— Именно так. Поэтому-то я и примкнул к повстанцам.

— Скоро ты вновь будешь иметь возможность испытать свое мужество.

На небе ни облачка. Че сидел, прислонясь к рюкзаку. Он молча курил и писал послание Фиделю Кастро. Тут он увидел стаю стервятников. Повстанцы во время перехода вспугнули **их.** Двое компаньеров горячо спорили, можно ли этих птиц употреблять в пищу. Есть можно все, что летает, утверждал один. Другой же предпочитал лучше гореть в аду, чем есть этого мерзкого трупоеда.

Крестьянка подошла к Че и прошептала ему на ухо: «У меня для вас есть кое-что особенное. Именно потому, что вы — знаменитый Че. Я зарезала курицу и приготовила жаркое. Идите поешьте».

— Но, — сказал Че, — у вас же не хватит кур для всех моих людей.

— Конечно, нет. Я сделала это только для вас, потому что вы — команданте.

Че от всего сердца пожал ей руку. Эта женщина делала все с самым наилучшим намерением, но он не мог принять ее дар.

— Скушайте сами эту курицу. Я ничем не хочу отличаться от

остальных революционеров. Именно потому, что я команданте. Но я очень благодарен вам и вашему мужу за то, что вы нас встретили как друзей.

Крестьянка удивленно посмотрела на него.

— Но вы же и есть наши друзья! Че рукавом гимнастерки вытер пот с лица. На нем остались следы пыли. К грязи он привык и почти не замечал ее. Он никогда еще не чувствовал себя так хорошо. Теперь ему казалось, что у него действительно семь жизней. Он всегда был готов пожертвовать собой. Еще на «Гранме» он подготовил себя к этому, но только сегодня он свято поверил, что пуля для него еще не отлита. Никто на свете на остановит его теперь. Он переживал такой радостный миг. Во главе своей восьмой колонны он возьмет Санта-Клару. Здесь же сходятся все транспортные артерии страны. Кто владел Санта-Кларой, владел Кубой.

Раньше он никогда не бывал в этом городе. Но он столько знал о нем по открыткам и рассказам! Город окружала горная гряда. Здесь-то и расположились солдаты Батисты. Они были первоклассно вооружены и имели в своем распоряжении десять танков.

Че собрал вокруг себя бойцов. Он закурил, стремясь скрыть охватившее его радостное волнение.

— Так вот, мы пришли, чтобы взять штурмом Санта-Клару. В городе действуют много товарищей. Их диверсии не дают покоя батистовцам. Товарищи спрятали для нас большое количество патронов и приготовили бутылки с горючей смесью. Мы должны прорваться в жилые кварталы города, потому что войскам там будет крайне затруднительно использовать танки. Начнем мы с того, что возьмем в кольцо все стратегически важные пункты в городе. Основной удар будет направлен против бронепоезда. Надо преградить все пути, ведущие в центр города, а затем не дать ему уйти.

Че увидел, как засверкали глаза бойцов. Они крепче сжали в руках оружие. Винтовки большей частью были совсем новыми. По пути сюда вконец разложившиеся и разбегающиеся в панике солдаты или добровольно отдали свое оружие, или же просто-напросто бросили его. Огневая мощь Повстанческой армии еще никогда не была так велика.

— Батиста, мы идем!

— ¡Patria o muerte!

— ¡Venceremos![15]

В университетский городок они вошли без боя. Че организовал здесь центральный командный пункт. Естественно, он стремился создать как можно больше небольших командных

пунктов, располагающихся ближе к центру города. Жители начали осторожно выходить из домов и наблюдать за поведением повстанцев. Многие вели себя выжидающе, но большинство ликовало.

Пожилой человек с криком бросился к Че:

— Дайте мне оружие! Я тоже хочу сражаться. Я хочу убивать этих скотов! На их совести мой сын.

Виолета Берлис Гутьеррес хранила в своем доме пустые бутылки. Она сумела собрать их несколько сотен, хотя и была крайне перегружена подпольной работой для «Движения 26 июля». Теперь они оказались весьма кстати. Че тут же приказал начать изготавливать самодельные гранаты. Раздобыли бензин. Всем желавшим помочь объяснили, что нужно делать.

— Материя! Нам нужно много материи! Берите все, что под рукой! Мешки, одежду. Все пойдет!

В некоторых домах уже начали готовить бутылки с горючей смесью. Резко запахло бензином. Люди носились взад-вперед с бутылками и канистрами. Казалось, что готовится открыться какой-то новый рынок.

Стрельба доносилась почти из всех районов. На крышах мелькали силуэты вооруженных людей. На лицах — вера в победу. Некоторые батистовцы попытались напрямую вырваться из города. Но только немногие сумели скрыться. Большинство было схвачено и обезоружено взбудораженной толпой.

Вот уже установлены первые ловушки для танков. В одну из них попал танк. В узком проходе между домами мало проку от его пушки. С крыш домов в него полетели бутылки с горючей смесью. Со звоном они разбились о броню. Языки пламени лизали танк со всех сторон, но он продолжал казаться неуязвимым. Внезапно люк распахнулся, и из него высунулся солдат. Он прицелился из автомата в повстанцев, бегущих по крышам домов в укрытие. Он дал по ним несколько очередей. Все мимо. Но пристреляться ему не удалось. Пуля, выпущенная Че, размозжила ему череп. Его медленно осевшее тело втащили обратно в танк. Пушка бессмысленно закрутилась между домами. Затем она резко взвилась вверх, подобно хоботу вдруг затрубившего слона. Экипаж танка открыл беспорядочную стрельбу по крышам домов на другой стороне улицы.

Загрохотали пулеметы. Молодой, никому не известный боец, по всей вероятности, житель города, всего несколько часов назад примкнувший к повстанцам, спрыгнул с крыши на танк. Высоко над головой он поднял две бутылки с горючей смесью. Но казалось, он не торопился швырнуть их. Широко расставив ноги над люком, он заглянул внутрь и кинул туда обе бутылки.

Раздались крики. Повстанцы на крышах выбежали из укрытий и направили винтовки на аварийный люк. Один батистовец, у которого уже занялась одежда на спине, попытался скрыться. Храбрый юноша, уничтоживший танк, поднял руки и ликующе закричал:

«Получилось! Получилось! Мы побеждаем!»

Буквально через несколько минут пуля пробила ему лопатку. Че доставил его во временный полевой госпиталь. Он хотел там поговорить с ранеными и подбодрить их. Бойцы, лежавшие здесь, получили тяжелые ранения. Некоторые из них были без сознания, другие уже агонизировали.

Че взял за руку умирающего бойца. Тот хотел ему что-то сказать. Че склонился над ним, чтобы лучше слышать.

— Помните, команданте, вы забрали у меня винтовку, потому что я случайно выстрелил из нее. «Добудь себе другую! — сказали вы мне. — Иди на бой в первых рядах и отними оружие у врага…»

На искаженном болью лице бойца мелькнула улыбка.

— …и я добыл себе оружие. Я взял его в бою…

Компаньеро умер на руках у Че.

У подножия горы Капиро повстанцы встретили ожесточенное сопротивление. Там стоял бронепоезд. Все дороги, ведущие в центр города, были уже перерезаны. Бронепоезд мог уйти в город только задним ходом. На окраине Че выбрал место и приказал развороти́ть там железнодорожную колею. Здесь бойцы собирались покончить с бронепоездом.

— Они думают, что эта консервная банка здорово защитит их. Но годна она только на то, чтобы те могли стрелять из своих щелей по безоружному противнику, как это делали колонизаторы с индейцами на Диком Западе. А мы подберемся к ним вплотную. На каждой крыше, за каждым углом их будет подстерегать революционер, вооруженный бутылкой с горючей смесью. Благодаря бронированной обшивке бронепоезд превратится в раскаленную печь. Им придется или жариться на противне, или сдаться в плен.

Восемнадцать бойцов заняли позиции. Сюда подтащили бутылки и ящики с патронами. Именно здесь решался исход битвы.

Когда команда бронепоезда увидела, что гора Капиро окружена, она предприняла попытку увести его.

Че вытер потные руки о штаны и тверже сжал винтовку. По рядам бойцов прошел шепот.

— Они идут. Бронепоезд приближается. Сейчас все решится!

Че знал, что батистовские вояки пока еще чувствуют себя в бронепоезде в полной безопасности. Они воображали, что

фактически уже покончили с кучкой мятежников. Первые дома вблизи рельсовой крестовины имели вполне мирный вид. Вокруг не было видно ни одного человека. Внезапно произошел резкий толчок. Раздался страшный лязг. Последовало несколько глухих взрывов. Паровоз и несколько вагонов сошли с рельсов. Тут со всех сторон полетели бутылки с бензином, обернутые вокруг горлышка горящими тряпками.

Из верхних бойниц вагонов на повстанцев обрушился настоящий каскад огня. Революционеры почти не могли попасть из винтовок в эти крошечные щели. Они в основном использовали бутылки с горючей смесью.

Че уже несколько раз призывал солдат безоговорочно капитулировать, но те продолжали ожесточенно сопротивляться. Только когда деревянный настил под их ногами начал тлеть, команда бронепоезда наконец сдалась. Под конвоем повстанцев, с поднятыми руками шли триста восемьдесят солдат и двадцать восемь офицеров. С них ручьем тек пот, некоторые рыдали.

Им ничего не сделали. Конвой состоял из трех повстанцев, но никто из пленных не рискнул бежать.

Че велел пересчитать трофеи — шесть фаустпатронов, пять гранатометов, четырнадцать пулеметов, тридцать восемь винтовок, триста восемь карабинов, пушка и скорострельное орудие. Теперь в их распоряжении было достаточно оружия, чтобы дать бой остаткам батистовской армии.

В гостинице «Гранд-отель» засели двенадцать сотрудников военной контрразведки. Отель был самым высоким зданием в Санта-Кларе. Перед ним раскинулась широкая центральная площадь города. С верхнего этажа открывался вид на многочисленные улицы Санта-Клары. Двенадцать человек, засевших там, были хорошо обученными снайперами из наводившей на всех страх и ужас секретной службы СИМ. Из своих винтовок с оптическим прицелом они косили ряды повстанцев. У них был отличный сектор обстрела. Вне всякого сомнения, они решили биться до конца, ибо были самыми ненавистными людьми в городе. На их счету убийства, пытки, насилия. Они являлись самыми настоящими бандитами и не могли рассчитывать на пощаду.

Агенты секретной службы засели на двенадцатом этаже. Там находились ресторан и кухня. Недостатка в патронах и продовольствии они не испытывали.

Партизаны, заняв позиции вокруг рыночной площади, вели оттуда огонь по окнам верхнего этажа отеля. Вскоре в нем не осталось почти ни одного целого стекла. Только в самом низу уцелела роскошная витрина у входа. Но пересечь площадь им

никак не удавалось. Тогда Че решил использовать тяжелое трофейное вооружение, чтобы прикрыть огнем своих бойцов.

На рассвете он подъехал в танкетке к отелю. Из крупнокалиберного пулемета дал несколько очередей по верхнему этажу. Со стен посыпалась штукатурка. В них появились пробоины. Облако дыма и пыли закрыло двенадцатый этаж. Вот какое прикрытие нужно было партизанам. Че дал приказ начать атаку. Теперь бойцы беспрепятственно прорвались через площадь перед отелем.

Штурмуя лестницы, повстанцы прикрывались матрасами, сорванными с кроватей. Потом они зажгли их, чтобы выкурить последних батистовцев.

Как главнокомандующий вооруженными силами в провинции Лас-Вильяс, Че сообщил о победе в ставку: «Санта-Клара полностью в руках Повстанческой армии».

Он ждал дальнейших приказов. Сигара бессильно болталась между пальцами. Голова устало свесилась на грудь. Еще немного, и он зарыдал бы.

К нему подошла Алеида и спросила:

— Что случилось, Че? Мы же победили. Почему ты так опечален? Она ободряюще погладила его по голове. Он затянулся сигарой и сказал:

— Сейчас я должен сообщить народу Кубы горькую весть. Погиб один из наших лучших и храбрейших бойцов — Эль Вакерито. Молодой капитан, командовавший отрядом «презирающих смерть».

— Нет! — закричал молодой повстанец, случайно оказавшийся рядом. — Нет, это неправда! Эль Вакерито не… — Его голос сорвался. Из глаз брызнули слезы.

— Да, — сказал Че, — он погиб. Порой мне кажется, что из жизни ушла сотня наших лучших бойцов.

— Знаешь, — плачущим голосом сказал молодой компаньеро, — я тогда еще не участвовал в боях. Я только от других знал, как вы эту казарму… знаешь какую… хотели атаковать. И тут Эль Вакерито пошел туда и сказал им, чтобы они сдавались. Они ответили, что сперва должны посоветоваться. После того он сказал вражеским солдатам: «Хорошо. Совещайтесь. А я пока вздремну». Он лег и заснул. Это настолько деморализовало их, что они сдались в плен, хотя обладали огромным превосходством в силах. Это правда? Скажи мне, это правда, команданте? Он был таким лихим парнем. Я не могу поверить, что они его…

Через некоторое время, когда жители вышли на улицы и чествовали повстанцев, пришла весть, что Батиста бежал.

«Мои мечты не знают границ»

Только к полудню 1 января 1959 года Фиделю удалось связаться с ним по телефону.

— Че, говорит Фидель. Ты, конечно, уже слышал, что Батиста бежал. Настал критический момент. Мы должны закрепить победу. В Гаване произошел государственный переворот, вернее, это пародия на него. Генерал Кантильо подобрал пару-тройку прожженных политиканов и несколько дряхлых членов Верховного суда, которые и провозгласили его главой государства. Все это организовано посольством США. Он, правда, не обладает реальной властью, но мы все равно должны действовать. Нам необходимо как можно скорее занять столицу. Это поручается тебе и Камило. Камило уже получил приказ занять военный лагерь «Колумбия». Ты же займешь второй по величине лагерь — «Кабанья». Я немедленно выезжаю на радиостанцию, чтобы огласить призыв к всеобщей забастовке. Желаю успеха!

На следующий день Че и Камило во главе своих колонн вступили в Гавану. Население восторженно приветствовало их. Освободителей встретили ликующими криками. Призыв к всеобщей забастовке нашел самый широкий отклик.

Находившиеся в лагере «Колумбия»— главной ставке Батисты — двадцать тысяч солдат сдались без единого выстрела. Че занял Гавану, не встретив фактически никакого сопротивления. Путч Кантильо потерпел позорный провал.

Через два дня после вступления Че в Гавану корреспонденту уругвайской газеты «Эль Паис» удалось взять у него интервью.

— Нет, я не войду в правительство, — категорично и ясно заявил Че. — Я всего лишь команданте революционной армии, и, когда ситуация нормализуется, я вновь стану гражданским лицом и посвящу себя своей профессии. Я хотел бы тогда уехать в Аргентину и немного отдохнуть от тягот двухлетних боев.

— А когда же ситуация нормализуется? Че только пожал плечами.

Че пригласил на обед своего старого приятеля Селайю. Теперь он был военным комендантом «Кабаньи».

Когда Селайя вошел в маленькую комнату с видом на море, Че сидел на походной раскладушке, широко расставив ноги, и чистил свой револьвер 45-го калибра. Комната была примерно метров двенадцать, у стен две железные койки, между ними небольшой шкаф и старое зеркало. Повсюду лежали книги. В стену был вбит большой гвоздь. На нем висел автомат. Над ним

черный берет с маленькой звездочкой.

— Садись, старый каторжник, и рассказывай, что тебе довелось вынести. У нас здесь чудесный вид на море. Давай наслаждайся им. Ты ведь довольно просидел за решеткой после того, как они сцапали тебя вскоре после высадки с «Гранмы». Или это не так?

— А, пустяки! Мне здорово повезло, меня не расстреляли, как других ребят с «Гранмы». Меня отдали под суд, видимо, потому, что я мексиканец. Батиста хотел доказать, что налицо международный заговор против него.

— Сколько тебе дали?

— Шесть лет. Судья с издевкой спросил меня, почему я, будучи мексиканцем, вздумал сражаться за освобождение Кубы. Я процитировал слова Хосе Марти о том, что человек, для которого понятия «справедливость» и «честь» что-нибудь да значат, должен сражаться за свободу везде, где над ней нависла угроза.

— Я слышал, ты еще пытался распространить сокращенный вариант речи Фиделя «История меня оправдает».

— Да, я пытался это сделать. Они, по-видимому, испугались, что вы пойдете на штурм тюрьмы, поэтому меня и выслали в Мексику. Я тут же начал оказывать помощь «Движению 26 июля» в Сальвадоре, Гватемале и Гондурасе.

— Насчет истории с посольством — это правда?

— Да, 1 января я находился в Тегусигальпе вместе с несколькими кубинскими компаньерос. Узнав по радио о бегстве Батисты, мы решили занять кубинское посольство. Это оказалось легче легкого, но тут прибыла полиция, и нас забрали. В тюрьме я потребовал предоставить мне возможность поговорить с президентом. Эти типы выпучили глаза, и кто-то из них заявил даже, что я рехнулся. Офицер спросил меня, уж не являюсь ли я закадычным другом президента. «Тонко подмечено, — ответил я, — в эмиграции президент часто гостил у нас». Офицер счел разумным позвонить в приемную президента. Вернувшись, он отсалютовал нам так лихо, как, видимо, никогда еще в жизни не делал. Мы побеседовали с президентом, и через час военный самолет с нами на борту взял курс на Гавану.

— А что тебе еще довелось пережить в Центральной Америке? Я слышал, ты много сделал для «Движения 26 июля».

Че заставил Селайю подробно рассказать о своей деятельности, а затем очень серьезно спросил:

— Твои родители написали мне. Вот уже несколько лет они не получают от тебя никаких вестей. Почему?

— У меня не было времени. Я постоянно находился в разъездах, выполняя задания Движения.

— Революционер не должен забывать о родителях. Всегда можно выкроить немного времени для семьи.

— Но, Че, ты же знаешь, как я был занят…

— Ты только не оправдывайся. Всегда есть время черкнуть пару строк.

— Может, ты и прав. Но сам-то что делал в Мексике? Ты что, писал тогда своим родителям? По-моему, ты потерял всякий контакт с семьей?

Че улыбнулся.

— Да, мне следовало бы почаще писать.

В «Кабанье» зазвонил телефон.

— Эрнесто, ко мне приехал друг из Чили, лидер социалистической партии, очень хотел бы с тобой познакомиться. У тебя есть время? — спросил Карлос Рафаэль Родригес.

— Что? К тебе приехал Сальвадор Альенде? Для кого другого, а для него у меня всегда есть время. Я еще должен его отблагодарить.

— Ты его знаешь?

— Лично, к сожалению, пока нет. Но я ему многим обязан. Передай, что буду очень рад.

Когда Альенде вошел, Че лежал на кровати. В руке он держал ингалятор. Жестом он попросил гостя немного подождать. Испуганный Альенде уже хотел звать на помощь. Но Че движением руки пригласил его сесть.

Через некоторое время он поднялся. Это потребовало от него больших усилий.

— Добро пожаловать, компаньеро Альенде. Как видите, моя астма дает мне жару.

— Рад познакомиться. Видя, какой у вас приступ, я с трудом представил себе, что вы так долго сражались в Сьерре. У вас там тоже были такие тяжелые приступы?

— Да, и довольно часто. Но я уже привык к ним. Хочу поблагодарить вас за рекомендательное письмо адвокату в Гуаякиле, которое вы дали Рикардо Рохо.

— Какое рекомендательное письмо? Я что-то не припомню.

— С тех пор прошло почти семь лет. Благодаря вам я смог выехать тогда в Гватемалу, хотя вообще-то собирался в Венесуэлу. Кто знает, может быть, без вашей поддержки я до сих пор работал бы в каком-нибудь лепрозории в Венесуэле.

Альенде отмахнулся.

— Не стоит даже говорить о такой мелочи. Но скажите, тут кое-кто называет вас коммунистическим заправилой этой революции. Так что же, выходит, я заправлял самим заправилой? Какая честь для меня!

Оба рассмеялись.

— Что будет дальше на Кубе, компаньеро Гевара? Все революционеры в Латинской Америке с напряженным вниманием следят за развитием событий. Попытка посла США установить режим Батисты только без него самого полностью провалилась. С генералом Кантильо ничего не вышло. А что теперь? Фидель Кастро назначил премьер-министром Миро Кардону. Это — адвокат-реакционер, защищавший убийц профсоюзного лидера Хесуса Менендеса и делавший это по убеждению. Он известен своими проамериканскими симпатиями. Многие его министры — известные старые политиканы, которые никогда не проявляли особого рвения в борьбе с Батистой. Только немногие бойцы из «Движения 26 июля» вошли в правительство. Неужели целью всей борьбы было лишь изгнание Батисты? А что же дальше?

— А дальше посмотрим! Но позвольте мне объяснить ситуацию. Батиста бежал. Но это еще не означает, что весь режим уничтожен. Скорее, наоборот. С другой стороны, режим Батисты деморализован, у него нет опоры среди населения. Это с особой очевидностью выявилось два месяца назад, когда Батиста попытался сделать хитрый ход, чтобы укрепить свои пошатнувшиеся позиции. Он решил провести всеобщие выборы, стремясь придать своей диктатуре демократическую окраску. И знаете, сколько людей приняло в них участие? Не набралось и двадцати процентов от общего числа избирателей, и это при том, что все они обязаны были участвовать в выборах.

На основании этого вы можете судить, как сильно население поддерживало нашу борьбу. Но это еще не означало окончательной победы. Мы знаем, как настойчиво посол США требовал от Батисты покинуть страну, чтобы образовать правительство, которое было бы угодно гринго и при этом пользовалось популярностью у населения. Но здесь нам, можно сказать, здорово повезло. Батиста заупрямился и не пожелал уступать своего места.

— Все очень интересно, — перебил его Альенде, — но это же ничего не объясняет!

— Напротив. Разве опасность переворота устранена? Нет. Здесь, в «Кабанье», вы видите только бойцов Повстанческой армии. Но поезжайте в военный лагерь «Колумбия», бывшую главную ставку Батисты. Только там сосредоточено двадцать тысяч его вооруженных солдат и офицеров. Ну хорошо, они сдались повстанцам. Но сколько у Камило бойцов в этом лагере? Всего пятьсот человек. Правда, каждый батистовец церемонно отдает честь первому встречному барбудо,[16] но какое же это соотношение сил? Почти повсюду в стране армия Батисты

сохранила свое вооружение. Полиция тоже. Мы должны действовать осторожно. Во всяком случае, новых попыток переворота пока не было, и речь идет о том, я повторяю, речь идет о том, кто в этом государстве стоит у власти!

— Итак, вы полагаете, что назначение Кардоны было всего лишь маневром со стороны Фиделя с целью избежать попыток переворота?

— Я этого не говорил. Но позвольте мне еще кое-что объяснить. Каковы наши ближайшие задачи? Во-первых, мы привлечем к ответу бандитов из различных секретных служб Батисты. Они творили произвол, убивали, пытали, насиловали. За семь лет диктатуры погибло около двадцати тысяч человек. За это все каждый из них понесет наказание. Этого требует и население, которое не поймет снисхождения к преступникам. А что потом? Мы должны распустить армию и полицию Батисты. Пока они существуют, власти у нас нет!

— Но почему же? Армия капитулировала. Разве она не может служить новому правительству? Ну хорошо, у вас есть Повстанческая армия, родившаяся в боях. Но сколько в ней человек? В вашем распоряжении всего лишь около трех тысяч вооруженных бойцов. Вы могли бы слиться со старой армией. А зачем распускать полицию? Преступников нужно, конечно, привлечь к ответу. Ну, а дорожный полицейский, он-то при чем?

— Армия, полиция и секретные службы были основной опорой Батисты. В армии и полиции у нас довольно много компаньерос, — заметил Че не без удовлетворения, — но в общем и целом там служат не революционеры, а люди, воспитанные в духе приверженности диктатуре. Они теперь разбиты и деморализованы, но в принципе их можно использовать против нас.

Он сделал паузу.

— По-моему, компаньеро Альенде, вы настроены скептически?

— Честно говоря, да. У нас в Чили к этому совсем другое отношение. Наша армия и наши карабинеры настроены патриотически и мыслят сугубо профессиональными категориями. У нас существует давняя традиция невмешательства вооруженных сил в политическую жизнь.

Взгляды Альенде вызывали резкое возражение Че.

— Как вам известно, я был в Гватемале. И что же я там пережил? Якобы аполитично настроенная армия подняла мятеж против правительства, которое законно пришло к власти и проводило реформы, предусмотренные конституцией. Хакобо Арбенс, сам полковник этой армии, поклялся, что она обеспечит

поддержку реформам. Народ, избравший его, хотел видеть правительство, проводившее реформы, шедшие вразрез с интересами мощных американских концернов. Когда же США почувствовали угрозу своим интересам, то больше не стало существовать ни конституционного правительства, ни аполитичной армии, и начались убийства и пытки. Нет, я считаю, что армии, не вмешивающейся в политику, вообще не существует, во всяком случае там, где стремятся провести глубокие социальные преобразования. Вооруженные формирования, будь то армия или полиция, должны преследовать те же политические цели, что и правительство. Я могу только процитировать одного из моих любимых авторов — Ленина: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться…»[17]

Да, вооруженные силы обязаны защищать революцию. Если мы будем исходить из того, что армия будет спокойно стоять в стороне, пока мы проводим реформы, то тогда мы погибли.

— Ну, здесь можно поспорить. Чили дала мне совсем другой урок. Я даже считаю, что армия может внести важный вклад в экономическое развитие страны. Но оставим эту тему. Каковы ваши ближайшие задачи?

— Я остаюсь команданте. Кроме суда над батистовскими палачами, мы распустим армию и полицию и создадим революционную армию и революционную полицию. Это далеко не просто, поскольку одно дело — сражаться в рядах партизан с регулярными войсками, а другое дело — формировать армию, которая будет защищать страну. Мы должны учитывать и возможность агрессивных действий США. Поэтому весь народ должен быть подготовлен к ведению войны против интервентов. Мы создадим народную милицию. В мои функции входит политическая подготовка. Я хочу сделать все, чтобы наша новая армия целиком была на стороне революции. И в этом я полностью солидарен с новым министром обороны, Раулем Кастро. Если мы хотим чего-нибудь достичь с помощью этой революции, мы должны уметь защищаться.

— Это звучит так, как будто имеется общий план проведения социалистической революции классического образца! Что, на Кубе происходит именно такая революция?

— Сейчас вам этого не скажет никто. Могу только заверить, что наша революция — это вовсе не обычный дворцовый переворот, когда одна клика оттесняет от кормушки другую. Нет, Фидель Кастро желает глубоких перемен, и он является, бесспорно, вождем этой революции. Нищета и голод, трущобы и проституция, засилье иностранных концернов в экономике — все эти проблемы, затрагивающие большинство народа, должны быть

решены. Этого хочет и «Движение 26 июля», или, точнее, его большинство. Произойдет ли социалистическая революция? Многие бойцы не желают ее, но, я думаю, им ничего другого не остается, если они хотят претворить свои мечты в жизнь. Нам нужно посмотреть, как развернется процесс преобразований.

— Таким образом, Фидель и другие лидеры «Движения 26 июля» не являются социалистами или коммунистами?

Че неопределенно развел руками.

— Они твердо убеждены, что в нашей стране многое, очень многое нужно изменить. А разве это не главное? Если последовательно придерживаться этой линии, то мы станем свидетелями настоящей революции на Кубе!

Сразу же после победы революции Ильда с дочерью прилетели на Кубу. Повозившись всласть с дочкой и уложив ее спать, Че сразу принял серьезный вид. Он сообщил Ильде, что познакомился с другой женщиной, с которой хотел бы связать свою судьбу. Это Алеида Марч.

Ильда была потрясена. Че видел, что она с трудом сдерживает слезы.

— Она моих лет?

Че не ответил. Ильда продолжала:

— Я должна была на это рассчитывать… Я же на десять лет старше тебя. Ты, правда, постоянно повторял, что тебя это не трогает, но годы не вернешь.

— Ильда, дело не в этом, поверь мне… Я… Тут у нее на глазах появились слезы. Она дала волю своим чувствам.

— Я не противилась, когда ты захотел отправиться в эту экспедицию на «Гранме». Это было нелегко. Мне одной пришлось заботиться о нашем ребенке. Я не знала, увижу ли тебя еще когда-нибудь… Я не хотела тебе мешать, но ты не думай, что мне жилось легко и просто. Ты даже представить себе не можешь, сколько раз мне сообщали, что ты погиб… В Ла-Пасе у меня был из-за этого нервный шок, и мне пришлось обратиться к врачу. Этот постоянный страх за тебя и ребенка… Я переехала в Аргентину к твоим родителям, потому что я чувствовала себя такой одинокой и…

У Че комок подступил к горлу. Он столько раз думал о ней, когда шли бои. Теперь, когда она стояла перед ним и, плача навзрыд, рассказывала, как она жила в годы одиночества, ему казалось бесчеловечным расставаться с ней. Но что толку обманывать ее. Он не хотел омрачать ложью свою жизнь. Им нужно вместе пройти через это.

Может, — сказал он, — может, было бы лучше, если бы я погиб в бою.

Ильда пристально посмотрела на него и энергично замотала головой.

— Нет, нет! Хорошо, что ты жив, Эрнесто. Ты можешь еще столько сделать для революции. Ты очень нужен. Я тоже хочу жить на Кубе и помогать строить новую жизнь. Давай останемся друзьями!

Теперь его глаза тоже наполнились слезами. Он обнял ее и прижал к себе.

— Прости меня, Ильда, прости меня! Она высвободилась из его объятий и предложила подать на развод, чтобы все встало на свои места.

Он смущенно кивнул. Он охотно сказал бы еще что-нибудь, но приходившие на ум слова казались неуместными и пошлыми. Некоторое время они молча сидели рядом и смотрели друг на друга. Потом Че поставил воду на огонь, чтобы вскипятить чай.

Нет, нет, писать надо осторожней. Че уже стал легендой.

Как раскрыть всю сложность и противоречивость этого человека? Он не хотел поддаваться искушению и делать из него живой монумент. Он начал вспоминать. Тогда, когда он осознал, что жизнь — вещь сложная, в нем пробудилось желание выбрать себе в качестве ориентира какую-нибудь личность…

Он стал искать честного политического деятеля. Человека, в котором можно было бы не сомневаться. Он прочел сказанное Сартром о Че Геваре: «Я думаю, что он был не только интеллектуалом, но и самым совершенным человеком нашей эпохи».

Он счел это чрезмерно громкой фразой, но все же повесил это хлесткое изречение на стену. Тогда он начал, сперва, правда, бессистемно, собирать материалы о Че Геваре. Почему бы. в конце концов, не попытаться найти в прошлом другого человека оправдание собственному существованию? Почему бы не выяснить, как другие справлялись с собственными проблемами и трудностями?

Многие уже брались писать о Че Геваре. Авторы биографий, желавшие сознательно оболгать его, пытались заниматься изучением его личности. Другие же, напротив, хотели ограничиться исследованием только политического аспекта и не видели в нем человека. Для них его жизнь как бы распадалась на две части, четко отделенные друг от друга: общественную, политическую, с одной стороны, частную, недоступную для других — с другой.

Как можно научиться чему-либо у другого человека?

Он начал искать исходные данные.

Наконец прибыл долгожданный самолет кубинской

авиакомпании. Сколько времени он не видел своих родителей! За это время он уже стал знаменитостью, легендой. Но несмотря на это, его родители остались просто его родителями, а он их сыном. Их очень тревожило его будущее и состояние его здоровья.

Он бросился им навстречу прямо на взлетной полосе.

— Мама! Папа!

Тэтэ!

После первых бурных объятий отец сразу же спросил:

— Что ты будешь теперь делать? Как быть с твоей профессией врача? Твоими медицинскими познаниями?

Че был слегка разочарован. Он рассчитывал, что его будут расспрашивать совсем о другом. О победе революции. О трудностях борьбы за нее.

Некоторое время он медлил и был довольно мрачен, но затем радость встречи возобладала. Может быть, родители и должны быть именно такими? Может быть, они во всем мире одинаковы? Кто знает, быть может, родители русских революционеров после победы революции спрашивали своих сыновей и дочерей, не застудили ли они свои ноги? При мысли об этом он улыбнулся и ответил на вопрос отца:

— Мои медицинские познания? Что я с ними буду делать? Погляди, старина, тебя ведь, как и меня, зовут Эрнесто Гевара. Я дарю тебе мой диплом. Ты спокойно можешь вывесить на здании твоей строительной компании табличку со своим именем и надписью «врач». И можешь затем без всякого риска для себя калечить людей.

Че сам больше всех смеялся над собственной шуткой. Но отец вновь насел на него.

— Ну хорошо, если для тебя это так важно. Я уже давно не занимаюсь медициной. Я теперь борец, помогающий строить новое общество.

— Да, но что будет с тобой? У тебя же должны быть какие-то планы дальнейшей жизни. Революционер — это же не профессия.

— Что будет со мной? Я не знаю. Я даже не знаю, где в один прекрасный день похоронят мои останки.

Отец Че прямо горел желанием осмотреть все те места, где сражался его сын. Он хотел в Сьерру, в Санта-Клару, в Уверо…

— И конечно, я охотно посмотрел бы место, где причалила «Гранма».

Че закурил новую сигару и кивнул:

— На мой взгляд, прекрасная идея. Я, конечно, не смогу поехать с тобой, слишком много дел. Но я могу дать тебе человека, который участвовал во всех боях. Он знает все пути, ведущие туда, и расскажет массу историй.

— Отлично!

— Но тебе придется оплатить бензин и еду для вас обоих.

— Ты что, серьезно?

— Конечно.

— Тэтэ, у меня нет с собой столько денег.

— Тогда ты не сможешь поехать. Может быть, в другой раз. Уж не думаешь ли ты, что я из тех, кто может свободно распоряжаться государственными средствами. Я получаю твердый оклад, и все.

Еще два раза отец пытался уговорить сына, но Че был непреклонен. Никаких послаблений. Зато он постарался как можно лучше показать отцу облик новой Кубы.

Через несколько дней он уже прощался с ними в гаванском аэропорту «Ранчо Бойерос».

Внезапно к ним подошел какой-то аргентинец.

— Извините, вы команданте Че Гевара? Че кивнул.

— Тогда позвольте мне как земляку пожать вам руку.

Че засмеялся и крепко пожал ему руку. Тот вытащил из кармана небольшую тетрадку и произнес:

— Не могли бы вы дать мне автограф?

Иначе никто в Аргентине не поверит, что я в самом деле видел вас.

Че резко повернулся к нему спиной и продолжил разговор со своими родителями. Однако аргентинец продолжал нетерпеливо вертеть тетрадкой перед его носом.

— Нет, — сказал Че, — я не кинозвезда.

Он вновь взглянул на документ, лежащий перед ним на письменном столе. 7 февраля 1959 года он был принят новым кубинским правительством. Вновь вступила в силу конституция 1940 года, отмененная диктатором Батистой. С учетом новой ситуации в нее были внесены небольшие изменения и дополнения. Еще раз он прочел статью XII, которая начиналась словами: «Коренными кубинцами являются…», а заканчивалась так: «…те иностранные граждане, которые сражались против диктатуры в рядах Повстанческой армии в течение двух или более лет и при этом по крайней мере год носили звание команданте».

Че знал, что имелся один-единственный иностранец, к которому относилось это постановление. Он испытывал чувство гордости и благодарности. До него лишь один иностранный подданный удостоился такого отличия. Это был Максиме Гомес, который в XIX веке рисковал жизнью в двух войнах против испанцев за независимость Кубы и даже встал во главе восставших.

О высшей награде он не мог и мечтать.

Нет, он отнюдь не жаждал стать президентом Национального банка. Но, с другой стороны, он сознавал, что должен сражаться там, где нужен революции. И он согласился занять эту должность. Одетый в потрепанную форму бойца «Движения 26 июля», засучив рукава и даже не причесавшись, пришел он в банк. Естественно, он был вооружен.

Через два дня Че позвонил Сальвадору Виласеке.

— У меня теперь новая работа.

— Я уже прочитал об этом в газете. Это вызывало бурю страстей. Здесь люди буквально брали банки с боем, чтобы снять со счетов свои деньги.

— Ну, естественно. Люди думали, что уж коли президентом Национального банка назначают человека с репутацией радикала, значит, жди беды. Но в данном случае это не так.

— Я читал также твое заявление в газете «Революсьон». Речь фактически идет о том, чтобы взять под жесткий контроль внешнюю торговлю и приостановить ввоз импортных изделий.

— Вот именно, Виласека. Мы должны следить за тем, на что расходуются запасы нашей валюты. Цены на сахар сильно упали, и валюта нам требуется на создание промышленности, а не на предметы роскоши. Вот в чем заключается моя задача. Или, точнее говоря, наша задача.

— Наша?

— Я хочу спросить, а не хочешь ли ты стать вторым человеком в банке. Во время нашей экспедиции ты произвел на меня хорошее впечатление.

— Че, но я же ничего не понимаю в банковском деле!

— Будь спокоен, я тоже.

— И как ты себе все это представляешь?

— Мы вместе войдем в курс дела. Поговорим с экспертами и служащими банка. В частности, с теми, кто сочувствует революции, но не только с ними. Я не хочу полагаться только на одних экспертов. Нам придется очень много читать. Ты сам увидишь, что предстоит очень трудная работа, ибо мы не можем действовать дилетантски. Но если мы будем учиться, то справимся с ней.

— Звучит красиво.

— Я знал, что ты не откажешься. Проходило обычное собрание акционеров Национального банка. На повестке дня стояло обсуждение финансового плана на будущий бюджетный год. Председательствовал Че.

— Переходим к пункту «Разное». Какие будут предложения, господа? Он оглядел собравшихся.

— Если у вас нет никаких предложений, то рассмотрим тогда одно небольшое дело. Я предлагаю сократить оклад президента Национального банка с четырех тысяч до тысячи двухсот песо. Мера экономии, смысл которой вам всем ясен, а посему объяснений не требуется. Прошу высказываться.

Банкиры смущенно посмотрели друг на друга. Его радовало их удивление. Кто-то робко спросил:

— Разве тысяча двести песо — это подобающий оклад для вас как президента Национального банка Кубы?

— Во-первых, этот оклад предназначен не мне, поскольку я не возьму ни одного сентаво из этих денег. Я — команданте Повстанческой армии, получаю там свое жалованье, и его мне хватает. Во-вторых, этот все равно довольно высокий оклад предназначается моему преемнику, у которого, возможно, не будет никаких других доходов и которому придется жить на эти деньги. Это вполне приличный оклад. Он все равно гораздо выше среднего дохода. Есть еще вопросы?

Вопросов больше не было. Была принята резолюция.

— Так, господа. Вы также очень много говорили о необходимости экономии. Я предлагаю теперь в равной степени уменьшить оклады членов Наблюдательного совета и руководящих служащих. Немедленно был задан вопрос: «Только лишь руководящих служащих? Или также всех сотрудников?»

— Нет, только руководящих служащих. Вы что думаете, мы должны уменьшить доходы мужчин или женщин, сидящих за окошком кассы? Они и так не слишком много зарабатывают. Я уже навел справки.

Приняли резолюцию и по этому вопросу.

— Благодарю вас, господа. Я привез вам всем маленькие подарки. Это только что увидевшие свет экземпляры моей книги «Партизанская война». Первый экземпляр я хотел бы подарить уважаемому коллеге из «Чейз Манхэттан-банка»[18] и от всего сердца пожелать ему приятного чтения и успешного сотрудничества с нами.

Че отодвинул папку с последними статистическими данными о состоянии валютных резервов и от всей души зевнул. Он устал. Надо ли готовиться к докладу перед молодыми врачами? Он заварил матэ. Завтра утром ждут его доклада, который затем будут обсуждать. Он просто обязан подготовиться.

О чем же им рассказать? Речь пойдет об организации медицинской помощи, об их будущих задачах. Для разрешения этих задач Кубе требовались врачи с совершенно другими взглядами. С совершенно другим отношением к труду. Как же им это разъяснить?

Он несколько раз прошелся взад-вперед по комнате. Он вспоминал, о чем думал, когда сам еще был молодым врачом. «Понятно, я могу объяснить суть дела на примере становления себя как личности. Какие же у меня были идеи, когда я начал изучать медицину? Я хотел утвердить себя точно так же, как это желает сделать любой человек на свете. Моей мечтой было стать великим исследователем. Я мечтал самозабвенно трудиться, чтобы принести человечеству какую-нибудь пользу. Таким образом, я стремился к личному успеху. Я жаждал славы.

Но сперва мне хотелось посмотреть мир. Я много путешествовал и познакомился с нищетой, голодом и страшными заболеваниями. Теперь я собственными глазами увидел то, о чем до этого только читал в книгах. Какая же это разница! Я начал понимать, что оказывать этим людям помощь так же важно, как и стать великим исследователем. Но я думал, что смогу помочь этим людям собственными силами, хотел добиться чего-либо в одиночку».

Он достал новую сигару и откусил кончик. Гнев и ярость охватили его при мысли о Гватемале, о том, с какой зверской жестокостью были попраны там зачатки общества, основанного на гуманистических принципах. Бегство в Мексику, ночные дебаты с целью постичь смысл происшедших событий. Тогда сперва смутно, а потом все более ясно он начал осознавать: изолированные усилия одного человека не приведут ни к чему, даже если человек этот готов пожертвовать жизнью. Личное усилие необходимо, но оно должно сочетаться с усилиями многих других людей. Необходимо создать все условия для личного участия каждого. «Здесь, на Кубе, революция создала основные условия для этого, — записал он. — Здесь у нас каждый получает необходимую медицинскую помощь. Растет число врачей, и благодаря системе бесплатного медицинского обслуживания…»

Тут он перестал писать и заново обдумал свой тезис. Но достаточно ли только создать новые условия? Будет ли новое общество построено руками людей старого мира или же человека также нужно изменить? Он подумал о группе молодых врачей, всего несколько дней назад завершивших свое образование. Они отказались выехать в отдаленные сельские районы. В лучшем случае они согласны были это сделать за повышенную оплату. Но разве можно разрешить данную проблему с помощью денег? Осознают ли тогда врачи, насколько крестьяне и сельскохозяйственные рабочие нуждаются в медицинской помощи? Нет! С другой стороны, можно ли ставить этим врачам в вину их поведение?

Он закурил сигару. «Раньше я, по всей вероятности,

действовал бы точно так же, — пришло ему в голову. — Нужно готовить врачей, обладающих не только хорошими профессиональными знаниями, но также готовых по собственной инициативе оказывать помощь людям, где бы те ни проживали. Речь идет не только об осознании необходимости помогать людям. Тогда на переднем плане остаются усилия одного отдельного человека. Гладиатор, одинокий борец».

Он улыбнулся сравнению. Затем он продолжил свои записи: «Врач-революционер своими познаниями и способностями служит делу революции, служит народу. Не потому, что он вынужден это делать, или из корыстных соображений, а по убеждению».

Его сигара потухла. Он вновь зажег ее. «Во всяком случае, этот новый человек должен быть очень инициативным, должен развивать свои индивидуальные способности, должен быть творческой личностью. Для строительства нового общества нам не нужны поддакивающие и со всем соглашающиеся манекены. Напротив, нам нужны активные борцы, которые не во имя личных интересов, а творчески участвуют в построении социалистического общества. Вот наша цель».

От множества светлых сигар с зеленоватым оттенком во рту остался горький привкус. Язык, казалось, весь распух. Он выпил воды, чтобы смыть неприятный привкус, и устало прилег на кровать.

Нет, на государственных деятелей они совсем не походили. Времени сходить в парикмахерскую у них не было. Лица их заросли всклоченными бородами. Они ходили в своей полувоенной форме и страшно гордились этим.

Они решили принять участие в ловле рыбы-меч в Карибском море. Ежегодно 15 мая здесь проводились такие соревнования. То, что раньше было доступно нескольким миллионерам с их океанскими яхтами, должно было теперь стать массовым видом спорта.

Фидель с трудом уговорил Че принять участие.

Тот считал, что есть более важные дела. Но Фидель был страстным рыболовом-спортсменом и хотел наглядно продемонстрировать своему старшему соратнику Геваре все великолепие этого вида спорта. Пока Хесус Монтане энергично взбирался на борт, Баудильо Кастельянос с Че весьма недоверчиво поглядывали на яхту. Че гораздо чаще, чем обычно, затягивался сигарой. Судно вызывало у него недобрые воспоминания. Фидель подошел к нему.

— Ну, что, старый вояка, «Кристал» тебе не нравится?

Че пожал плечами.

— Последний раз я плавал на яхте больше двух лет назад. Я

не моряк. Еще пара деньков, и я бы умер на корабле.

Погода как нельзя лучше подходила для рыбной ловли. Безоблачное небо. Чистое, спокойное море. Мягкое солнце. Отплыв довольно далеко, они насадили наживу и укрепили удилища в специальных поручнях.

Че делал все весьма неуклюже и при этом недовольно ворчал. Фидель объяснил:

— Если мерлин клюнет, то голыми руками его не удержишь. Удилище должно быть закреплено, а вам всем надо пристегнуться. Иначе он потащит вас за собой. Кое-кто уже оказывался за бортом.

Рыбаки напряженно сидели возле своих удилищ и не сводили глаз с воды. Солнце уже начало сильно припекать. Че засучил рукава и подвернул штаны.

На некотором расстоянии от себя они увидели другое судно. Теперь Че так же сосредоточенно смотрел на море.

Это «Пилар»! — крикнул он. — Яхта Хемингуэя.

— Он всегда участвует в состязаниях рыбаков.

— Я хочу поговорить с ним о его последней книге.

— Это можно, Че. После рыбной ловли мы и так хотели встретиться.

— Посмотрим, будет ли его улов больше, чем наш.

— Смотри-ка, он уже зацепил одного!

— Но рыба прямо выпрыгивает из воды.

— Тогда Хемингуэй победил. Если он вынуждает рыбу выпрыгивать из воды, ей в легкие попадает воздух, и она уже не сможет так глубоко нырнуть. Я уже слышал об этом, — рассказывал Хесус Монтане.

Через некоторое время Че со скукой отвернулся от удилища. Он вытянул ноги и начал читать «Красное и черное» Стендаля.

— Похоже, — ухмыльнулся Фидель, — ты не особенно серьезно воспринимаешь рыбу-меч. Если она схватит наживу, ты не успеешь даже книгу отложить, как останешься без удилища.

— Пустяки. По-моему, это скучный вид спорта. Я лучше почитаю.

Компаньерос с недоумением восприняли поведение Че. Но это его мало трогало. Он захлопнул книгу, положил ее на колени и закрыл глаза. Он наслаждался брызгами вспененной соленой воды, падавшими ему на лицо. Солнечные лучи приятно грели кожу, и его охватило чувство глубокого спокойствия и удовлетворенности. Мерное гудение мотора. Светлая голубизна Карибского моря. Крики чаек. Затем перед ним возникло лицо Алеиды. Ее улыбка. Ее вера в победу над Батистой. Как же она храбро сражалась в рядах повстанцев!

Гудение спиннинга резко оборвало его мысли. Фидель обеими руками вцепился в удилище и уперся спиной в сиденье. Баудильо Кастельянос расстегнул свой предохранительный пояс и махнул рукой на свою удочку. Теперь он стоял позади Фиделя и не сводил глаз с моря.

— Отмотай побольше!

Хесус Монтане тоже присоединился к ним.

— Да она летит как ракета!

— Держи удилище, Фидель! Она снова ныряет.

Че теперь смотрел заинтересованно на своих друзей. Пока Фидель боролся с рыбой-меч, а Че откусывал кончик новой сигары, Хесус спросил:

— Ну что, команданте Гевара, тебе все еще скучно?

Че попытался закурить сигару, но ветер тут же задул ее. Чтобы закурить ее, он должен был бы спуститься в каюту, но его слишком увлекла борьба с рыбой.

По прошествии часа Фиделю, взмокшему и потному, все еще не удавалось заставить рыбу выпрыгнуть из воды.

— Ну и здорова же она! Это может длиться несколько часов. У нее сил, как у быка.

— О чем задумался, Че? — спросил он. — Не хочешь попробовать?

— Нет, я как раз обдумываю возможности дальнейшего увеличения нашей рыболовецкой флотилии. Может быть, с помощью экспорта рыбы удастся ликвидировать нехватку валюты…

— Внимание! Отмотай сейчас побольше! Она же вырвет у тебя удилище!

Смотри! Она прыгает! Она прыгает! Теперь ты победил, Фидель!

Баудильо восторженно хлопал себя по ляжкам. Рыба подобно серебряной стреле вылетела из воды. Из-за яркого солнца некоторые места в море, казалось, были покрыты сверкающим золотом. Рыба-меч снова исчезла в море.

Фидель попытался намотать несколько метров лески.

— Эта тварь сражается за каждый кусок лески.

— …Вся проблема заключается в том, — невозмутимо продолжал Че, — чтобы найти покупателя на рыбу.

Наемники, взятые в плен после разгрома десанта в заливе Кочинос, совершали прогулку по тюремному двору, когда туда вошел Че. Он молча обошел их, вглядываясь в лицо каждого, и остановился около высокого негра.

— Что, собственно говоря, побудило тебя действовать вместе с ними?

Он махнул рукой в сторону остальных пленных, которые в этот момент остановились.

— Небось тоже пожелал сражаться за «демократию» или они тебя просто купили? Пленный таращил глаза и молчал.

— Знаешь ли ты, в какую компанию попал? Восемьсот человек из тысячи двухсот наемников или их родители владели огромными богатствами, которые они пожелали вернуть. Среди них есть сто помещиков, владевших тремястами тысячами гектаров земли. Сегодня эта земля принадлежит кубинскому народу. Тридцать пять были владельцами промышленных предприятий, сто двенадцать владели крупными торговыми фирмами. Шестьдесят семь домовладельцев обирали жителей девятисот домов. И ты рисковал жизнью во имя возврата к порядкам, существовавшим до 1959 года! А эти порядки тебе хорошо знакомы.

Пленный едва заметно кивнул.

— Мы ввели на Кубе равенство всех рас. А твои друзья? Да они не пустили бы тебя на порог своих аристократических клубов, куда сегодня имеет доступ любой рабочий, любой негр.

Он повернулся к остальным пленным, которые на некотором расстоянии с любопытством рассматривали Че.

— Кто из вас был членом аристократического клуба?

Несколько человек подняли руки.

— Каких именно?

— «Яхт-клуб».

— «Мирамар».

— «Казино эспаньоль».

— «Билтмор».

— О, среди вас есть даже члены Biltmore Yacht and Country Club! Че с издевкой поклонился.

— Избранные из избранных. Сеньор состоял членом этого клуба?

Он вновь повернулся к негру.

— Ты был членом «Билтмор-клуба»? Негр смущенно опустил голову. Несколько пленных засмеялись.

— Мог бы ты вступить в него, даже если бы выиграл полмиллиона в лотерею?

— Нет.

— Конечно, нет. Они опасались, что ты загрязнишь воду в бассейнах, и дрожали при мысли, что будут пить свое виски рядом с тобой. В крайнем случае тебе разрешили бы мыть их туалеты. И ради этих субъектов, ради таких порядков ты рискуешь жизнью. Ты еще меньше, чем они, заслуживаешь снисхождения.

В ответ еле слышно прозвучало:

— Я знаю, команданте.

Во время полета в Индию Че написал матери короткое письмо. Уже была ночь. Светила лишь маленькая лампа. Остальные пассажиры уже спали. Че положил бумагу на колени и размышлял, что, собственно говоря, мешает ему выкурить еще трубку. Он все равно не мог заснуть. Он мечтал об открытии второго и третьего фронтов против империализма. Латинская Америка должна наконец восстать. Угнетенные народы мира. Пример Кубы вдохнул в них мужество.

Он писал: «Во мне очень сильно развилась антипатия ко всему, связанному с личной жизнью. Я по-прежнему одиночка, который без чьей-либо помощи ищет свой путь. Но теперь у меня есть сознание моей исторической миссии. У меня нет ни дома, ни жены, ни детей, ни родителей, ни братьев. Мои друзья остаются моими друзьями только до тех пор, пока они думают так же, как и я. И все же я доволен. Я знаю свою цель в жизни. Это не только мощная внутренняя сила, которую я всегда ощущал в себе, но также способность передать что-то другим, а также абсолютная убежденность в моем предназначении, которая избавляет меня от любой боязни».

На Кубу прибыл всемирно известный поэт Пабло Неруда. Естественно, Че хотел повидать его. Поговорить с ним. Сколько раз его стихи помогали ему выдерживать испытания. Он вновь вспомнил лица компаньерос, когда он ночью читал им стихи Неруды. Их измученные усталые глаза начинали вновь блестеть.

«В боях мы никогда не забывали про поэзию», — тихо сказал себе Че. Он вновь закурил сигару. Вот уже почти час он ждал Неруду. Он попросил его приехать в министерство в полночь. А теперь уже час ночи. Похоже, что Пабло Неруда застрял на какой-нибудь бесконечной официальной церемонии. Прошло еще довольно много времени, пока Неруда, наконец, постучал в дверь. Несколько минут они молча смотрели друг на друга.

«Мы представляем, наверное, весьма странное зрелище, — подумал Че. — Вот министр в сапогах и военном комбинезоне. За поясом револьвер, а в зубах сигара. А вот поэт со своим угловатым лицом. С теплыми, добрыми глазами и красноречием пророка».

Пабло Неруда нарушил молчание:

— Твое одеяние не очень-то подходит ко всему этому бюрократическому окружению.

Улыбка скользнула по лицу Че. Он все сильнее и сильнее чувствовал усталость. Вот уже несколько дней он почти не спал. Только работа и работа.

— Твою «Всеобщую песню» я всегда носил в рюкзаке, я читал партизанам в Сьерра-Маэстре стихи из нее.

— Это большая честь для меня. Я очень рад.

— Они придавали нам силу и мужество. В борьбе без таких стихов не обойтись. Че протянул Неруде коробку с сигарами.

— Ты чем-то обеспокоен, Неруда? Тебе не нравится на Кубе?

— Ну что ты! Конечно, мне нравится. Вы сделали все, чтобы возродить надежду и не дать ей рухнуть. Миллионы южноамериканцев пробудились от сна. Теперь у них есть цель в жизни. Вы заставили свободу и надежду занять место у стола народов Америки. Эта революция бросила клич всем народам нашего континента. Но я вижу, что над вашей революцией нависла угроза. Об этом пишут газеты и сообщает радио. Они готовят вторжение. Они хотят уничтожить надежду всей Южной Америки. Во всех стратегически важных пунктах Гаваны я видел мешки с песком. Я очень боюсь, что на Кубу пойдут войной.

При первых словах Неруды Че встал. Он слушал его, наморщив лоб. Он задумчиво вертел пальцами сигару и потирал виски. Наконец он повернулся к окну своего кабинета, за которым царила ночная мгла. Он окинул взглядом панораму Гаваны и заговорил.

Его слова не предназначались Неруде. Он просто вслух размышлял за них обоих. В его речи никогда еще не чувствовался столь явно аргентинский акцент.

— Война… война… Мы всегда выступали против войны. Но уж если мы один раз воевали, то не можем больше жить без борьбы. В любой момент мы хотим к ней вновь прибегнуть.

Че прочитал искренний ужас в глазах Неруды. Неруда воспринимал войну как кошмар.

— Это ты говоришь только потому, что сильно переутомился.

Неруда как бы пытался оправдать Че перед ним самим.

Че ничего не ответил. Он не мог сказать ему, что уже начал готовиться к новой борьбе за интернациональное дело. Конспирацию надо было соблюдать даже с Нерудой.

Дверь распахнулась, и целый каскад фотовспышек замелькал перед ним. Более двухсот журналистов, фоторепортеров, кинооператоров и телерепортеров столпились в маленьком зале, чтобы забросать его вопросами. Он возглавлял делегацию Кубы на конференции министров экономики в Монтевидео.[19]

— Доктор Гевара, какие экономические отношения поддерживает Куба со странами восточного блока?

— Мы поддерживаем с социалистическими странами торговые связи. Мы не считаем, что торговые отношения с социалистическими странами противоречат нашему стремлению

наладить хорошие торговые и экономические связи с государствами Латинской Америки.

— Сеньор Гевара, как поступит Куба с лицами, взятыми в плен после высадки в заливе Кочинос?

— Мы предложили обменять их на политических заключенных, арестованных в США, Испании и некоторых латиноамериканских странах. Однако это предложение было отвергнуто. Теперь их будут судить, и мы посмотрим, можно ли будет в дальнейшем вновь сделать их полезными членами общества. Как вы видите, среди этих людей почти нет рабочих. Когда Фидель разговаривал с ними, он спросил, кто из тысячи двухсот людей хоть раз участвовал в рубке сахарного тростника. Только один из них, как-то заблудившись, побывал на плантации. Теперь мы должны их перевоспитать, поскольку на Кубе кончилось время, когда можно было жить по принципу «кто не работает, тот ест».

Один журналист широко улыбнулся и с некоторой задержкой спросил:

— Скажите, а доктор Кастро и вы сами уже рубили сахарный тростник?

— Да, мы все время занимаемся этим. Как члены кабинета мы просто обязаны рубить сахарный тростник. Кроме того, я сам грузил бананы!

— Будучи министром?

— Да, мистер, а раньше я грузил бананы в портах Латинской Америки, когда работал грузчиком. Так что я познал деятельность монополии по торговле фруктами изнутри. Все, что я говорю, — правда, и не смотрите на меня так недоверчиво!

— Команданте Гевара, на Кубе все еще существует американская военно-морская база Гуантанамо, что представляет собой не только военную, но и политическую проблему. Как вы собираетесь ее решить?

— Мы постоянно заявляли и заявляем, что Соединенные Штаты в нарушении всех норм оккупируют кубинскую территорию. Мы никогда не смиримся с этим и постоянно указываем различным международным органам и организациям, что существование этой базы представляет собой покушение на наш национальный суверенитет. Но мы не будем ставить под угрозу мир во всем мире, совершая какие-либо акции против этой американской базы. Несмотря на все провокации со стороны размещенных там американских солдат, мы, как и прежде, занимаемся поисками только политического решения, а не военного.

— Мистер Гевара, почему в атмосфере якобы подлинной

свободы на Кубе были закрыты католические школы?

— Это абсурд! Католические школы перешли под контроль государства.

— Означает ли это, что на Кубе больше не будет частных школ?

— Ни одной! Все они стали государственными, и все они доступны широким массам.

— Но они остались католическими школами?

— Нет, это просто школы!

Когда смех затих, к нему обратились со следующим вопросом. Пресс-конференция, казалось, никогда не кончится.

— Доктор Гевара, каковы в настоящий момент отношения между кубинским государством и церковью? Какую позицию занимает кубинское правительство в отношении церкви?

— Здесь мы занимаем совершенно определенную позицию. У нас нет государственной религии. У нас полная свобода вероисповедания, и мы никому не позволим именем религии сеять раздор и ненависть. В определенный период католическое духовенство, высший слой которого состоял исключительно из одних испанцев, попыталось в открытую встать на сторону контрреволюции. При этом они даже сбросили на парашюте над заливом Кочинос трех священников, одетых, понятное дело, в маскировочные костюмы. Тогда мы просто-напросто арестовали всех священников-испанцев и вернули их Франко, снабдив запиской: «Как видите, у вас здесь семьсот…»

— Не могли ли бы вы назвать имена этих священников?

— Всех семисот высланных?

— Нет, имена сброшенных на парашюте.

— Одного звали Луго, второго Мачо, а третьего Лас Эрас.

— Я из самой крупной уругвайской газеты «Эль Диарио», издающейся в Монтевидео.

Че оглядел собравшихся и спросил: «Это правда?» Он увидел, как многие закивали в ответ.

— Ну, хорошо, похоже, что правда.

— Она также самая популярная газета в стране. Возможно, некоторым коллегам мой вопрос покажется несерьезным, но мне хотелось бы создать на этой пресс-конференции несколько другую атмосферу. Не могли ли бы вы рассказать, как вы живете, что едите, любите ли спиртное, курите ли, нравятся ли вам, прошу прощения у присутствующих здесь дам, женщины?

— Я отвечу вам, поскольку приехал сюда, чтобы ответить на все вопросы. Но я хочу сразу вам сказать, что некоторые из ваших вопросов кажутся мне наглыми. Я не был бы мужчиной, если бы мне не нравились женщины. Сегодня я не был бы

революционером, если бы я хоть в чем-то пренебрег моим революционным долгом или моими супружескими обязанностями только потому, что мне нравятся женщины.

— Команданте, вы все еще считаете себя аргентинцем?

— Я родился в Аргентине. Простите мне немного тщеславия, если я приведу следующее сравнение. Хосе Марти и Фидель Кастро родились на Кубе, но принадлежат всей Латинской Америке. Я родился в Аргентине и не отказываюсь от моей родины. Я сформировался там, но чувствую себя кубинцем и, кроме того, чувствую страдание и голод не только народных масс любой латиноамериканской страны, но и любого другого народа на земле. Вся Америка — это моя родина.

Вернувшись из Монтевидео, Че посетил свое прежнее место работы — Национальный банк. Он выслушал рассказ Виласеки о том, как проходила денежная реформа, которую он сам запланировал и подготовил.

— Большей неожиданности себе даже представить нельзя, Че. Некоторые люди мчались, сломя голову, к своим друзьям и знакомым, чтобы те обменяли им деньги. Таким образом мы напали на след многих спекулянтов.

— Неплохой побочный эффект. А что происходило в банках?

— Таких очередей ты даже представить себе не можешь. Каждый хотел знать, что будет с его деньгами. Когда же стало известно, что все банковские вклады на сумму свыше десяти тысяч песо заморожены и в месяц можно снимать со счета только шестьсот шестьдесят песо, вот тут-то они дали волю словам.

— Ну да, — промолвил Че, — кто хочет смыться в США, должен оставить здесь свои денежки. А кто останется здесь, тот на сумму шестьсот шестьдесят песо в месяц может жить просто распрекрасно. Это же в три раза больше среднего дохода рабочих и служащих. Так что им грех жаловаться. Знаешь ли ты, сколько песо оставило ЦРУ здесь? Пятьсот миллионов. Тем самым они хотели развалить нашу экономику. И это они вполне могли сделать. Теперь в их распоряжении бумага. Много бумаги. Теперь, надеюсь, мы добились равновесия между наличием товаров и денежными суммами, находящимися в обращении.

Че очень веселило, как разволновалась буржуазная пресса на Кубе, потому что он начал подписывать новые банкноты своим прозвищем. «И этот нахал стал во главе Национального банка!»

Маленькая Ильдита радостно кинулась ему на шею.

— Ах, папи! Я тебя столько уже не видела. Почему ты такой грязный?

Покрытый с ног до головы засохшей грязью и смертельно усталый, стоял он перед ней. С большим трудом он улыбнулся.

Он взял дочь на руки и прижал ее к себе.

— Да, я весь в грязи. Я уже много дней не переодевался. Доченька, какой страшной опасности мы подвергались! Ты все узнаешь, когда подрастешь. Эти чертовы янки!

Девочка попыталась сделать вид, что все понимает, но надолго ее не хватило.

— Ты сможешь сегодня немного поиграть со мной?

— Да, пойдем поиграем на улицу.

— Можно я покатаюсь на тебе?

— Залезай!

— Ух, как здорово, ты моя лошадь, и мы поскачем по сказочному лесу!

И вот она уже вскарабкалась на спину Че и пришпорила своего ползущего на четвереньках отца, который двигался в направлении сада перед домом. Их маленькая дворняга бежала следом с громким лаем.

Вернулась Ильда и встала рядом с охранниками, которые, смеясь, наблюдали за ними.

Сделав несколько кругов, он поздоровался с бывшей женой. Она тотчас начала расспрашивать его о последних событиях. Че не верил в переговоры и договоры с империалистами.

— Вся история США свидетельствует, что они признают только силу. И это потому, что они сами действуют только так. Свою страну они создали путем подкупа и грабежа. С помощью неприкрытого насилия они отняли у Мексики огромную территорию. А потом? Сколько раз их солдаты вторгались в чужие страны? Возьми, к примеру, Кубу. 1889,[20]1905, 1906, 1917 и 1933 годы. Разве Куба хоть раз нападала на США? Нет. Речь шла о распространении влияния их концернов. А сегодня? На всех континентах мы можем обнаружить их солдат и ракеты.

Че говорил горячо и бурно жестикулировал.

— А их слово? Их слово? Просто смех. Даже теперешний президент Кеннеди, который строит из себя благоразумного человека, на самом деле паршивый лгун. Полтора года назад он заявил на пресс-конференции, что ни один житель США не предпримет каких-либо акций против Кубы. В это время, даже в этот момент его наемники уже готовились к высадке на Кубу. Где финансировали их? В США. Где обучали их? В США. Где разрабатывали план вторжения на Плая-Хирон? В США. И кто самолично отдал приказ начать агрессию? Этот достопочтенный мистер Кеннеди! Слово гринго не стоит даже грязи под ногтями.

Он с презрением щелкнул пальцами.

— Но наш язык они поняли! Мы встретили их подобающе. Почему Кеннеди так и не отдал приказ своим солдатам начать

атаку, когда их скопище ждало у нашего побережья сигнала к выступлению? Весь кубинский народ был готов встать на борьбу. А такую позицию эти сволочи очень уважают!

— Но ведь США ввели морскую блокаду и мобилизовали свои войска.

— Ильда, мы не позволим запугать нас. Мы выработали проект политического разрешения конфликта. О чем идет речь?

Разве мы ведем экономическую войну против США? Нет, они применили экономическую блокаду против нас, они делают все, чтобы помешать развитию нашей экономики. Я бы мог многое рассказать тебе об этом. Нам приходится ожесточенно бороться с этими трудностями. Разве мы совершили агрессию против США? Нет, это они финансируют банды наемников, которые проводят диверсии по всей территории Кубы. Разве мы угрожаем США высадкой наших войск? Нет, это они постоянно угрожают нам агрессией. Поэтому мы должны крепить нашу оборону. Нет, войны мы не хотим, но и запугать себя мы не позволим. Наша страна будет развиваться так, как мы этого хотим.

Че еще раз посмотрел на математические расчеты на доске и кивнул.

Похоже, что правильно. Да, Виласека?

— Правильно, Че.

— Это самое прекрасное в математике. Всегда знаешь, правильно или нет. Дифференциальные исчисления мы, правда, не закончили. Но я выработал хоть какое-то верное отношение к ним. Что дальше?

Он все еще стоял у доски, держа в руке мел.

— А теперь присядь, Че. Больше я тебя ничему не могу обучить. Вот уже больше четырех лет мы встречаемся два раза в неделю, если только не находимся в отъезде. По вторникам с восьми до девяти утра и по субботам, когда занятия часто затягиваются до полудня. А теперь вспомни, что мы за это время прошли? Начали мы с аналитической геометрии, поскольку предварительная подготовка у тебя была весьма слабой. Затем мы довольно интенсивно занимались дифференциальными и интегральными исчислениями, причем доказательства проходили не поверхностно, а очень внимательно, и всегда решали задачи. Затем мы очень основательно и интенсивно изучали теорию дифференциальных уравнений. На этом я исчерпал свои познания. Больше мне нечему тебя обучать.

— Но, Виласека, всегда можно продолжать учиться. Потом мы ведь можем это делать вместе. Будем изучать книги.

— А чему ты хочешь учиться теперь?

— Я кое-что читал о теории линейного приближения. Это же

страшно важно для нас. Представь себе, мы можем вычислить наиболее рациональное использование паровозов на огромной сети железных дорог, по которым сахарный тростник направляется с полей на сахарные фабрики. Сколько же горючего можно будет сберечь! А несомненно, есть и еще масса других возможностей для применения этой математической теории.

— Вполне возможно.

— Виласека, поскольку мы являемся слаборазвитой страной, то должны досконально знать современные научные теории. Неизвестно, можно ли их применять уже сегодня. Но, только овладев научными познаниями, мы сумеем преодолеть отсталость. Я как министр промышленности организовал некоторое время назад небольшой научно-исследовательский институт, занимающийся конструированием компьютеров. И не только для этого необыкновенно важна математика. Ее значение мы вряд ли сможем переоценить.

— Согласен. Я раздобуду пару хороших книг. Продолжим в будущий вторник.

Че взглянул на свой календарь. 24 марта 1964 года. На сегодня прием был назначен лишь одному человеку, хотя было еще очень рано. Записано было только одно имя: «Таня».

Он снял трубку и коротко сказал: «Сегодня ко мне никого больше не пропускать». Затем он вытащил из сейфа папку с надписью: «Тамара Бунке». Тут в дверь постучали.

— Добрый день, команданте.

— Добро пожаловать, Таня. Рад тебя видеть. Садись, пожалуйста.

Че перелистывал личное дело, бормоча вполголоса: «В 1961 году переселилась из ГДР на Кубу… Работала переводчицей, кроме того, училась в университете… Член революционной милиции… Неоднократно принимала участие в добровольных трудовых мероприятиях…

Че посмотрел на Таню.

— Тогда мы несколько раз встречались и работали вместе. Не так ли?

— Да, команданте.

Че положил личное дело на стол.

— В марте 1963 года исполнилось твое желание полностью отдать себя делу революции. Тогда же тебя начали готовить к работе за рубежом.

— Это верно. Но я до сих пор не знаю, куда меня направят.

— Ты, конечно, удивлена, что разговариваешь об этом именно со мной? — спросил он.

Таня отрицательно закивала головой, но в ее зеленых глазах

отражалось удивление. Че засмеялся.

— Нет, Таня, ты удивлена, что разговариваешь здесь, в министерстве промышленности, именно со мной о твоей работе. Не только ты, я тоже скоро получу новое задание. Вместе с остальными бойцами с Кубы и из других латиноамериканских стран мы откроем новый фронт. Выступление в разных странах следует скоординировать, чтобы усилить ударную мощь народов в борьбе против империализма. Ты можешь выполнить важное задание в Боливии, установив связи с военщиной и правительственными кругами. Мы должны знать, что происходит во вражеском лагере. Затем ты объедешь внутренние районы страны, чтобы ознакомиться с методами и степенью эксплуатации боливийских крестьян и рабочих, в частности горняков. Ты должна как можно лучше узнать врага. Он сделал короткую паузу.

— И все это я буду делать одна? — спросила Таня.

— В течение длительного времени да. С тобой позже установят контакт. Но сперва ты поедешь в Европу, чтобы сжиться с новым обликом. Затем ты отправишься в Боливию. Подробности операции в Боливии уже разработаны. О них тебе сообщат. Важно одно: ты не должна ни под каким видом ни с одним человеком сама разговаривать о твоем задании, ни с революционерами или представителями революционных партий, в какой бы трудной ситуации ты ни оказалась. Можешь быть уверена, что в Боливии другие товарищи работают так же, как и ты. Уже теперь. Ты не одна, но просто предоставлена сама себе на длительный срок. Справишься? Ее ответ прозвучал четко и ясно.

— Да, команданте. В этом я полностью уверена.

— Ты увидишь, что мы вместе будем сражаться в Боливии. Время придет. Но мы должны основательно подготовиться к этому. А теперь поговорим о политической ситуации в Латинской Америке, чтобы ты познакомилась с задачами и перспективами нашей борьбы.

Этот разговор затянулся на несколько часов.

В помещении резиденции Кубинского представительства при Организации Объединенных Наций Че еще раз просмотрел текст своего выступления. Он взглянул с 31-го этажа через Ист-Ривер на Куинс, затем перевел взгляд на Бруклин. Однако в этот дождливый туманный день он почти ничего не увидел.

Он вновь взялся за текст своего выступления, отыскал то место, где речь шла о проблеме разоружения. Он прочитал: «Одной из основных тем на этой сессии был вопрос о всеобщем и полном разоружении. Мы целиком одобряем всеобщее и полное разоружение. Кроме того, мы выступаем за уничтожение всех

ядерных боеголовок и поддерживаем предложение о проведении конференции всех стран мира, чтобы помочь воплотить в жизнь стремление народов к разоружению. Наш премьер-министр, выступая на этой сессии, указал на то, что гонка вооружений постоянно приводила к войнам. В мире возникают новые ядерные державы, а значит, и увеличивается опасность вооруженной конфронтации. Мы считаем, что нужно провести всемирную конференцию с целью полного уничтожения всего ядерного оружия. Первым шагом в этом направлении должен стать запрет его испытаний».

«Да, это звучит недвусмысленно и несет в себе конструктивный заряд», — подумал он, пропустил пару страниц и стал читать дальше:

> «Мы хотим построить социализм, и мы солидарны со всеми людьми, борющимися за мир. Мы — члены Движения неприсоединения, хотя и являемся марксистами-ленинцами, поскольку неприсоединившиеся страны борются против империализма. Мы хотим мира, хотим создать новую Кубу, обеспечить нашему народу лучшую жизнь и поэтому всячески стремимся не поддаваться на провокации янки. Но мы знаем образ мышления и взгляды членов правительства США. Они требуют очень высокую цену за мир. Мы отвечаем им, что цена эта не может быть выше суверенитета страны».

Он поднял глаза от текста.

«Мир — это просто когда не падают атомные бомбы? — спросил он себя. — Что, жители Гарлема живут в мире? Можно ли говорить о мире, когда каждый день приходится вести жестокую борьбу за выживание? Что делать с люмпенами, потерпевшими поражение в борьбе за существование?»

Он вспомнил фигуры, неподвижно лежащие на улицах. Люмпены, жертвы безжалостного общества. Они что, живут в мире?

После выступления на Генеральной Ассамблее ООН многие журналисты пытались получить у него интервью. Он согласился дать его корреспондентам телекомпании Си-би-эс и газетчику из «Нью-Йорк тайме». Эта беседа с министром промышленности Кубы транслировалась в эфир без предварительной записи.

Прежде чем Че вступил на площадку, освещенную ярким светом юпитеров, корреспондент обратился к нему: «Минутку, мистер Гевара. У нас еще есть немного времени».

Че остановился и увидел недоуменное выражение в глазах

оператора. Все вопросы можно было прочесть на его морщинистом лбу: «С каких это пор министр промышленности выступает в военном комбинезоне? А может быть, этот Гевара самый обычный террорист?»

— Скажите, мистер Гевара, на большинстве фотографий, которые я видел, вы изображены с длинными волосами. Почему вы подстриглись?

Че пожал плечами. Какие же глупые вопросы задают эти журналисты!

— Просто сейчас я нашел на это время. Когда мы сражались в Сьерре, у нас были другие проблемы.

Он закурил сигару и помассировал затылок. Это выступление на Генеральной Ассамблее ООН требовало огромных усилий, но оно было необходимо.

Журналист продолжал спрашивать.

— Как, собственно говоря, становятся революционером, мистер Гевара? Я полагаю, ими ведь не рождаются! Я интересуюсь этим так, в чисто личном плане.

Гевара не испытывал ни малейшего желания давать интервью. Он очень устал. Но, выступая перед общественностью, он мог кое-что разъяснить. Он сделает все, чтобы организовать пропаганду дела народов Латинской Америки. Закрыв глаза, он ответил:

— Я вырос в семье, где царили антифашистские настроения. Это накладывает отпечаток на человека. В Латинской Америке я повидал голод и нищету и познал причины этой нужды. Подлинным революционером я стал в Гватемале, когда увидел, как ЦРУ во имя интересов американских концернов развязало там кровавый контрреволюционный террор. Кроме того…

Настало время для телеинтервью. Корреспонденты уже расселись перед камерами.

Один нервно вертел в руках авторучку и произвел на Че впечатление человека, страдающего желудочными заболеваниями. Второй, казалось, был сосредоточен. Третий держался непринужденно и любезно. Он начал:

— Доктор Гевара, Вашингтон сообщил, что существуют два политических условия для установления нормальных отношений между США и Кубой. Первое условие: отказ от военных соглашений с СССР. Второе: отказ от политики, направленной на экспорт революции в Латинскую Америку. Вы видите возможности сближения точек зрения по одному из этих вопросов?

Че пристально посмотрел на своего интервьюера. Почему же этот человек не спросит, как кубинцы относятся к американской

базе на Кубе, которую янки и не собираются эвакуировать?

— Я не вижу здесь абсолютно никакой возможности для сближения взглядов. Мы же не ставим США никаких предварительных условий. Мы не требуем, чтобы они изменили свой строй. Мы не требуем прекращения расовой дискриминации в Соединенных Штатах. Мы не ставим никаких условий для нормализации отношений, но также не признаем никаких условий.

Затем они начали задавать ему все те утомительные вопросы, на которые он уже столько раз отвечал за последние дни.

Как охотно он оказался бы сейчас рядом с Алеидой и детьми!

Пока переводчик переводил лапидарный вопрос, который он уже понял, Че выводил пальцами на столе имена детей.

Затем они вновь подошли к коренному вопросу: переход к социализму мирным или немирным путем. Все-таки до них дошло, что этот переход когда-нибудь да произойдет. Весь вопрос в том, как?

— Проблему мирного перехода к социализму мы обсуждали в теоретическом плане. Но на Американском континенте добиться его очень трудно. Почти невозможно. Поэтому мы недвусмысленно заявляем, что в Америке путь к социализму можно проложить только винтовкой. И… — тут он улыбнулся американцу, — я могу вам со спокойной совестью гарантировать, что это вам еще предстоит пережить.

После выступления на экономическом семинаре Организации афро-азиатской солидарности Че весьма неохотно пошел на прием. Он терпеть не мог эти «коктейль-парти» с их пустопорожней болтовней. Ему удалось на несколько минут выйти на террасу. Он смотрел на алжирскую гавань и вспоминал порт Вальпараисо.

Присутствующий здесь представитель одного из африканских государств подошел к нему. Че охотно избежал бы этого разговора. Воспоминания поблекли и исчезли.

Улыбка этого человека показалась ему чересчур любезной. Внезапно он почувствовал тоску по Алеиде. Но разговора ему не избежать. Здесь он среди дипломатов. Он должен привлечь их на сторону Кубы. Ни в коем случае он не должен показаться резким.

Они обменялись первыми любезностями, и посол представился. Он выразил удивление, что кубинцам вообще предоставили возможность высказаться.

— Знаете, месье Гевара, что меня поразило больше всего? Ваши высказывания о социалистических странах. Не желаете освежающего напитка?

Представитель африканской страны взял у одного из

проходящих мимо официантов два стакана с апельсиновым соком и протянул один из них Че.

— В вашей речи вы заявили, что слаборазвитые государства должны опираться на социалистические страны. Затем вы расточали похвалы социалистическим государствам.

Со стороны порта подул свежий ветер. Че сделал глубокий вдох. У него чуть болела голова. Он должен был кое-что объяснить этому послу.

Он одним глотком выпил стакан апельсинового сока и ответил:

— Мы, и здесь я говорю не только от имени своего правительства, но и всего кубинского народа, мы точно знаем, что без социалистических стран не было бы и кубинской революции. Мы знаем, кто покупал у нас сахар, когда США, отказавшись его покупать, хотя это и было зафиксировано в соглашении, хотели экономически поставить нас на колени. СССР. При этом данная страна является крупнейшим производителем сахара в мире. Североамериканские нефтяные концерны хотели поставить нас на колени. Они хотели, чтобы на Кубе не горела ни одна лампочка. Кто поставлял нам нефть? СССР. Мы нуждались в оружии, чтобы защитить себя. Мы покупали его за огромные деньги в Европе, что уже само по себе было достаточно тяжело. И что же случилось, когда пароход, груженный этим оружием, вошел в гаванский порт. Он взорвался, и при этом погибло много рабочих. Кто поставлял нам затем самое современное вооружение? СССР. Ни один транспорт с оружием больше не взлетал на воздух, и нам также не требовалось ничего платить. И самое важное, что с этим не связывались никакие условия. Мы и в дальнейшем могли свободно делать то, что хотели. Это мы обозначаем термином, который вам, может быть, неведом или покажется смешным, а именно «пролетарский интернационализм». Но для всех кубинцев это понятие имеет огромное значение. Мы на конкретных примерах видели, что он означает.

— Но ведь у вас в самом деле были сильные разногласия во время Карибского кризиса.

— У нас был разный подход, и правильный в конце концов победил. И что? Из-за этого мы должны забыть все остальное? Что важнее? Многолетняя искренняя помощь без всяких условий или разногласия по одному конкретному вопросу? Они отнюдь не носили глубокого, принципиального характера. Вам, вероятно, так и не понять, что две страны могут поддерживать друг с другом братские отношения и, несмотря на это, открыто обсуждать друг с другом различный подход к той или иной

проблеме. Но извините, месье, уже поздно.

Подали курицу. Че попросил принести ему кофе и стакан воды. Он смотрел сквозь маленькое окно самолета и пытался увидеть хоть что-нибудь. Но там были видны только облака.

Он вытащил из чемоданчика сигару и кипу исписанных листов бумаги. Он размышлял. Сколько идей и взглядов надо было аккуратно разложить по полочкам. Одним из его самых грандиозных мечтаний было создание нового человека.

Борьба в Сьерре, ежедневная отдача сил на строительство социализма, почему и во имя чего? Можно ли этим ликвидировать частную собственность на средства производства? Только этим — конечно, нет. Тем самым были созданы лишь предпосылки для создания нового общества.

Он вновь поглядел в облака. Можно ли построить общество на гуманистических принципах руками людей, на которых наложило отпечаток старое общество? Действительность опровергла это положение. Сознание не могло измениться автоматически. Вместе с новыми производственными отношениями не мог сам собой возникнуть новый человек.

Стюардесса принесла стакан воды и кофе. Че кивком поблагодарил и вновь занялся бумагами.

В старом капиталистическом обществе на индивидуума воздействуют незримые для большинства людей законы капитализма. Превращение чистильщика обуви в миллионера — конечно, такое вполне могло быть, и об этом писали газеты. Но они не сообщали о нищете, которая порождалась одновременно с этим. О том, сколько подлости и низости требовалось, чтобы накопить состояние. Борьба за существование, которая могла привести к тому, что человек начинал шагать по трупам во имя собственной выгоды.

Всего этого не будет в новом обществе. Но как можно в этом отношении изменить сознание?

Че пригубил кофе. Слишком горячий. Он потянулся. Ноги здорово затекли. Он должен больше заниматься спортом. Его тело не должно быть вялым.

Че отмахнулся от этих мыслей и начал записывать:

> «Новому обществу нужны люди, сознательно участвующие в строительстве этого общества. Новый человек не ставит в центр внимания свое благополучие. Нет, он так же, как и свои, учитывает интересы окружающих, которые больше не являются его конкурентами, а суть его братья. Так люди все более интенсивно начнут участвовать в преобразовании

общества. Новый человек в будущем найдет себя в каждодневном труде. До его сознания дойдет, что он работает не только на себя, но и вносит тем самым вклад в строительство новой Кубы. Новый человек сумеет овладеть техникой и наукой, чтобы использовать их достижения в своих целях, для освобождения все большего количества людей от рутинной работы, чтобы они могли творчески созидать. Новый человек создаст искусство, которое отразит его облик».

Че подумал о людях, которых занимали только одни проблемы: «Сколько мяса могу я съесть?», «Сколько раз сходить на пляж?», «Какие предметы роскоши я могу себе позволить?». Конечно, все это важно, но главное — внутреннее, духовное богатство людей.

Он писал дальше:

> «Разве тем самым человек лишается своей индивидуальности, коллективизируется, приносится в жертву государству? Нет! Только новый человек может развить свои индивидуальные способности и потребности. Для этого он должен сбросить с себя оковы устаревших представлений.
>
> Но как этого достичь? С помощью материальных стимулов, денег? Материальные стимулы необходимы и при социализме, но характер их изменится. К ним добавятся идейные и моральные стимулы и собственный пример».

Че вспомнил о многих добровольных трудовых мероприятиях, в которых участвовал он вместе со все большим и большим количеством кубинцев. Они трудились не во имя собственной выгоды, но брали на себя эти тяготы, чтобы внести вклад в строительство нового общества. Кроме того, добровольный труд изменяет самих людей, так как происходит переворот в сознании, совершить который было гораздо труднее, чем свергнуть батистовский режим. Надо было одержать победу над собственной вялостью, собственной недисциплинированностью, над мелкобуржуазным эгоизмом, над теми привычками, которые крестьяне и рабочие унаследовали от старого общества. И он был уверен, что только победа над этим наследием породит новое отношение к труду и только тогда станет невозможным возврат к капитализму. Только тогда социализм будет непобедим.

Он записал:

«Мы, социалисты, свободнее, потому что мы богаче, и богаче потому, что мы свободнее. Мы сознательно жертвуем чем-то, это цена той свободы, за которую мы боремся».

Последнюю фразу он два раза подчеркнул.

Че вернулся из Алжира.

Он сразу же отправился в министерство промышленности. Сегодня ему хотелось побыть одному. Ему нужно было время для себя. Поразмыслить и написать несколько писем.

Че сел за свой письменный стол. Он показался ему совсем чужим. За время долгих поездок он почти позабыл этот кабинет. Он вспоминал о новых впечатлениях. Увиденное в Китае и Мали. Запутанная ситуация в Конго. Переговоры в Египте.

Иной раз он чувствовал себя очень одиноким. Его дети смотрели на него уже почти как на совершенно незнакомого человека. Охранника перед домом они по крайней мере называли дядюшкой. Они знали и любили его, а он был для своих детей почти неизвестной личностью. Но все больше и больше народов преисполнены решимостью вести борьбу за освобождение от империалистического гнета. Он занимал в этой борьбе почетное место. Он должен внести свой вклад. Он делал это по убеждению, но давалось это не всегда легко. Он также тосковал по семье. Его дети тоже имеют право иметь отца.

Долго смотрел он на фотографию своих детей. Затем взял лист бумаги и начал писать необычайно большими буквами:

«Моим детям!

Дорогие Ильдита, Алеидита, Камило, Селия и Эрнесто!

Если вы когда-нибудь и прочтете это письмо, то только потому, что меня не будет среди вас. Вы мало что вспомните обо мне, а малыши меня вообще забудут.

Ваш отец был человеком, который действовал согласно своим взглядам и жил, вне всякого сомнения, согласно своим убеждениям.

Станьте хорошими революционерами. Научитесь многому, чтобы овладеть техникой, которая позволит покорить природу. Запомните, что самое главное в жизни — революция и каждый из нас в отдельности ничего не значит.

И главное — никогда не теряйте способности тонко чувствовать любую несправедливость, где бы на свете она ни совершалась. Это самая прекрасная черта в характере революционера.

До свидания, дорогие дети, надеюсь еще увидеть вас. Обнимаю и нежно целую.

Папа».

Он отложил письмо в сторону и некоторое время разглядывал его, не читая. Он видел только самый обычный листок бумаги, но с его помощью он сообщил такую важную, может быть последнюю, весть своим детям и Алеиде.

Затем он решил написать письмо Фиделю.

Поскольку он понимал, что может погибнуть, он хотел проститься с кубинским народом, со старыми товарищами и с Фиделем. Он понимал, что частично выполнил свое задание на Кубе. Он официально отказался от своей должности в руководстве партии и вышел в отставку с поста министра. Он отказывался от звания «команданте» и от кубинского гражданства. Теперь он мог продолжать борьбу в другом месте.

Он поблагодарил Фиделя за все, чему научился от него. Поскольку он не оставлял своим детям никакого имущества, он доверял их заботам государства. Он был уверен, что революция гарантирует им жизнь и даст образование.

Он с болью расставался с этой страной, со своей семьей и своими друзьями. Но кто мог лучше понять его, чем Фидель, идеи которого он вновь пытался претворить в жизнь.

Он прошелся взад-вперед по кабинету. В министерстве царила тишина. Не слышно стука пишущих машинок. Не звонит телефон. Уже наступила ночь.

Он откусил кончик у новой сигары. Затем взял новый лист бумаги и написал своим родителям.

«Дорогие мои старики!

Я вновь чувствую пятками ребра моего Россинанта, вновь, облачившись в доспехи, отправляюсь в путь.

Лет десять назад я написал вам другое прощальное письмо. Насколько помню, я сожалел тогда, что из меня не вышло ни хорошего солдата, ни хорошего врача. Второе меня уже не интересует, но солдат из меня получился не такой уже плохой.

В основном с тех пор все осталось по-прежнему, разве что я стал гораздо более сознательным и мой марксизм укоренился во мне. Я считаю, что вооруженная борьба есть единственный выход для народов, борющихся за свое освобождение, и я последователен в своих взглядах. Многие называют меня авантюристом. Это правда. Но только я авантюрист особого рода, один

из тех, кто рискует жизнью, чтобы доказать свою правоту.

Вполне возможно, я пытаюсь сделать это в последний раз. Я не ищу подобного конца, но, рассуждая логически, он вполне возможен. На этот случай позвольте мне обнять вас в последний раз.

Я очень любил вас, только не умел выразить свою любовь. Я был слишком прямолинеен в своих поступках и думаю, что вы меня иной раз не понимали. С другой стороны, уж поверьте, было нелегко меня понять, по крайней мере сегодня. И воля, которую я укреплял с воистину актерской увлеченностью, вынуждает действовать мои слабые ноги и утомленные легкие. Я достигну своей цели.

Поцелуйте Селию, Роберто, Хуана, Мартина и Пототина, Беатрис, одним словом, всех.

Вас крепко обнимает ваш блудный и неисправимый сын.

Эрнесто».

Его взгляд медленно скользнул по скудно обставленной комнате. Здесь, в кабинете, у него имелось несколько личных вещей. Фотография. Маленькое настенное зеркало. Зажигалка. Пара авторучек. Он решил подарить все это своим сотрудникам.

Затем он собрал несколько рассыпанных по столу сигар и вытащил остальные из ящика. Он сложил их, осторожно встал и остановился на мгновение перед зеркалом: «Итак, Эрнесто Че Гевара, Дон Кихот вновь велит седлать Россинанта».

Смерть в Боливии

Вот уже почти месяц пятнадцать кубинцев находились в горном районе Пинар-дель-Рио. Они изучали тактику партизанской войны, учились стрелять и совершать длительные переходы. Им нужно было вернуть свои прежние навыки. Они построили самый настоящий партизанский лагерь. Почти все бойцы знали друг друга по боевым делам прежних лет. У всех были семьи, маленькие дети. Среди них не было никого старше тридцати пяти лет. Их призвали на борьбу против империализма в чужой стране. Где и когда — этого они не знали. Они даже не знали, кто возглавит операцию. И несмотря на это, не колеблясь согласились участвовать в ней. Все готовилось в условиях строжайшей конспирации. Они порвали все контакты со своими семьями. В их прощальных письмах ни слова не говорилось о том, в каком уголке земли их отец или муж будет рисковать своей жизнью.

В отряде царило приподнятое настроение. Все было организовано, как и раньше. Уже имелись арьергард, головной отряд и главные силы. Ежедневно дежурный компаньеро заботился о еде. Они снова жили, как тогда, в Сьерре. Почти каждый день Че приказывал докладывать ему о настроении в команде. Он пока еще не посвятил бойцов в детали предстоящего дела. Они все еще не знали, что в реализации планов он играет ведущую роль. Ему сообщили, что кое-кто в отряде полагает, что Фидель лично возьмет на себя руководство партизанской борьбой. Почти все были убеждены, что новым командиром будет известный революционер.

Революционеры быстро выстроились и устремили взгляд на нового командира партизанского отряда.

Он носил темный, очень элегантный костюм. Его черные ботинки блестели на солнце. Волосы были коротко подстрижены, а черные солнечные очки полностью закрывали глаза. Зубы чуть-чуть выдавались вперед. Спокойно попыхивая трубкой, он обошел ряды революционеров.

— А здесь, компаньерос, вы видите доктора, о котором я вам уже говорил. Он возглавит нашу экспедицию.

Доктор увидел на лицах бойцов некоторое разочарование. Они ожидали встречи с выдающимся военачальником Освободительной войны, а тут щеголь какой-то.

Доктор долгое время молчал и недоверчиво разглядывал всех. Он видел, что они не желают сражаться под его началом. Они просто не принимали его всерьез.

Пинарес, до этого момента руководивший лагерем, также почувствовал недовольство бойцов. Он попытался разрядить ситуацию.

— Ну, как вам команда? — спросил он нового командира и показал глазами, что рассчитывает на громкую похвалу.

Доктор выпустил несколько клубов дыма из трубки и выругался:

— По-моему, речь идет о нескольких паршивых недоносках.

Пинарес икнул от неожиданности. Здесь собрались опытные участники Освободительной войны. Некоторые из них входили в состав Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы.

Бойцы были просто шокированы. Они прямо-таки кипели от негодования. Бенигно сжал кулаки. Еще немного, и он ударил бы доктора. Но пока он сдерживался.

Доктор подошел к Сан Луису и покачал головой.

— Почему ты такой бледный? Люди с такими лицами не могут стать хорошими бойцами.

Казалось, в рядах партизан внезапно раздалось тиканье бомбы замедленного действия. Неясно было только, в чьем кармане она взорвется. Бойцы с трудом сохраняли самообладание.

Доктор прочел ярость в их глазах, но продолжал как ни в чем не бывало ухмыляться. Он начал подходить к каждому из них, жать руку и представляться: «Очень приятно, Рамон».

Подойдя к Антонио Санчесу Диасу, он сказал:

— По-моему, я тебя знаю. Диас энергично замотал головой:

— Да быть того не может.

Никому не известный доктор Рамон внимательно рассматривал Антонио Санчеса Диаса. Он долго смотрел ему в глаза, а потом окинул взглядом сверху вниз. После чего вынул трубку изо рта, выпустил сладковато пахнущий дымок, задумчиво провел рукой по гладко выбритому лицу и после довольно долгой паузы сказал:

— И все же я тебя знаю. Разве Пинарес не называл твоего имени? Во время Карибского кризиса ты разъезжал на джипе и рассказывал крестьянам какие-то кошмарные истории.

Сбитый с толку Диас попытался, вытянувшись по струнке, как-то оправдаться. Он сделал вид, что возмущен этими словами.

— Это верно. Во время Карибского кризиса я разъезжал на джипе. Я был в Пинар-дель-Рио. Но я не рассказывал крестьянам никаких кошмарных историй.

Доктор, не дослушав его, подошел к Хесусу Суаресу Гайолю.

— Мне кажется, ты заместитель министра. Чего же ты тут-то околачиваешься? У тебя что, других дел нет?

Теперь Гайоль узнал его. Он бросился к доктору Рамону и крепко обнял его. Остальные компаньерос ошеломленно наблюдали за этой сценой.

— Че! Ах ты, старая бестия! Ну и сюрприз! Это же просто здорово! Мы вновь будем сражаться вместе!

— И победим! — воскликнул Рамон. И тут все собравшиеся разразились радостными криками.

— Че! Команданте! Да неужели? Че! После бурного приветствия, после всех объятий и радостных возгласов Рамон сбросил с себя щегольской наряд и вновь облачился в боевой комбинезон оливково-зеленого цвета. Кроме того, он снова надел свои сапоги, в которых проходил всю войну.

Тума похлопал его по плечу и сказал:

— Теперь ты мне гораздо больше нравишься, Че.

— Я себе тоже. Но то, что меня не узнал даже мой собственный охранник, это тоже хорошо. Где уж тогда узнать меня шпикам ЦРУ?

Родригес подошел к Че и предложил освежающий напиток.

— Какой у тебя псевдоним, Родригес?

— Роландо.

— Роландо звучит хорошо, но Рамон звучит также неплохо! Что ЦК делает без тебя?

— Коммунистическая партия Кубы обойдется без меня. Я нужен где-то в другом месте. Ты ведь также покинул свое министерство промышленности.

— Верно. Ну, а теперь мы обсудим международное положение.

Бойцы расселись кружком. Их лица все еще выражали радость по поводу того, что Че стал их партизанским вождем. Теперь он объяснял им цель их экспедиции.

— Сперва я хотел бы сказать вам, как я рад, что вы так хорошо выдержали маленькую проверку и проявили выдержку. У всех у нас теперь другое лицо. Каждый из нас должен принять буржуазное обличье, чтобы оставаться не узнанным вплоть до начала борьбы. Ну, а теперь о нашей задаче.

В Гватемале, Венесуэле, Перу и Бразилии идет вооруженная борьба против империализма. Она может перекинуться и на другие страны. Но самое важное то, что все страны этого континента созрели для борьбы за свершение социалистической революции, поскольку местная буржуазия полностью утратила способность выступать против империализма, даже если она когда-либо и обладала ею. Таким образом, может произойти или социалистическая революция, или же жалкая пародия на революцию.

На нашем континенте говорят практически на одном языке и даже с бразильцами мы можем объясниться.[21] Тип эксплуатации человека одинаков в большинстве стран. И во всех этих странах назревает сопротивление эксплуатации и грабежу. Поэтому борьба примет континентальные масштабы. Она не ограничится отдельными странами. Повсюду будет идти вооруженная борьба. Многие революционеры погибнут, многие падут жертвами собственных ошибок, но в ходе этой революционной борьбы встанут новые бойцы. У янки повсюду есть военные советники, но по мере нарастания революционной борьбы они будут вынуждены посылать все больше и больше регулярных войск, потому что национальные марионеточные армии окажутся на грани разложения вследствие успехов партизан. Это путь Вьетнама, на который должны встать наши народы. Необходимо создать на нашем континенте второй или третий Вьетнам в мире.

При этом нашей стратегической целью является уничтожение американского империализма. Задача, которую предстоит выполнить нам — представителям эксплуатируемых и угнетенных стран этой планеты, — заключается в том, чтобы лишить империализм основы его существования, а именно вырвать из-под его власти угнетенные народы, которые ему создают капитал, поставляют сырье, отдают интеллект и дешевую рабочую силу.

Основным звеном нашей стратегической цели является подлинное освобождение народов, которое в большинстве случаев произойдет в ходе вооруженной борьбы и которое неизбежно выльется в социалистическую революцию.

Мы не имеем права недооценивать противника, но при всех технических возможностях и наличии вспомогательных средств у североамериканских солдат нет никаких идейных мотивов. Они сражаются не за свое дело. Поэтому основной удар должен быть направлен на подрыв их боевого духа. Этого мы добьемся только нанося им постоянные удары и поражения. При этом и с нашей стороны не обойтись без многих жертв. В частности, начало будет очень трудным. Но мы знаем, за что мы боремся — за освобождение нашего континента. Мы не можем и не должны думать, что свободу можно завоевать без борьбы. Подобно тому, как народы Америки совместно боролись против испанских колонизаторов, мы теперь так же будем сражаться против общего врага.

Позвольте мне подвести итоги. Целью нашей борьбы является уничтожение цитадели империализма. Мы должны втянуть врага в бои во многих странах, чтобы лишить его основы существования, а именно отнять у него зависимые страны. Предстоит долгая борьба, но мы не можем не подчиниться

велению долга.

Он говорил тихим, чуть ли не ласковым голосом. По реакции внимательно слушавших его бойцов он мог видеть, насколько они заразились его решимостью. Он закончил свое выступление.

— Мы не можем не подчиниться велению нашего долга! Об этом нам каждый день напоминает Вьетнам. Мы все знаем, на что идем, мы осознали колоссальную важность нашего решения. Это, дорогие товарищи, является основой нашей борьбы. Боливия должна стать оперативной базой для нашей операции. Акция была подготовлена заблаговременно. Уже в 1964 году, то есть около двух лет назад, в Боливию прибыли наши первые связные и подготовительные группы.

— Но, — возразил Гайоль, — Боливия — государство, не имеющее выхода к морю. Она окружена четырьмя странами, правительства которых также являются лакеями американского империализма.

— Боливия будет в центре борьбы. В Перу уже идут бои. Оттуда люди придут, чтобы поддержать нас. В Чили у нас много друзей, а в Аргентине именно теперь партизаны активизировали свою борьбу против режима. В Боливии есть уже небольшой по численности, но зато революционно настроенный пролетариат. Это в первую очередь рабочие-горняки. Они частично вооружены и имеют собственную милицию. В обращении с динамитными шашками они достигли совершенства. И я надеюсь, что наша борьба укрепит единство революционеров разных стран.

Тума широко улыбнулся Че. Он откровенно радовался предстоящему заданию. Он явно гордился тем, что получил право сражаться в рядах этого отборного отряда.

Водители такси, стоявших перед отелем «Гавана либре»,[22] не обратили особого внимания на гладко выбритого человека в летнем костюме. Судя по его пружинистой походке, хождение пешком не представляло для него никакого труда. Он привык носить тяжелый груз. Кроме того, он ходил обычно в гораздо более крепкой обуви. В этом необычном одеянии он казался самому себе просто голым. Он спокойно огляделся в большом холле. Вот так себе представляют жизнь американские плейбои. Много стекла, света, пальм, мрамора и цветов. Он медленно подошел к длинному столу администратора и попросил ключ от своего номера.

— Здесь для вас еще есть письмо, сеньор Гонсалес.

Администратор внимательно осмотрел письмо.

— Сеньор Адольфо Мена Гонсалес?

— Да, это я.

— Чем еще могу быть полезен?

— Спасибо, ничего не нужно.

Гонсалес направился к широкой лестнице. Здесь спокойно могли бы пройти бок о бок несколько человек. Лестницу строили, ориентируясь на вкус иностранных дельцов. Она должна была создать у них ощущение «великого, огромного мира».

На лестнице его обогнала парочка. Он услышал обрывок разговора:

— Это последний отель, построенный янки в Гаване. И назывался он «Хилтон». Только бандиты Кастро окрестили его «Гавана либре». Неслыханная наглость!

— Я слышала, здесь еще есть столовый прибор из чистого серебра. На нем выгравировано изображение «Хилтона». Если только этот мятежный сброд не украл его. Вполне возможно, они отдали его на переплавку, а затем продали русским.

— Какой ужас!

Гонсалес направился к бару, расположенному на втором этаже. Посреди огромного зала возвышалась длинная стойка, за которой бармены ловко управлялись с кубиками льда и белым ромом. Гонсалес сел так, чтобы через стекло наблюдать за плавательным бассейном. Рядом с ним беседовали два коммерсанта. Мексиканец и аргентинец. Гонсалес определил их национальность по акценту. Он заказал коктейль, закурил длинную сигару и начал вбирать в себя впечатления. Холодный напиток. Освежающий вкус. Загорелые люди в бассейне. Энергичные движения рук, разбивающих миксером лед. Разговор двух коммерсантов.

— Одного у него не отнимешь — лихой парень этот Гевара.

— Верно. Ваш земляк, между прочим.

— Знаете ли вы что-нибудь еще о нем? Его уже давно не видели.

Беседующие заказали себе еще по коктейлю и придвинулись друг к другу.

Разговор показался Геваре интересным. Он поправил мешающий ему галстук и прислушался.

— С середины апреля 1965 года он исчез. Я знаю кой-кого в министерстве. Там он также не показывался. Ходят слухи, что он поссорился с Фиделем, и тот приказал его убрать.

Аргентинец тихо присвистнул.

— Я слышал из хорошо информированных источников, что он сошел с ума и его держат в больнице в Мексике. Это рассказал мне журналист, работающий над большим репортажем о Че. Он также сказал, что, вполне возможно, Советы отправили его в Сибирь с целью полной изоляции, поскольку в больнице в Мексике его уже больше не видели.

— Вы действительно верите, что он сошел с ума? На меня он всегда производил именно такое впечатление. Конечно, мне о нем рассказывали и кое-что другое, что, по-моему, вполне на него похоже. Он под видом монаха отправлен в Испанию, потому что революция на Кубе развивается не так, как ему хочется!

Уругвайский коммерсант Адольфо Гонсалес сидел рядом, молча улыбаясь. Он допил свой коктейль и теперь задумчиво помешивал остатки льда и мял зеленые листки полыни.

Никто его не узнал. Маскировка была просто отличной. Даже его маленькая дочь не хотела, чтобы он поцеловал ее на прощанье. Она закричала:

— Мамочка, мамочка, что нужно этому старикашке? Он хочет меня поцеловать!

Ни на улицах Гаваны, ни здесь, в отеле, никто пока не опознал его. Он решил еще неделю прожить в «Гавана либре» под именем Гонсалеса, а затем вылететь в Европу.

Он заплатил за коктейль и ушел. В номере он включил кондиционер, бросился на кровать и пробормотал: «Сошел с ума. Сидит в Мексике. Сослан в Сибирь. Под видом монаха отправлен в Испанию. Вы еще кое-что забыли. Радиостанции янки сообщают, что я погиб в Доминиканской Республике. Но особенно им нравится версия с сумасшедшим домом. Даже некоторые старые компаньерос поверили в эту чушь. Они что, так и не поняли, что основным принципом революции является конспирация? Я же не могу уведомлять о каждом моем шаге через газету только для того, чтобы все точно знали, что я жив и не сошел с ума! Но они скоро узнают, где вновь бродит старина Че!»

Уже начали поступать сообщения, что Эрнесто Че Гевара находится среди мятежников в джунглях. С ним еще кубинцы и несколько подразделений вьетнамцев, обладающих боевым опытом.

Президент Боливии тотчас откликнулся на эти сообщения: «Я не верю в привидения. Я полностью убежден в том, что Че Гевара вместе с Камило Сьенфуэгосом и другими жертвами Кастро пребывает на том свете».

Газеты реагировали подобным же образом:

> «Человек, который находится в рядах партизан, всего лишь тезка Эрнесто Че Гевары. Настоящий Че убит на Кубе».

Другой листок писал: «Он не может быть в Боливии, потому что он арестован в Советском Союзе».

— Почему они так лгут? — спросил Коко. — Они же давно знают, что ты здесь. Я-то думал, они вовсю используют этот факт.

Они вполне могут заявить, что это вмешательство во внутренние дела Боливии.

Прежде чем Че успел что-либо сказать, Инти уже ответил за него:

— Команданте стал символом борьбы за свободу Латинской Америки. Они боятся, что массы быстро примкнут к Че. Весть о Кубинской революции уже распространилась в Боливии. Люди знают Че и любят его.

Че вновь набил трубку и сказал:

— Горняки вооружены. Они создали свою милицию. У них есть динамитные шашки, и они умеют обращаться с ними. Кроме того, у них есть винтовки. Страна бурлит. Поэтому правительство не хочет, чтобы к тому же добавились разговоры о моем присутствии. Они хотят все представить как волнения на местах. Они отнюдь не заинтересованы в том, чтобы стал очевиден масштаб сопротивления. Мы должны незамедлительно нанести им несколько поражений, которые они не смогли бы скрыть, чтобы борьба в городах получила новый импульс.

Еще никогда жужжание комаров не действовало так на нервы Че. Он потер виски. Гудение в голове не прошло. Неподалеку в траве сидел Тума. Че знал, что Тума был недоволен тем, что ему почти не приходилось участвовать в боях. Постоянно он приказывал ему охранять лагерь.

Тума демонстративно взял свою винтовку и начал чистить ее. При этом он искоса поглядывал на Че и говорил громко и отчетливо, так чтобы тот слышал: «Я буду тебя сегодня чистить, моя винтовка. Я буду чистить тебя и в будущем. Когда эта война закончится, я скажу, что сражался с тобой в руках, хотя это было и не так. А потом я сдам тебя в музей».

Че не реагировал на слова Тумы. Он слышал их, но чувствовал какую-то странную усталость. Он был не в состоянии не только что-либо сказать, но даже просто встать с места. Тума заметил, что с его командante что-то неладно. Он подсел к нему.

— Эй, Че, что с тобой? Ты что такой грустный? Тебя доканала жара? Ты просто слишком стар для партизана. Тебе надо бы подыскать что-нибудь более солидное. Почему ты не остался на посту министра промышленности? Я знаю массу людей, которые дрались бы за этот пост.

Че тяжело вздохнул и повалился на бок. Тума помог ему растянуться на траве. Теперь он больше не походил на доктора Гонсалеса. Теперь ему пришлось бы признаться, что он Че. Его волосы вновь буйно отрасли, а борода напоминала о боях прежних лет. Но вид у него был болезненный. Усталый. Переутомленный. Тума вылил воду из своей фляги на платок и

протер ему лицо.

Сухие губы Че раскрылись. Выразив удовлетворение и благодарность, он начал высасывать влагу из платка.

— Внезапный приступ слабости и ничего более. Не беспокойся, Тума. Но расскажи мне что-нибудь. Расскажи мне о себе. Тебя так приятно слушать.

Тума обрадовался этому предложению. Он положил винтовку на колени и окинул взором джунгли. В этом жутком лесу росли прекрасные цветы.

— Ты спокойно можешь не открывать глаза. Я буду начеку. Расслабься. Ты это заслужил.

Знаешь, сколько мне было, когда я на Кубе примкнул к партизанам?

Че покачал головой. Его движения были вялыми. Сейчас ему не хотелось ни выслушивать вопросы, ни отвечать на них. Он хотел только слушать и, может быть, немного вздремнуть.

Тума понял это и продолжал:

— Мне было семнадцать. Я сбежал из дому, чтобы присоединиться к повстанцам. Но вы тогда меня не приняли.

Че вяло улыбнулся. Он хорошо помнил этот эпизод.

— Вы сказали, что тот, кто желает вступить в революционную армию, должен иметь оружие. Вероятнее всего, вы просто хотели от меня избавиться. Но я вернулся с пистолетом. Вот это было дельце! Как в ковбойском фильме. Вместе с несколькими друзьями, которые также хотели примкнуть к Фиделю, мы напали на одного из соседей. Мы обвязали носовыми платками нижнюю часть лица, как настоящие бандиты. Теперь я вспоминаю об этом со смехом, но тогда наша выходка казалась мне просто великолепной. Ты даже представить себе не можешь, как я был горд, когда меня приняли в твою колонну. Дружище, да что могло быть прекраснее, чем возможность взять вместе с тобой Санта-Клару. А теперь я заранее радуюсь тому, что вместе с тобой войду в Ла-Пас. Ты был для меня как отец. Тогда я поклялся быть всегда рядом с тобой. И умереть я тоже хотел вместе. Возможно, это скоро произойдет… Разве мы можем полностью исключить эту возможность?

Че не реагировал. Тума продолжал рассказывать.

— Я сразу же согласился сражаться в Боливии, хотя моя жена вот-вот должна родить.

Дружище, может быть, я уже стал отцом! Как только мы выполним здесь наши задачи, я вернусь на Кубу и посмотрю на моего ребенка. Это точно мальчик. Хочешь поспорить? Может быть, я вновь буду служить твоим охранником. Это была отличная работа. Она доставляла мне такое удовольствие! Я

приехал в Боливию через Европу. С эквадорским паспортом. А в Европе — как же называется этот город? — я побывал в ночном клубе. Они устроили там этот дурацкий конкурс танцев. Может, это покажется странным, но я принял в нем участие, и стал королем твиста… Эй, ты что, спишь?

Партизаны услышали подозрительный шум. Держа винтовку на изготове, Тума выбежал из-под кроны деревьев и начал наблюдать за небом. И в самом деле — опять самолет. Вот уже несколько дней они кружили над их лагерем. Появление самолета предвещало беду.

— Они вновь над нами!

— Это не страшно. Здесь под листьями они нас все равно не обнаружат. Надеюсь, они не заметили остальных.

Затем они услышали издалека выстрелы и разрывы бомб.

— Они сбрасывают свои бомбы в двух или трех километрах от нас. Не думаю, что там есть наши люди. Они опять действуют вслепую.

Через некоторое время все компаньерос были на местах. Че приказал взобраться на холм, чтобы оттуда наблюдать за действиями солдат.

С холма они увидели озеро, раскинувшееся перед ними во всей своей живописной красоте. На его берегах солдаты заняли позицию и вслепую обстреливали местность.

К вечеру они обнаружили заброшенный дом, в котором была вода. Сразу же приготовили еду — фрикасе из курицы с рисом. В походных условиях это был воистину королевский обед.

По радио они услышали, что армейские подразделения подвергли жестокой бомбардировке партизан и при этом нанесли им тяжелые потери. Это сообщение развеселило всех, и они некоторое время отпускали всякого рода шутки относительно бездарности армии. Только Че тихо сидел в углу комнаты и почти не разговаривал. Чувствовал он себя отвратительно.

На другой день на рассвете, когда отряд уже собирался выступать, Че внезапно скрючился и, как сраженный пулей, рухнул на землю. Его вывернуло наизнанку. Одновременно у него начался приступ. С раскрасневшимся лицом и выпученными глазами, он корчился от боли. Коко сразу же оказался возле него. Затем подбежал Тума. «Желудочные колики. Дайте мне лекарство!»— простонал Че, и его снова вырвало.

Перед глазами все расплылось. Кто-то влил ему в рот лекарство. Затем солнце, казалось, приняло гигантские размеры и обрушилось на него. Он потерял сознание.

Очнувшись, Че сперва почувствовал покачивание гамака. Затем увидел над собой листья, а еще выше небо. Он чувствовал

себя значительно лучше, но одежда прилипла к телу. Воды не было. Он не знал, когда ему представится возможность помыться.

Тут ему передали коммюнике номер тридцать шесть. Прочитав его, Че отнюдь не повеселел.

— Я думаю, — сказал он, разрывая листки в клочья, — я думаю, что в настоящий момент мы полностью предоставлены самим себе.

Че ворочался в гамаке. Он не мог заснуть. Тогда он взял транзистор и начал искать какую-нибудь аргентинскую станцию. Вслед за комментарием, посвященным проблемам внутренней политики, передали сообщение из столицы Боливии. «Из Ла-Паса сообщили, что на рассвете в районе рудника «Сигло XX» пьяные шахтеры, вооруженные огнестрельным оружием и динамитом, напали на солдат боливийской армии. При этом погибли офицер и солдат из подразделения рейнджеров.[23] Армия приняла предупредительные меры. По последним данным, шахтеры потеряли восемьдесят семь человек убитыми и ранеными».

После рекламы лекарства «Мехораль» («ваша головная боль мгновенно исчезнет») вновь начали передавать танго. Че выслушал первые ритмы, а затем принялся искать боливийскую радиостанцию. Но в передаче новостей ничего не говорилось об инциденте.

Он вновь проникся оптимизмом, к которому, однако, примешивалось ощущение беспомощности. Что же там произошло такого, что армия действовала так жестоко? Как отреагируют шахтеры? Примирятся ли они с резней? В 1952 году они уже свергли правительство.

Он подумал о первом варианте призыва к шахтерам. Нужно проанализировать ситуацию, показать связь между борьбой горняков и действиями партизан. Рабочие должны захватить власть в государстве, иначе с ними случится то же, что и в 1952 г. Тогда они не взяли власть в свои руки и в итоге вынуждены были беспомощно наблюдать, как плоды их победы развеялись словно дым.

Нельзя отрицать, что партизанская борьба потрясла страну. В армии наблюдаются первые признаки деморализации. Но что будет дальше на рудниках? Можно ли достичь еще чего-нибудь с помощью баррикадных боев? Эти бои были героическими, но они не привели ни к какому результату.

Он продумал прежние призывы: «Горняки, не слушайте лжепророков массовой борьбы. Массовую борьбу могут вести только партизаны, которые постоянно атакуют вражескую армию, деморализуют ее и в конце концов громят ее. При этом следует постоянно оказывать на правительство нажим политическими

средствами. Но военный нажим можно оказывать только с помощью партизанских, а отнюдь не массовых неорганизованных действий».

Он вытащил из рюкзака карманный фонарик, письменные принадлежности и написал призыв к шахтерам. Он закончил его словами: «Компаньеро горняк, партизаны Национально-освободительной армии ожидают тебя с распростертыми объятиями. Мы восстановили союз между крестьянами и рабочими, который был уничтожен. Поражение мы превратим в победу. Мы ожидаем тебя!»

Только через несколько дней Че узнал подробности о событиях на рудниках. Вплоть до глубокой ночи он разбирался с этими сообщениями. Он пытался понять их суть. Он никак не мог постигнуть, почему же сорвалась эта забастовка шахтеров. Они же располагали собственной радиостанцией. Рудники были объявлены освобожденными зонами и все же… Они хотели пожертвовать дневным заработком в пользу партизан. Он потер лицо. Ему никак не удавалось сосредоточиться. Он все еще не понял толком, как же разворачивались события. Солдаты взяли штурмом профсоюзный центр и радиостанцию.

Все кончилось кровавой расправой. Теперь-то уж горняки должны проникнуться безграничной ненавистью к властям. Солдаты расстреливали женщин и детей. Шахтеры пока еще были вооружены. Почему же они сейчас не сражаются? Они же заявили, что хотят биться бок о бок с партизанами. Почему же их борьба перешла в апатию? Что делают политические организации?

Че в эту ночь не спал и пытался получить на основе этой скудной информации ответ на свои вопросы.

Во время борьбы на Кубе они располагали мощной организацией, ведавшей не только привлечением новых бойцов, но также и снабжением их. Такая же организация вела политическую борьбу и проводила вооруженные акции. За ней стоял кубинский народ, который и помог завершить политическую и вооруженную борьбу.

Здесь планировалось нечто подобное. Партизаны хотели побудить левые политические организации выступить единым фронтом. Нужно было наладить взаимодействие между борьбой горняков и политической борьбой в городах. Когда шла подготовка, все, казалось, говорило за успех. Но как же мало было до сих пор сделано. Почему?

Но, может быть, это только вопрос времени. Он надеялся, что это так.

В эту ночь он очень хотел, чтобы под его началом было человек сто, чтобы интенсивнее вести вооруженную борьбу. Тогда

было бы время заняться и другими проблемами.

Анисето и Луис заснули на посту. Жара. Изнурительные переходы. Комары.

Семь дней дежурства по кухне! — распорядился Че.

Оба провинившихся только ухмыльнулись. Они хорошо понимали, что их поступок в условиях партизанской войны ставил под угрозу жизнь всех бойцов. Так что наказали их еще очень мягко. Че вполне мог приказать их расстрелять.

— И день без жареной или печеной свинины.

Вот это уже посуровей. Неизменная похлебка всем уже осточертела. Не обращая больше никакого внимания на обоих, Че погрузился в свои мысли и вытащил из рюкзака дневник.

Ему уже тридцать девять лет. О своем будущем он думал как партизан. В настоящее время он партизан душой и телом. Подводя итог прошедшим неделям, он пришел к выводу, что от действий его маленького партизанского отряда режим в Боливии зашатался. США оказывали правительству все большую поддержку. До этого он никогда еще так четко не сознавал, что партизанская борьба может служить катализатором. Чего, конечно, им не хватало, так это поддержки со стороны крестьян и рабочих. С самого начала их экспедиции они были почти полностью предоставлены самим себе.

Тут Луис своей просьбой отвлек его от дальнейших размышлений. У нескольких бойцов болят зубы. Они хотят подлечиться. «Страдающие зубной болью раздражительны и плохо сражаются».

Че кивнул и отложил дневник в сторону. Он знал, что он очень дрянной зубной врач. Еще на Кубе он практиковался в этом ремесле и причинил некоторым товарищам муки и страдания. Теперь опять надо браться за это дело. Он уже примирился с этим. Он вновь займется удалением зубов. В этот раз хоть болеутоляющие средства под рукой. Он вспомнил эпизод, случившийся на Кубе, когда он мог смягчить боль своим пациентам только окриками.

Че последующие два дня был занят удалением зубов.

Паулино обязался установить контакт с городом и передать некоторые сообщения. Че непременно хотел дать знать жене Инти, что весть о смерти ее мужа всего лишь одна из пропагандистских фальшивок. Заодно он собирался передать донесение Фиделю. Контакт с Кубой нельзя было прерывать ни в коем случае.

Внезапно где-то неподалеку раздались выстрелы. Теперь следовало сменить несколько бойцов, организовавших засаду. Че тут же вскочил на своего мула. Он пытался как можно быстрее

добраться до места, где шел бой.

Там уже царила тишина. Четыре убитых солдата лежали на отмели. Теперь у них легко можно было бы забрать оружие, но Че крикнул:

— Мы не знаем, где прячется враг. Оружие мы заберем, когда станет совсем темно.

Бойцы заняли позиции в джунглях и стали наблюдать за рекой.

Они услышали шум, похожий на треск ветвей. Кто-то работал мачете. Мигель уже хотел выстрелить. Но Че удержал его: «Не стрелять, пока не покажется противник».

Внезапно возле них оказались Антонио и Пако.

— Дружище, ребята, мы вас чуть было… В этот момент их начали обстреливать из винтовок. Партизаны ответили огнем.

Это сражение не отвечало правилам партизанского боя. Поэтому Че не хотел вести его. Они не видели врага и, следовательно, только понапрасну расстреливали патроны. И не они определяли место и время битвы. «Мы отступаем, — приказал он. — Отходим!» Но не все послушались приказа, а преисполненные боевого азарта, продолжали стрелять. К досаде Че, отход очень сильно затянулся.

Поступило сообщение, что ранено двое бойцов. Че вновь сделался врачом. Врач-перуанец также был готов помогать. Помбо был легко ранен, ему попали в ногу. Это здорово помешает ему во время предстоящих переходов, но пока еще у них имелись лошади и мулы.

Старого друга Че Туму также несли двое бойцов. На его лице уже лежал отпечаток смерти. Че был потрясен. Именно Тума. Товарищ, без которого даже не мыслилась борьба последних лет.

— Мы должны срочно оперировать! Они отнесли Туму в дом. Кровь хлестала из его раны в животе. Он схватил Че за руку. В его хватке пока еще чувствовалась сила.

— Че, команданте, возьми мои часы!

— Нет, ты будешь жить. Или ты не доверяешь мне как врачу?

Тума попытался улыбнуться.

— Возьми мои часы.

Че знал этот жест. Многие товарищи, умирая, отдавали свои часы, чтобы жена, дети или родители сохранили их как последнюю память о погибшем. Че не хотел лишать его мужества и потому отказался принять часы. Но он сам сознавал, как мало шансов у Тумы выжить.

— Че, сними у меня с руки часы. Я знаю, что все кончено. Ты врач, а не волшебник. Моему сыну — я не повидал своего сына — скажи, что его отец был революционером и что революция — это

самое важное в жизни и…

— Молчи! Ты будешь жить, и мы вместе выдержим еще много боев. Перу. Аргентина. Венесуэла. Гватемала.

Тума покачал головой, сам снял часы и протянул их Че. Тот молча взял последний дар.

Че осмотрел своего друга и констатировал, что пуля почти полностью разорвала печень. Его охватило ужасное чувство потери незаменимого человека. Оно целиком заполнило его и заставило даже забыть про астму.

Тума видел горе на лице своего друга и попытался пошутить.

— Я всегда думал, что меня такой крохотной пулей не убьешь.

Он умер во время операции.

Че вышел из дома. В глазах потемнело, он боялся упасть в обморок. Он тщательно застегнул на руке часы, и сказал самому себе:

— Я буду носить их на протяжении всей борьбы. Вплоть до освобождения Боливии.

Удар за ударом обрушивался на Че. Хоаким со своим отрядом попал в засаду. Он погиб. Вместе с ним пали Таня, Эль Негро, Браулио, Алехандро, Моисес, Вальтер, Торо и Маймура. Смерть Тани особенно потрясла его. Она проделала такую важную работу в Боливии. У нее был веселый нрав, всепобеждающая воля к жизни. Множество пуль пробило ее тело во время переправы через реку.

Он не успел еще прийти в себя, когда погибли Коко, Мигель и Хулио.

Вилли сидел рядом с Че на каменистой земле.

— Все идет вкривь и вкось, команданте. Мы потеряли наших лучших бойцов. Контакт с крестьянами устанавливается еле-еле. В отряд не поступает пополнения. А в этой местности вроде бы находится от тысячи восьмисот до двух тысяч правительственных солдат. Это значит, что они нас взяли в кольцо.

Че набил свою трубку. Его лицо было усталым. Глаза глубоко запали.

— На Кубе, — сказал он, — мы постоянно находились в окружении. За спиной у нас было море, а впереди равнины и рисовые поля. Мы долгое время передвигались по местности шесть миль в длину и столько же в ширину. Так что здесь, в Боливии, дела наши не так уж плохи. Во много раз лучше, чем на Кубе.

Вилли, ничего не понимая, поглядел на Че.

— В проклятом месте, которое весьма удачно назвали Алегрия-де-Пио — Святая радость — нас застигли врасплох

солдаты Батисты. Меня тут же ранили, а группа рассеялась. Двадцать пять наших людей погибло. Только пятнадцать партизан живыми добрались до Сьерры. Пятнадцать! И все же через два года мы победоносно во главе Повстанческой армии вступили в столицу. Тогда все было гораздо труднее. Мы не имели боевого опыта. Здесь, в Боливии, мы сперва спокойно обоснуемся. Мы исходим из того, что борьба будет долгой и мы получим помощь в международном масштабе. Наш первый бой на Кубе сразу же превратился в катастрофу для армии. Там мы добились чего-то гораздо более важного. Мы на Кубе доказали, что марионеток янки в Латинской Америке вполне можно победить.

— И, — прибавил Че, — если бы мы тогда, при первом столкновении с врагом, все погибли, разве это означало бы, что наша концепция борьбы была неверной?

Подбежал Бенигно.

— Команданте! Ложбина окружена. Боюсь, что мы зажаты в тиски.

Местность просто на редкость не подходила для боя. В каньоне почти никакой растительности. В основном камни и небольшие терновые кустарники. Несколько деревьев с кривыми стволами вцепились корнями в склоны. Здесь нельзя было ни укрепиться, ни устроить засаду. Здесь их сразу обнаружили бы. В самом глубоком месте ложбины листва на деревьях, растущих по берегам узкой речушки, была чуть погуще.

— Мы должны добраться до деревьев у реки! Продолжать наблюдение за вражескими войсками! А затем осторожно отходим. Мы засядем внизу у реки.

Приказы Че были немедленно выполнены. Оказавшись в относительной безопасности у деревьев, Че от души выругался, потому что обойма его пистолета была пуста. Быть может, сегодня ему удастся захватить новое оружие. Во всяком случае, это не исключено.

Поступило новое сообщение: «Солдаты продвигаются к холмам вокруг ложбины. Они пытаются взять нас в клещи».

Че приказал сохранять спокойствие.

— Положение пока еще не критическое. Если солдаты атакуют под вечер, мы сможем задержать их огнем до наступления темноты. Под покровом ночи мы попробуем прорваться сквозь кольцо окружения. Одна группа должна остаться здесь, чтобы задержать солдат. Другая группа попытается прорвать кольцо по направлению к Рио-Гранде.

Инти и Помбо тотчас добровольно согласились задержать солдат, чтобы прикрыть своих товарищей.

И тут на них обрушился огонь из винтовок и гранатометов.

Он разметал листву деревьев. Солдаты обнаружили их позицию. Партизаны окрыли ответный огонь из своих скорострельных винтовок и автоматов.

Че знал, что против них сражались молодые солдаты, которым очень хотелось отличиться. Охваченные боевым задором, они пошли в атаку.

Уже через несколько минут двое из них упали замертво. Еще один был ранен и громко стонал. Это несколько охладило боевой пыл остальных. Солдаты вновь отступили.

— Мы добьемся своего, — радовался Инти, — мы задержим их здесь. У нас не такая уж плохая позиция.

Че размышлял. Решение давалось нелегко. Инти и Помбо были его лучшими бойцами. Отряд за последние недели понес тяжелые потери. Мог ли он теперь оставить своих лучших бойцов, чтобы задержать врага? С другой стороны, у них был шанс вырваться из котла.

Инти сказал:

— Команданте, выводи отряд из кольца. Оставь здесь меня и Помбо. Когда наступит ночь, и вы уже будете далеко, мы также прорвемся.

Че согласился. Они договорились о месте, где им предстояло позднее встретиться.

— А кто еще останется с группой прикрытия? Согласились Урбано, Бенигно, раненный в плечо, Дарио, Нато и Анисето. Они тут же заняли наиболее удобные оборонительные позиции. Че с остатком отряда пошел на прорыв. Они бежали прямо к кольцу окружения. Че слишком поздно распознал опасность. Пути назад им не было.

— Ищите укрытие! Укрывайтесь по одному! Нам нужно продержаться до темноты! — закричал он и открыл огонь по солдатам. Но возможности найти укрытие почти не было. Напротив, их врагов почти не было видно.

Внезапно Че потерял из виду своих людей. Он слышал только громкую пальбу из ложбины. Очевидно, компаньерос удерживали там свои позиции. Че находился на верхнем краю каньона. Он попытался найти укрытие между скал. Стоя спиной к скале, он по крайней мере знал, что сзади его не атакуют. Он пока еще не признал себя побежденным. Мельком взглянул, хватит ли у него патронов, и стал искать невидимого врага.

Он плотнее прижался к скале. Пулемет бил почти прямо по нему. Его позицию обнаружили. Пули с жужжанием проносились мимо лица.

Тут он услышал вопль Эль Чино. Его ранило. Он находился недалеко от Че. Он также прижался к скале.

— Я не могу больше двигаться. Свиньи проклятые! — заорал Эль Чино и открыл яростную стрельбу.

Че увидел каску вражеского солдата. Спокойно прицелился в него из своей винтовки. Грохнул выстрел. Солдат мешком рухнул на землю.

Че хотел добраться до Эль Чино, чтобы перевязать его. В случае необходимости он проложит себе дорогу огнем. Солдаты обстреливали теперь его из гранатометов. Рядом с ним Вилли стрелял по атакующим из автоматической винтовки.

— Береги патроны! — крикнул Че. — Прикрой меня огнем. Я попробую вызволить Эль Чино.

Вилли молча кивнул. Он вновь прицелился из винтовки. Че хотел уже бежать. Вдруг он вздрогнул и рухнул на землю. Икра заныла от пронизывающей боли. Пуля пробила мышцу.

Че перевязывал ногу. От потери крови ненадолго закружилась голова. Вилли тем временем бил по расположению гранатомета.

Че не мог больше добраться до Эль Чино. Он был в состоянии удерживать только свою собственную позицию. Он потерял всякое чувство времени. Возможно, что уже прошло много часов.

Он прикинул, что у него, во всяком случае, достаточно патронов, чтобы продержаться до ночи. И тут осколок гранаты разнес в щепки его оружие.

Машинально он отшвырнул остатки винтовки и схватился за револьвер, но в нем не было патронов. Теперь он был безоружен. Он пригнулся и попытался перевязать свою ногу, чтобы добежать до другой позиции.

Вилли подбежал к нему.

— Ты тяжело ранен, команданте?

— Если я обопрусь на тебя, мы сможем вырваться отсюда. Плохо то, что моей винтовке конец.

Временная повязка была уже почти готова, когда правительственные солдаты ринулись на партизан. Вилли сразу же открыл огонь. Он расстрелял всю обойму.

Че трясло от приступа кашля. Астма его доконала. Он изнуренно взглянул на множество направленных на него винтовок. Группа солдат окружила их.

— Мы захватили двоих в плен! Подбежавший офицер не сразу узнал его.

— Ты кто? — заорал он.

— Я команданте Че!

— Только не наглеть! — рявкнул капитан. Неподалеку раздавалась бешеная пальба. Сперва слышен был огонь гранатометов, пулеметов, затем разрозненные прицельные

выстрелы винтовок партизан. Че улыбнулся. Группа прикрытия продолжала сражаться. Там были лучшие бойцы. Они не тратили зря патронов. Че надо было выиграть время.

— У меня в икре правой ноги засела пуля. Я требую врача.

К изумлению армейского командования, Че постоянно оказывал медицинскую помощь пленным, захваченным в предыдущих боях. Но капитан и не пытался действовать так же. Он мельком взглянул на рану и заорал:

— Ничего страшного. Нечего притворяться, Эрнесто Гевара!

Че улыбнулся. Он и не ждал пощады.

Офицер связался по радио с оперативным штабом в главной ставке.

«Говорит Тощий. Папа у меня. Конец».

«Говорит Сатурн. Дайте Тощего. Пусть подтвердит, что Папа у него. Конец».

«Алло, Сатурн. Вышлите немедленно вертолет. Не исключено, что нас атакуют. Конец».

«Вертолет прибудет через двадцать минут. Конец».

— Зачем солдаты собирают хворост? — спросил Вилли.

— Видимо, они хотят сигналить вызванному вертолету. Они боятся. Действительно, смех да и только: мы безоружны, ранены, а у них на каждого из нас приходится по паре сотен человек, чтобы охранять. И все равно они нас боятся.

Они услышали гудение вертолета, шедшего на посадку. Внезапно с некоторого расстояния на него обрушился концентрированный огонь. Вертолет тут же повернул в сторону.

Че с жадным любопытством наблюдал за второй попыткой приземлиться. И вновь от нескольких прицельных выстрелов пилот опять испугался. Вертолет снова развернулся.

— Тогда мы погоним вас в Игеру пешком! — завопил офицер.

— Не запугаете! — с издевкой ответил Че.

— Мы должны оставить два поста, чтобы они помешали уцелевшим партизанам преследовать и атаковать нас.

Начался спуск с гор в Игеру. Продвигались очень медленно, поскольку отряду пришлось нести нескольких тяжелораненых солдат.

Че всем своим видом выражал презрение к врагам. Только один раз он печально потупил взор. Они прошли мимо трупов Антонио, Артуро и Пако. Их тела были изрешечены пулями.

— Они что, будут нас судить или сразу убьют? — спросил Вилли.

Че задумался, а потом сказал еле слышно:

— Нас не будут судить. Мы для них слишком опасны. Они

убьют нас. Или ты думаешь, они предоставят нам возможность заклеймить перед судом преступления американского империализма, в то время как во всем мире развернется широкая международная кампания в нашу поддержку? Нет, нас ждет смерть.

Вилли попытался сохранить самообладание. Он только произнес:

— Скоты! Мы погибнем, но это не значит, что погибла революция!

— Если Инти и Помбо узнают, что команданте попал в плен, они нападут на них, чтобы освободить тебя. Даже если им придется биться с тысячью солдат.

— Я знаю, они продолжат нашу борьбу. Внезапно Че остановился и закричал:

— Эй, капитан! Развяжи нас! Я ранен. Я безоружен. Я хочу есть и пить. Ты что, все еще боишься меня?

Че знал, что капитан с удовольствием сразу же расстрелял бы его. Вполне возможно, офицер опасался наличия в своем собственном подразделении солдат, сочувствовавших идеям партизан. Поэтому он сознательно дерзил ему. Он обозвал его трусом. Капитан должен был как-то отреагировать. Пока он считался трусом, моральный дух солдат не мог быть на высоте. Тактика Че оправдалась. Офицер громогласно объявил о своей готовности развязать пленных. Но на протяжении всего перехода он держал свой автомат на изготовку.

Че знал, что его ожидало. Он рассчитывал, что в любом случае его будут допрашивать. По-видимому, этим займутся специалисты из ЦРУ. Сотрудники ЦРУ захотят перед убийством получить от него подробные сведения. Они знают, как заставить людей говорить. Он надеялся, что достаточно подготовлен к этому суровому испытанию. Поскольку рана все больше и больше мешала ему идти, он стал опираться на солдата. Че говорил с ним о причинах неграмотности.

В Игере находилась военная база. В неказистом здании школы располагался командный пункт. В местечке насчитывалось всего несколько хижин и сараев.

Командир батальона «рейнджеров» прилетел на вертолете из Валье-Гранде.

Че и Вилли поместили в двух изолированных комнатах в школе.

Когда Че ввели в класс, там у доски стояла молодая женщина и писала задание на следующий день. Она надеялась, что солдаты к тому моменту уже очистят школу.

— Вы здешняя учительница? — спросил Че.

Она кивнула, но так и не решилась взглянуть на него.

Он показал на доску и сказал:

— А Вы знаете, что это односложное слово пишется без ударного знака? Женщина покраснела.

— Вам нечего стыдиться. Дело не в Вас. Дело во всей системе образования. Такие школы, как эта, на Кубе даже невозможно себе представить.

— Меньше болтай! Лучше побереги силы. Тебя сейчас будут допрашивать! — рявкнул офицер.

— Пока мне не перевяжут рану, я не скажу ни одного слова. Кроме того, я хочу, чтобы мне вернули табак, трубку и принесли воды.

— Ах, ты еще и претензии предъявляешь!

Че больше не обращал на солдат никакого внимания. Для него гораздо важнее было объяснить молодой учительнице взаимосвязь между назревшей аграрной реформой и системой образования. Он сознавал, что для него это была последняя возможность кому-нибудь хоть как-то разъяснить смысл партизанской борьбы в Боливии.

Его рану кое-как перевязали. Табак ему тоже вернули.

Мысль, что агенты ЦРУ надеялись заставить его говорить с помощью свежей повязки и пачки табаку, заставила его улыбнуться.

— Прекрати ухмыляться! — крикнули на него.

Затем эмигрант-кубинец Гонсалес начал допрос.

— Почему ты сражаешься здесь? Ты же аргентинец. Почему ты не борешься в своей стране?

— А почему ты здесь? Ты же кубинец? Рука Гонсалеса дернулась. Он уже хотел ударить Че за эту дерзость, но, по-видимому, презрительный взгляд Че удержал его.

— Отвечай на мой вопрос!

— Революция не знает границ. Бой идет там, где американский империализм угнетает народы. Если ты хочешь больше узнать о теории партизанской войны и революции, — с откровенной издевкой произнес Че, — тогда я советую тебе приобрести некоторые мои книги, которые вышли на Кубе. Кроме того, я рекомендую ознакомиться с речами Фиделя.

Это продолжалось еще некоторое время. Затем в класс вошел офицер Эспиноса, рванул Че за волосы, с силой ударил его и отобрал трубку.

Внезапно Че резко выбросил ноги вперед. Он попал Эспиносе в берцовую кость. Тот рухнул плашмя.

— Верни мне мою трубку, собака! — орал Че.

Допрос продолжался уже несколько часов, но все

ограничилось пока лишь «политической дискуссией по общим проблемам». Полковник Сентено Анайя получил еще крепкий удар кулаком за то, что оскорбил Че. После этого он прострелил Че правую руку, но и это не сделало того более разговорчивым.

По обрывкам разговоров, которые смог уловить Че, он понял, что Инти, Помбо и другие прорвались сквозь кольцо окружения. Теперь они блуждали где-то в этих краях. Прибыв к условленному месту встречи, они, несомненно, поймут, что он и Вилли попали в плен. Он вполне допускал мысль, что они нападут на лагерь. Но это было бы неразумно. У них все равно ничего не выйдет. Хотя… Он услышал голоса первых подвыпивших солдат. Если эти продолжат в том же духе, подумал Че, их ждет горькое похмелье.

Двое агентов ЦРУ вошли в комнату. Они презрительно поглядели на Че…

— Так, — начал глумиться один из них. — Ты, значит, и есть тот самый великий человек? Непобедимый Че Гевара?

Он приблизил свое гладко выбритое лицо к лицу Че. Затем он начал говорить с ним притворно, как с ребенком.

— А ведь так все здорово начиналось, не так ли? Но теперь все кончено. Борьба ваша полностью проиграна. Мы с нашей техникой сумели справиться даже с тобой. Да, ты был чертовски хорошим бойцом. Очень жаль, что ты сражался не на той стороне. Мы тщательнейшим образом изучали твою теорию партизанской борьбы. Не иначе, считал себя непобедимым, не так ли? Но мы многому научились. Ты, конечно, уже поверил, что одержал победу, нанеся армии несколько поражений, не так ли? Этот сброд ты вполне мог победить. Но людей, которые так лихо разделались с тобой, мы здесь обучали специально. Специально, чтобы захватить тебя. Ты заметил, что последние недели ты терпел неудачу за неудачей? Ты просто столкнулся с нашими подразделениями по борьбе с партизанами.

Мы всегда знали, где ты находишься. Именно, всегда. Твоя вьетнамская печь, горящая без дыма, не помогала тебе. Мы засекли вас при помощи специальных приборов, аппаратов, которые реагируют на тепло.

Неожиданно один из сотрудников ЦРУ ударил Че в лицо.

— Я вижу, ты удивлен. Вы же слышали шум многих маленьких самолетов. Это и были наши радиолокаторы. Так мы сумели окружить тебя и твой отряд. Эта современная техника навсегда покончила с партизанской борьбой. К тому же нам пришлось возиться только с вами. Тебе не удалось привлечь на свою сторону население. Какой же вывод? У вас не было шансов. Партизаны будут теперь повсюду разгромлены. Во Вьетнаме, Гватемале, Колумбии. Теперь мы хозяева положения. Нам нужно

только приспособиться к вашим методам борьбы. Трусливо кусать и исчезать. Но с этим теперь покончено.

Че непреклонно смотрел ему в глаза. Он чувствовал, что близок к обмороку. Раны в руке и ноге причиняли неимоверные страдания. Он потерял слишком много крови.

— А знаешь, что самое замечательное? Сообщение о твоей смерти уже напечатано… «Нью-Йорк тайме» еще вчера опубликовала огромный репортаж: «Последний бой Эрнесто Че Гевары». Вот так-то.

На протяжении суток агенты ЦРУ пытались выведать у Че хоть что-нибудь об освободительной борьбе в Латинской Америке. Наконец они поняли, что все их попытки ни к чему не приведут.

Капрал Теран, шатаясь, ввалился в комнату к Че. Он был совершенно пьян. В этот момент Че услышал, как Вилли закричал: «Я горжусь тем, что умираю вместе с тобой, Че!» Затем раздались выстрелы. Эль Чино убили вместе с Вилли.

Че посмотрел на своего убийцу, в глазах которого был отчетливо виден страх. Че знал, что настал его смертный час, но палач все еще колебался.

— Стреляй! — сказал ему Че. — Я не боюсь.

Однако тот так и не решился выстрелить. Он просто ушел. Че слышал, как двое офицеров принялись орать на него, что он не понимает, какая это честь — убить Че. Но на деле оба они, вероятно, опасались, что партизаны могут отомстить убийцам Гевары. Поэтому они подсунули вместо себя пьяного капрала.

Теран вновь вошел в комнату. Он прицелился в Че и дал по нему очередь из автомата. Пули попали в нижнюю часть туловища и в ноги. Несколько пуль пробило тело Че. На деревянном полу класса образовалась лужа крови. Но он был еще жив. Раны в живот только усилили его мучения.

Че бесконечно долго лежал на полу. Все чаще он терял сознание, и это избавляло его от страшных болей.

Он услышал, как кто-то заорал:

— Теран, пойди и добей его!

Капрал снова вошел в комнату. Он остановился возле Че и некоторое время пристально смотрел на него. Затем вытащил пистолет и приставил его к виску Че.

Вот так приблизительно это произошло. Имена убийц не остались в тайне. К удивлению своему, он установил, что некоторые из них умерли не своей смертью.

Даже мертвый Че внушал своим убийцам страх. Его труп бесследно исчез, а школу, в которой были убиты Че, Вилли и Эль Чино, на следующий день сровняли с землей. Не должно было

остаться никаких следов.

Но, дойдя до последних минут жизни этого человека, он не прекратил изучать биографию Че Гевары. Еще долго перед ним громоздились горы исписанной бумаги. Еще на многие вопросы он так и не нашел ответа. Но постепенно множество небольших ярких мазков заполнили контуры его незримого образа. Че стал ему гораздо ближе. Многое он понял. Многое осталось для него неясным. Он должен был искать дальше, ибо хотел подойти вплотную к тем проблемам, которыми до сих пор никто не занимался. Проблемам, которые только-только обозначились.

Отчужденность исчезла. Мечты Че приобрели конкретный облик. Слабости, на которые другие показывали пальцем, показались ему теперь незначительными. И наоборот, явственно обозначились те слабости, которые другие не хотели замечать, чтобы создать безупречный образ.

Вместе с тем более четко вышли на первый план его сильные стороны. Это сделало его как-то ближе. Че приобрел человеческие черты. Он осознал, что убить человека — это не значит убить его идеи и убеждения. Оружие, которое было выбито из рук Че, не осталось валяться где-то в пыли. Многие, очень многие люди ощутили после этого потребность подобрать его. Пришлось потерпеть много жестоких поражений, но и побед стало больше. И невозможно было больше убить мечту о создании нового человека.

Остались явственные, глубокие, неизгладимые следы. Они показали, что Че вышел победителем.

Его мечты остались гордым вызовом, брошенным врагу.

Жизнь, отданная революции

Победа Кубинской революции 1 января 1959 года, которая привела к созданию первого социалистического государства в Западном полушарии, была подготовлена всей историей многолетней борьбы народа Кубы против иностранного господства за свою свободу и независимость.

В этой борьбе активное участие принимали и представители других народов. Вспомним, например, доминиканца Максиме Гомеса, сыгравшего выдающуюся роль в период борьбы за независимость и ставшего в 1895–1899 гг. главнокомандующим национально-освободительной армии Кубы. Известно, как добровольцы русский Петр Стрельцов и поляк Кароль Ролов-Миаловский храбро сражались в рядах кубинских повстанцев.

Имеется много примеров участия иностранцев в борьбе за национальную независимость и других стран Латинской Америки.

Эта старая традиция сохранилась и в наше время. Поэтому вполне закономерным было, что среди 82 участников легендарной экспедиции «Гранмы» находились также иностранцы: итальянец, мексиканец, гватемалец, доминиканец и аргентинец Эрнесто Гевара, которого на Кубе стали звать Че.

Это имя через несколько лет облетело весь мир. Оно стало символом борьбы народов стран Латинской Америки, Африки и Азии за свою независимость и свободу.

Эрнесто Гевара де ла Серена родился 14 июня 1928 года в г. Росарио (Аргентина) в состоятельной семье архитектора. Окончил медицинский факультет университета в Буэнос-Айресе. Получил диплом врача.

Еще студентом он совершил со своим другом первое путешествие в Чили, Перу, Колумбию и Венесуэлу. Затем последовало второе путешествие по странам Латинской Америки: в Боливию, Перу, Эквадор, Колумбию, Панаму, Коста-Рику и Сальвадор.

Целью этих поездок было изучение социальных условий, проблем революционного движения стран региона.

В этих странах Че вплотную столкнулся с нищетой, голодом, болезнями — пагубными последствиями политики угнетения и порабощения, которую проводили и ныне проводят в отношении стран континента США. Че часто думал о том, как можно добиться справедливости. Ответ для него был однозначен: для этого нужна коренная социальная перестройка общества, нужна подлинная революция.

В 1954 году он принимает участие в революции в Гватемале, которая стала для него важной политической школой и оставила в его жизни глубокий след. Че Гевара вспоминал позже, что именно в Гватемале он становится революционером. Уже тогда его товарищи отмечали, что у Че сложилось довольно ясное марксистское мировоззрение.

После поражения гватемальской революции Че поселяется в Мексике, где работает врачом в аллергическом отделении столичного Института кардиологии.

В Мексике в июле 1955 года состоялась его первая встреча с Фиделем Кастро,[24] который сообщил ему о намерении подготовить вооруженную экспедицию на Кубу для продолжения борьбы против диктатуры Батисты. Вспоминая об этой встрече — она произвела на него неизгладимое впечатление, — Че рассказывал:

«Я беседовал с Фиделем всю ночь. К утру я уже был зачислен в отряд будущей экспедиции… Я заразился его оптимизмом. Нужно было делать дело, предпринять конкретные меры, бороться. Настал час прекратить стенания и приступить к действиям».

В декабре 1956 года Че Гевара в составе экспедиции «Гранмы» высадился на территории Кубы. С этого времени начинается новая глава в его жизни — активное участие в революционно-освободительной борьбе кубинского народа против диктаторского режима.

В горах Сьерра-Маэстры он не только готовил боевые операции и принимал в них непосредственное участие, но занимался оказанием помощи раненым и больным, организацией мастерских по изготовлению гранат, ремонту и пошиву обуви, радиопропагандой.

По инициативе Че и под его редакцией стал выходить первый печатный орган повстанцев «Эль кубано либре» («Свободный кубинец»). Газету вначале писали от руки, а затем печатали на гектографе. Несколько позже по его инициативе стал издаваться еженедельник «Верде Оливо», орган Повстанческой армии (ныне журнал Революционных Вооруженных Сил Кубы).

Военные и организаторские способности, исключительная храбрость вскоре выдвинули Че в ряды руководителей повстанческого движения. В 1957 году он заслужил самое высокое звание Повстанческой армии — команданте (майор) и был назначен командиром колонны партизан.

2 января 1959 г. во главе колонны Повстанческой армии Че Гевара победоносно вступает в Гавану.

За революционные заслуги перед кубинским народом

декретом президента страны 9 февраля 1959 года Эрнесто Че Гевара провозглашается гражданином Кубы со всеми правами урожденного кубинца.

После победы Кубинской революции Че Гевара все свои знания, энергию, талант отдает решению народнохозяйственных задач, налаживанию экономики страны, строительству нового, социалистического общества. Революция ему доверяла ответственные государственные и партийные должности. Он занимал посты: президента Национального банка Кубы (1959–1961 гг.), командующего армией в провинции Пинас-дель-Рио во время вторжения наемников на Плая-Хирон, министра промышленности (1961–1965 гг.) и по совместительству руководителя Центрального совета планирования, члена Национального руководства и Секретариата Объединенных революционных организаций (ОРО), а затем, в связи с преобразованием ОРО, Единой партии кубинской социалистической революции.

На посту президента Национального банка Че руководил осуществлением национализации всех банков страны и переходом валютных фондов в руки государства; по его инициативе был создан Банк для внешней торговли. Он хорошо понимал необходимость укрепления финансово-экономического положения Кубы, пытался глубоко вникнуть в суть валютных проблем.

Возглавляя министерство промышленности, Че Гевара сделал многое для развития экономики страны. Активно выступал за социалистическую индустриализацию как основу для создания материально-технической базы социалистического общества, роста производства товаров массового потребления, так как социализм, подчеркивал он, непосредственно связан с благосостоянием народа. Че внимательно изучал опыт Советского Союза в области индустриализации, хозяйствования, планирования, нормирования труда. Большое внимание уделял подготовке кадров для народного хозяйства страны.

Че Гевара был инициатором социалистического соревнования на Кубе, видел в нем источник повышения производительности труда. Выступал зачинателем и вдохновителем движения за добровольный труд в нерабочее время, который способствует, по его словам, поднятию революционной сознательности масс. Сам подавал личный пример: участвовал в рубке сахарного тростника, в разгрузке судов, в строительстве различных объектов. Участие в добровольном труде позволяло Че близко общаться с трудящимися, из встреч с ними он черпал много полезного для себя.

Превыше всего Че ставил духовные ценности. Он отдавал предпочтение моральным стимулам в работе, которые, по его мнению, должны были играть важную роль в процессе формирования нового человека. Че безгранично верил в сознательность людей, в силу их примера.

Проявляя большой интерес к научно-техническим открытиям, их внедрению в народное хозяйство, он ратовал за широкую пропаганду среди трудящихся экономических и технических знаний.

Эрнесто Че Гевара блестяще представлял Кубу и отстаивал ее интересы на различных международных конференциях. В своих выступлениях он гневно осуждал агрессивные действия США против Кубы и других стран и народов, разоблачал неоколониалистскую политику империализма.

Кубинское руководство направляло Че в разные страны мира для установления деловых контактов, укрепления международных позиций революционной Кубы.

Будучи разносторонне образованным человеком, он мог успешно справляться с выполнением любого поручения, которое на него возлагалось. И какую бы работу он ни выполнял, всегда вкладывал в нее весь свой темперамент, всю свою душу.

Че Гевару отличала широкая эрудиция. Его жажда знаний не знала границ, а диапазон интересов был весьма широк и разнообразен: филология и философия, психология и искусство, история и математика, наука и техника… Увлекался шахматами и живописью, неплохо рисовал акварелью. Любил спорт: играл в футбол, регби, гольф, занимался конным спортом и планеризмом. Но главной его страстью был велосипед (называл себя «королем педали»).

Особенно любил книги. Он был неутомимым читателем. Часто жертвовал сном, чтобы почитать. Причем читал и на привале, и в перерывах между боями, и во время приступа астмы. Читал при свете костров и керосиновой лампы.

Серьезно изучал произведения классиков марксизма-ленинизма. Хорошо знал книги латиноамериканских авторов. Знаком был с трудами Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Горького. С интересом читал советскую литературу, например «Чапаева» Д. Фурманова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Молодую гвардию» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого. Советовал эти книги прочесть и другим. Всегда говорил, что герои этих произведений нравятся ему прежде всего своей целеустремленностью, и он хотел бы походить на них. Хорошо знал книгу Ю. Фучика «Репортаж с петлей на шее». Читал биографию Гёте, написанную Э. Людвигом.

С детства полюбил поэзию. Не расставался с тетрадкой своих любимых стихов и со сборником Пабло Неруды «Всеобщая песня». Сам сочинял стихи,[25] но называл себя революционером, который так никогда и не стал поэтом.

Че Гевара был талантливым публицистом и писателем, хотя себя не считал профессиональным литератором и поэтому отказался от предложения вступить в Союз писателей и артистов Кубы. Че оставил большое литературное наследство.

В период повстанческой борьбы он вел дневник, который послужил основой вышедших вскоре после победы революции его книг «Партизанская война» и «Эпизоды революционной войны (Воспоминания)».[26] В них обобщается опыт партизанской борьбы на Кубе, рассматриваются формы и методы ее ведения, рассказывается о борьбе кубинских патриотов за свержение диктатуры Батисты и установление народной власти. В 1968 году на Кубе вышло первое издание его знаменитого «Боливийского дневника»,[27] а в 1972 году было опубликовано собрание произведений Че Гевары. Они охватывают различные аспекты военного строительства и развития экономики на Кубе, ее внутренней и внешней политики, включают выступления Че на международных конференциях, а также его письма к родным и близким.

Че Гевара был человеком глубоких убеждений. В последнем письме своим детям он писал: «Ваш отец был человеком, который действовал согласно своим взглядам и, несомненно, жил согласно своим убеждениям».

Его отличали бескорыстие и скромность в быту, он питал антипатию ко всякого рода излишествам и роскоши. Довольствовался самым необходимым в жизни.

Нельзя без волнения читать строки из его прощального письма Фиделю Кастро: «Я не оставляю своим детям и своей жене никакого имущества, и это не печалит меня. Я рад, что это так. Я ничего не прошу для них, потому что государство даст им достаточно для того, чтобы они могли жить и получить образование». Главное для Че — это жить и получить образование.

Че Гевара с глубоким уважением и любовью относился к родине Ленина, был большим другом Советского Союза.

Впервые нашу страну он посетил в конце 1960 года. В Колонном зале Дома Союзов состоялась встреча общественности Москвы с Че. Автору этих строк посчастливилось присутствовать на ней. Хотя и прошло больше двух десятков лет, однако память сохранила ту торжественную обстановку и приподнятое настроение, которое царило в зале. Трудно передать словами, с

какой сердечностью, теплотой, энтузиазмом был встречен Че. Его выступление, прослушанное с огромным вниманием и интересом, не раз прерывалось бурными аплодисментами. Эта речь дала нам возможность почувствовать себя как бы участниками тех революционных свершений, которые происходили на далеком, но уже ставшем для советских людей близким, острове Свободы.

В последующие годы Че много раз посещал нашу страну. Выступая перед советскими людьми, встречаясь с ними, он неоднократно повторял, что Советский Союз — это родина социализма на земле. На него сильное впечатление произвели достижения СССР в социально-экономическом развитии.

Горячо поддерживал Че Гевара миролюбивые шаги Советского государства. Подчеркивая важность обеспечения мира на земле, он отмечал, что любой ложный шаг, любая ошибка империализма могут внезапно превратить локальные войны в большие и вызвать немедленно мировую войну. Че призывал постоянно бороться за мир во всем мире, быть готовым защищать мир до конца.

Он подчеркивал огромную роль Советского Союза в становлении нового общества на Кубе и защите Кубинской революции. Помощь Кубе, понимание со стороны Советского Союза кубинских проблем, по словам Че, это и есть подлинный пролетарский интернационализм.

С именем Че, его активным участием связано заключение первых советско-кубинских торгово-экономических соглашений, которые заложили основу нашей дружбы и сотрудничества.

Какими качествами обладал Че Гевара, что снискало ему всеобщее уважение и любовь миллионов людей нашей планеты?

На этот вопрос очень емко ответил Фидель Кастро. Выступая на митинге, посвященном памяти Че, он говорил: «Че был одним из тех людей, человеком, которого нельзя не полюбить сразу — за его простоту, за его дружелюбие, за его самобытность, за его оригинальность… Он отличался исключительной человечностью, исключительной отзывчивостью. Че был человеком, отличавшимся необыкновенной глубиной мышления, несомненной интеллигентностью, он был человеком высокой культуры. Иными словами, в нем объединялись человек высоких идей и человек действия…

…Он представлял собой редкий пример исключительной личности, объединяющей в себе не только отличительные черты человека действия, но и человека мысли, человека незапятнанных революционных добродетелей, тонкой чувствительности, направляемых железным характером, стальной волей, неукротимым упорством.

Че был примером настоящего интернационалиста. Его разум, его сердце были лишены националистических предрассудков, шовинизма, эгоизма, и он был готов пролить свою кровь, всю без остатка, за будущее любого народа, за дело любого народа, был готов пролить ее при первой необходимости.

Как революционер Че сочетал в себе достоинства, которые могут быть наиболее совершенным выражением достоинств революционера: человек в полном смысле этого слова, человек предельной честности, глубокой искренности, человек, ведущий стоический, спартанский образ жизни, в поведении которого практически нельзя было найти ни одного пятна. Эти достоинства делали его тем, кого можно с полным основанием назвать настоящим образцом революционера».[28]

И действительно, надо было обладать смелостью и мужеством, чтобы проявлять готовность выполнять самые опасные и трудные боевые поручения, постоянно рисковать своей жизнью. Надо было обладать железной волей, стойкостью, чтобы, несмотря на сильные приступы астмы, продолжать боевые марши с оружием в руках и рюкзаком на спине или вести записи в дневнике, как это он делал в горах Кубы и Боливии.

Надо было быть революционером до мозга костей, беззаветно преданным делу революции, самозабвенно служить ей, чтобы отказаться от своих должностей и положения, оставить семью, покинуть Кубу для продолжения революционной деятельности. Сам по себе этот шаг представляет исключительный подвиг.

В прощальном письме на имя Ф. Кастро от 1 апреля 1965 года Че, в частности, пишет: «Я чувствую, что я частично выполнил долг, который связывал меня с кубинской революцией на ее территории, и я прощаюсь с тобой, с товарищами, с твоим народом, который уже стал моим.

Я официально отказываюсь от своего поста в руководстве партии, от своего поста министра, от звания майора, от моего кубинского гражданства…

Сейчас требуется моя скромная помощь в других странах земного шара…»[29]

Как справедливо отмечает советский биограф Эрнесто Че Гевары И. Р. Лаврецкий, «Че покинул Кубу не потому, что он потерял веру в революцию, а потому, что он в нее безгранично верил. Он покинул Кубу, чтобы вновь сражаться с оружием в руках против империалистов, не только потому, что считал это своей священной обязанностью, но и потому, что страстно этого сам желал».[30]

В ноябре 1966 года Че Гевара (под псевдонимами Рамон, Фернандо) прибыл в Боливию. Здесь он пытался с группой

борцов-интернационалистов организовать партизанское движение против сил местной олигархии.

8 октября 1967 года во время карательных операций боливийских войск раненый Че был захвачен в плен и на следующий день зверски убит.

Страх убийц перед героическим партизаном, революционером, коммунистом Че был настолько велик, что вынудил их тайно захоронить его тело. До сих пор неизвестно, где покоятся останки Че. Есть версия, что его труп был кремирован, а прах захоронен в тайном месте.

Эрнесто Че Гевара погиб за великое дело освобождения народов от гнета и порабощения. Светлый образ Че, человека высокой душевной чистоты и беспримерной самоотверженности, будет вечно жить в памяти всех прогрессивных людей мира.

Об Эрнесто Че Геваре — одном из руководителей Кубинской революции, испытанном интернационалисте, о его недолгой, но замечательной жизни написаны сотни книг на многих языках мира.

О нем писали не только друзья, но и враги, которые пытались сознательно фальсифицировать светлый образ Че, недобросовестно интерпретировать отдельные аспекты сложной личности Эрнесто Гевары.

Конечно, нельзя отрицать, что Че — сложная политическая фигура, справедливо отмечает советский исследователь О. Дарусенков. Он совершенно прав, когда указывает, что путь Че «от мятежного индивидуалиста к практику и теоретику революции не был простым. Его марксистско-ленинские убеждения формировались медленно, зрели постепенно, в ходе напряженных поисков, критики и самокритики. Че были свойственны некоторые заблуждения, в основе которых лежал, прежде всего, присущий ему революционный романтизм, неумение порой сообразовать в полной мере свои высокие стремления и кипение страстной натуры с реальной обстановкой, с общим уровнем самосознания масс в данный конкретный момент. Ему всегда хотелось большего, чем могла предложить действительность. Однако можно смело утверждать, что ошибки и заблуждения не были у Че главными и определяющими.

> «…Он всегда оставался тем, кем был, — коммунистом, беззаветным революционером-интернационалистом».[31]

В 1982 году в ФРГ вышла книга западногерманских публицистов Хорста-Эккарта Гросса и Клауса-Петера Вольфа, посвященная Эрнесто Че Геваре.

С ее русским переводом теперь знакомится советский читатель. Книга дает возможность, по выражению авторов, «окунуться в детство и юность Че», проследить за становлением его характера, увидеть Че — партизана в боевых действиях на Кубе и в Боливии, лучше узнать, какими благородными человеческими качествами он обладал.

Эта книга дополняет наши знания и представления об Эрнесто Че Геваре, человеке-легенде, который отдал свою жизнь революции.

М. Манасов, кандидат исторических наук

Об авторах

Хорст-Эккарт Гросс родился в 1943 году, дипломированный математик. После многолетней научной деятельности стал жертвой пресловутого закона о «запретах на профессию». Тринадцать лет провел в Бразилии. С 1967 г. — активист движения солидарности с Кубой. В 1974 г. стал одним из инициаторов создания общества дружбы «ФРГ — Куба» и был его президентом с 1978 по 1982 г. Посетил одиннадцать латиноамериканских стран, десять раз приезжал на остров Свободы, что позволило ему собрать обширный материал для этой книги.

Клаус-Петер Вольф родился в 1954 году. После получения аттестата зрелости в связи с отказом от срочной службы в бундесвере вынужден был отработать срок воинской повинности в системе социального обеспечения. В дальнейшем изучал германистику и юриспруденцию. В настоящее время занимается «свободной» творческой работой. Получил известность как автор нескольких детских книг, радиопьес, рассказов и повестей. Из всех многочисленных поездок важнейшим стало длительное пребывание на Кубе, что помогло в работе над книгой.

notes

Примечания

1

Майор *(исп.)* — высшее звание в Повстанческой армии. — Здесь и далее прим. переводчиков.

2

Быки — презрительная кличка полицейских,

3

Матэ — парагвайский чай.

4

Дружеское обращение, то же, что и кум, куманек

5

Ужасный ребенок *(фр.)*.

Перевод А. Голембы,

7

Пренебрежительное название жителей США в странах Латинской Америки.

Имеется в виду «Юнайтед фрут компани» (США).

9

Родина или смерть! (исп.)

10

Да здравствует Куба!

11

Товарищ (исп.).

12

Марка винтовки.

13

Перевод стихов Б. Дубина См.: Неруда П. Собр. соч. М»1978.

14

«Всеобщая песня»— поэтическая эпопея Пабло Неруды.

15

Мы победим! (исп)

16

Бородач *(исп.)* — так именовали бойцов Повстанческой армии на Кубе в период их борьбы против диктатуры Батисты.

17

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 122.

18

Один из крупнейших банковских концернов США.

19

Имеется в виду специальная сессия Межамериканского социального и экономического совета при Организации американских государств, происходившая в августе 1961 года на уругвайском курорте Пунта-дель-Эсте.

20

По-видимому, имеется в виду 1898 г., когда началась война между США и Испанией. Она была развязана американским империализмом с целью захвата бывших испанских колоний, в том числе Кубы.

21

В Бразилии государственный язык — португальский

22

«Свободная Гавана» *(исп.)*

23

Войска специального назначения в США и некоторых латиноамериканских странах.

24

В мае 1955 года Ф. Кастро под давлением общественного мнения был по амнистии освобожден из тюремного заключения. Вскоре ему пришлось эмигрировать в Мексику.

25

В 1972 году в Мехико вышла книга «Че Гевара. Решающие годы». В ней собраны стихи, написанные Че во время пребывания в Мексике. Книгу подготовила к печати его первая жена — Ильда Гадеа.

Эти книги вышли на русском языке: «Партизанская война» в издательстве «Иностранная литература» в 1961 году, «Эпизоды революционной войны» в Воениздате в 1973 году.

27

«Боливийский дневник» печатался в еженедельнике «Новое время» в 1969 году

Фидель Кастро о молодежи. София, 1978, с. 91, 100.

29

Цит. по: Лаврецкий И. Эрнесто Че Гевара. М., Молодая гвардия, 1972, с. 239.

30

Там же, с. 243.

31

См.: Дарусенков О. Предисловие к книге Эрнесто Че Гевара «Эпизоды революционной войны». М., Воениздат, 1973, с. 7, 8.